

Капитан Генри Джеймс Сноу

В ЗАПРЕТНЫХ МОРЯХ

Воспоминания об охоте на каланов у Курильских островов

Henry James Snow

In Forbidden Seas : recollections of sea-otter hunting in the Kurils

London, 1910

перевод с английского Ивана Ющенко

5H
364
56X
SLRA

L.S.

IN FORBIDDEN SEAS

RECOLLECTIONS OF SEA-OTTER
HUNTING IN THE KURILS

BY
H. J. SNOW, F.R.G.S.
AUTHOR OF "NOTES ON THE KURIL ISLANDS"

ILLUSTRATED

LONDON
EDWARD ARNOLD
Publisher to the India Office
1910

All rights reserved

SEA-OTTER.

Предисловие

Эта книга – результат неоднократных настояний моих многочисленных друзей, которые год за годом просили меня, чтобы я написал отчет о своих приключениях в малоизвестных водах северо-запада Тихого Океана, где я некогда промышлял калана и морского котика.

Я долго не решался уступить их требованиям, потому что не был уверен, что сумею написать так, чтобы это было интересно современному широкому читателю – он, как мне представляется, желает, чтобы повествование было подано под жгуче-пряными соусами. Я же по своему складу человек небогатого воображения и написать в таком духе мне не под силу, так что я взялся всего лишь изложить простыми словами все, как было. И с тем спускаю на воду свое утлое суденышко, представив усмотрению судьбы плыть ему или затонуть.

Первые главы этой книги посвящены калану, его местам обитания, повадкам и способам промысла; кое-что сказано и об островах, где он встречается, и о людях, их населяющих. Сведения, представленные здесь, главным образом, плод моих собственных наблюдений, но отчасти они взяты из других источников, слишком многочисленных, чтобы их перечислять – однако я пользуюсь случаем выразить благодарность за них. Последующие главы описывают мои личные приключения, опыт и воспоминания, отобранные из моих дневников и охватывающие многолетний период, когда моим основным занятием был промысел каланов.

Иллюстрации сделаны, частью, с фотографий, частью, с рисунков, выполненных по моим указаниям.

Во время своих многочисленных промысловых рейсов на Курилы я, по возможности, делал заметки об их основных чертах, фауне, флоре, метеорологии и т.д. Кроме того, составил описание почти всех островов гряды. Результаты этой работы вошли в книгу «Заметки о Курильских островах», которая издана под эгидой Королевского лондонского географического общества; за эту работу я был удостоен диплома и стипендии общества. Мои лоции были приняты и изданы Адмиралтейством. «Заметки...» были опубликованы впоследствии Японским правительством. С разрешения Географического общества я широко использовал их в первых двух главах.

Дальнейшие мои приключения и мой опыт охотника за морскими котиками, включая описание морской охоты на тюленей, еще ожидают своего часа, если интерес читателя к данной книге даст мне право написать еще одну, относящуюся к сходным предметам.

Генри Джеймс Сноу
В запретных морях

ГЛАВА I

КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА

Поскольку эта книга, главным образом, посвящена охоте на калана и приключениям среди Курильских островов, я начну ее с краткого описания этих островов, ибо они находятся в части света, столь мало известной и столь редко посещаемой, что подавляющее большинство людей имеет мало понятия, где они расположены, а то и вовсе его не имеет.

Курильские острова составляют восточную границу Охотского моря и тянутся на северо-восток почти прямой линией от восточного побережья Эдзо до южной оконечности Камчатки почти 630 географических миль. Их общая площадь 2 788 географических квадратных миль. О Шикотане и маленькой группе островов, расположенных у восточной оконечности Эдзо, вряд ли можно сказать, что они принадлежат к Курильской гряде. Названия островов разнятся на различных картах. Я принял те написания, что приведены в картах Британского адмиралтейства за 1897 год. Все острова, за исключением Шумшира гористые, вулканического происхождения. Действующие, спящие и потухшие вулканы можно найти на каждом острове, за вышеуказанным исключением. Они разнятся по высоте от 1 360 футов (Ушишир) до 7 640 футов (Алаид). Пар исходит из кратеров, по крайней мере, двадцати из этих вулканов, среди них не менее пяти на Итурупе. Я видел три из них – один на северо-восточной оконечности Итурупа в мае 1883 г., один на Черных Братьях в июне 1879 г., и еще один на Шумшире в сентябре 1881 – во время бурных извержений, когда они извергали облака черного

дыма, камни и пепел на огромную высоту, под аккомпанемент громopodobных звуков, слышимых за пятьдесят и более миль. Еще два – Матуа и Чиринкотан – я видел извергающимися тихо, раскаленная докрасна лава просто переливалась через края кратера и небольшими потоками стекала по склонам.

Во время одного из моих визитов на острова в июне 1879 я стал свидетелем формирования новой точки суши на Черных Братях. Это произошло за счет совершенно замечательного, медленного и постепенного поднятия южного склона горы вблизи моря. Как будто работал гигантский крот, зарываясь в землю и выталкивая за собой скалистый грунт. Этот постепенный подъем происходил буквально у меня на глазах - массы черного вулканического камня, выталкиваемые из недр через краткие интервалы, скатывались по склону и, с треском и плеском, падали в море. Воспользовавшись возможностью, я подошел на лодке к этому недавно изверженному камню и обнаружил, что он очень горяч, впрочем, не настолько, чтобы рука не могла выдержать его жара. Из всех частей только что сформированного мыса исходил дым или пар. Невзирая на недавнее бурное извержение из кратера и это, более спокойное, у подошвы горы, бесчисленные кайры, чайки, бакланы и другие птицы, расположившись на уступах скал, откладывали яйца рядом с беспокойным участком острова. При каждом громе и плеске, производимом массами перекатывающейся породы, тучи этих птиц с криком взмывали в воздух, а спустя несколько минут снова садились. Как долго продолжалось это медленное поднятие суши, я не могу сказать. Это происходило в течение трех или четырех дней, пока я оставался у островов, и, судя по тому, насколько увеличился мыс, а также по количеству и высоте массы породы, я бы сказал, что это продолжалось по крайней мере в течение нескольких недель . Горячие источники встречаются на большей части островов. На западной стороне Рашау, примерно в трех с половиной милях от мыса Южный, есть теплый ключ, где температура воды составляет 111 ° F . Он выходит на поверхность у подножия высоких скал, и стекает по уступам из плоских камней, где имеются трещины и впадины размером с хорошую ванну. Эти пустоты всегда заполнены водой и представляют собой отличное место для того, для мытья, но я никогда не слышал, чтобы туземцы, жившие на острове, пользовались этим источником. Вода же

прозрачная, безвкусная, не имеет запаха и не вызывает изменения цвета на камнях, по которым протекает.

На Кунашире есть кипящие источники, имеется ряд горячих источников и на Итурупe, к некоторым из них обращаются местные жители для лечения кожных заболеваний, ревматизма и т.д. Ушишир имеет кипящие источники внутри кратера, на юго-восточной стороне. Здесь, у подножия сопок, раскинулся сравнительно ровный участок, где сформировалась выходы серного грунта, через эти выходы фумаролы испускают пар, ярко-желтый, мучнистая сера осаждается вокруг отверстий. Неподалеку оттуда и всего на несколько футов над уровнем моря, имеются источники кипящей грязи и воды. Горячая вода стекает небольшим потоком во впадину кратера. Вода, как можно представить, сильно пахнет серой и имеет серный вкус. Ушишир, хотя это один из самых маленьких островов этой группы, исключительно интересен, отчасти по причине его формирования, а также из-за потрясающего количества птиц, которые прилетают сюда на лето. Он разделен на две части, которые соединены рифом, состоящим из крупных валунов. .. Северная часть является сверху плоская, поросшая травой, и простирается примерно на милю. В южной части, которая гораздо более мили в диаметре, представляет собой полый вулканический кратер, южной стена которого проломлена, предоставляя доступ к морю. Внешний вход в этот кратер находится между высокими отвесными скалами на западной стороне, и высокой куполообразной скалой, скалистыми утесами, и гряды песчаных и пемзовых холмов, на восточной стороне. С каждой стороны от мысов внутрь уходят две короткие низкие каменистые косы, которые подходят друг к другу на расстояние примерно 20 ярдов. Дальше вглубь имеется еще одна коса, протянувшаяся от восточной стороны, и доходящая почти до западной части кратера. На этой косе есть узкий, но высокий остроконечный гребень, по большей части, заросший травой. Между внутренней и внешним косами вода мелкая, с песчаным дном, пройти там может только лодка. Через отверстия при приливе и отливе входит и выходит море, за второй косе находится изолированный от моря круглый бассейн, края которого возвышаются над поверхностью на высоту от 500 футов до почти 1400 футов. Глубина воды в кратере, судя по моим измерениям от 5 до 23 сажен . Почти в центре бассейна находятся два скалистых покрытых травой островка.

Западные стенки этого кратера, состоящие, в основном из твердой скалистой породы, самые высокие и крутые, в одном месте они достигают высоты 1360 футов. С этой стороны кромка кратера постепенно переходит в склон спиралью сходящий на северную сторону, которая, как представляется, сформирована из пемзовых пород, и имеет высоту около 800 футов. Продолжаясь на восток и юго-восток, стены кратера сужаются и становятся ниже, пока их высота не составляет не более чем 600 футов. Вокруг всего бассейна тянется узкий пляж. Взобраться на стены кратера можно только с северной и восточной сторон. Из внутреннего бассейна океана не видно. Вода там гладкая как мельничный пруд, и усеяна бесчисленным множеством морских птиц, которые избрали этот остров для гнездования. В погожий день это место, огражденное высокими стенами кратера, с облаками пара, тихо поднимающимися над фумаролами и источниками, с голубым небом в вышине, и мириадами птиц, безмолвно и непрерывно летающими взад и вперед, не имея, как кажется, никакой иной причины кроме наслаждения процессом полета являет собой впечатляющее зрелище. Однако этого беззвучного движения так много, что, вскоре оно начинает угнетать, и уже жаждешь рева прибоя или чего-то еще, что могло разрушить это однообразие.

Это место - настоящий рай для птиц. Лис или других наземных животных здесь нет, и это главная причина, почему различных птиц здесь так много. Чайка-бургомистр (*Larus glaucus*) гнездится более или менее по всем островам, ее излюбленные места у горячих источников и на выходах серы. Здесь я часто брал яйца и варил их в кипящей воде источников. На уступах камней и утесов откладывают яйца и выводят птенцов десятки тысяч кайр (*Uria troile* и *U. brurini*), тут и там среди них имеются крупные колонии моевок (*Rissa tridactyla*), их гнезда находятся на недоступных полках и в небольших полостях скал. Сотни тысяч глупышей (*Fulmarus pacificus*) занимают все доступные травянистые кочки и выступы на крутых склонах острова, и внутри и снаружи кратера, в то время как миллионы мелких чистиковых нескольких видов (*Phaleris cristatella* и *P. mystacea* из них наиболее многочисленные) откладывают яйца в полостях и расселинах в каждом уголке, и под каждым валуном, по всему острову.

К вечеру эти гагарки принимаются за свои летные упражнения. Они собираются в многотысячные стаи, а сотни таких стай одновременно взлетают в воздух,

получившиеся тучи птиц почти затмевают свет. Они летают вокруг и около острова, то поднимаясь над горой, то пикируя вниз к воде с большой скоростью – чтобы вновь подняться, завернуться, снова и снова проходить друг мимо друга, каждая стая как одна птица, словно выделяет сложные фигуры кадрили.

Кайры, часто в сопровождении тупиков, тоже занимаются упражнениями по вечерам, но в гораздо более спокойной манере - они постоянно летают и летают вокруг острова бесконечной линией или лентой. Все птицы, которые предпринимают эти очевидно регулярные физические упражнения, относятся к видам со сравнительно тяжелыми телами и короткими крыльями. Топорики, чистики и бакланы, а также гнездятся здесь в большом количестве. Ипатки, попугаеклювые чистики, сероголовые чистики, вилохвостые качурки и северные качурки обычны здесь, но их немного. Утки-каменушки многочисленны, но я так и не смог найти их яйца. Казарки (*Bernicla hutchinsi*) в ограниченном количестве также размножаются здесь. Разнообразие наземных птиц ограничивается воронами, соколами, трясогузками, и крапивниками.

Подземные толчки часты по всей Курильской гряде. Я испытывал их на берегу и на борту судна, как на якоре, так и на ходу. Пожалуй, когда толчок ощущается на борту идущего судна, возмущение, которым он вызван, возможно скорее является подводным извержением, чем землетрясением. Однако, когда судно на якоре, оно прикреплено к земле, якорем и цепью, и землетрясение передается на судно через них.

12 июля 1884 года, проплывая вдоль островов, примерно в четырех милях к западу от скал Среднего, мы почувствовали последствия серии подземных толчков, или - более вероятно - волнения вызванного подводным извержением. Около пяти часов вечера, когда я был у себя в каюте, послышался шум, как будто кто-то вытравливал литье поверх планшири. Я подумал, что бросали лот, так как в это время стоял густой туман, и перестал обращать на эти звуки внимание. Некоторое время спустя, послышался такой же звук, но гораздо громче. Расспросив людей на палубе, я обнаружил, что его никто не заметил. Около шести часов мы сели ужинать, когда по судну прошла сильная дрожь, сопровождаемая звуком, похожим на звук пара спускаемого из котла. Все матросы бросились на палубу, думая, что судно налетело на риф, но все было тихо и как обычно, шхуна медленно продвигалась

вперед при очень легком юго-юго-восточном ветре. Несколько раз забросили лот, но, несмотря на то, что лотлинь был вытравлен на всю длину, дна он не достал. Этот сильный шум и дрожание судна продолжались почти два часа с интервалами в пятнадцать минут, и каждый раз длились около тридцати секунд. Никакого возмущения в море не было замечено, но по причине тумана наше поле зрения было очень ограничено. Температура моря оставалась нормальной (36 ° F) . Хотя для тех, кто находился внизу сильный шум, наподобие продувания парового котла казался очень громким тем, кто был на палубе его не было слышно, несмотря на то что дрожание судна в равной степени было заметно и там, и там. Таким образом, звук, должно быть, передавался через воду и несомненно был вызван каким-то подводным возмущением. Несколько дней спустя я побывал в кратерах Ушишир и Рашау, но они не проявляли никаких признаков повышенной активности.

Будучи расположены в "ревущих сороковых", у холодного арктического течения (Оясио), - его средняя температура летом не превышает 36 ° F - которое идет на юго-запад вдоль их берегов, и, столкнувшись с теплым японское течением (Курисио), идущим в противоположном направлении, поворачивает на восток, Курильские острова, разумеется, не могут похвастаться идеальным климатом. Весна холодная и бурная, через Охотское море ветры северо-западных направлений приносят множество ледяных полей, которые блокируют самые южные острова и восточное побережье Эдзо; нередко море очищается от этого льда только к середине мая. Туман господствует в течение всего лета, худший месяц в этом отношении - июль. Осень является лучшим временем года, когда при западных ветрах можно ожидать ясной, светлой, приятной погоды. Зимой очень холодно, много снега; собственно, острова никогда полностью освобождаются от снега, и только к середине июля он сходит на низменных частях некоторых островов.

Часты сильные штормы, особенно бурный месяц - май. Течения, что проходят вдоль побережья, а также во всех направлениях по множеству проливов, сильны и нерегулярны, что делает навигацию опасной. Очень мощные отбойные течения встречаются, главным образом, у оконечностей островов в различных проливах. В некоторых из них не сможет уцелеть ни одна лодка, а парусное судно, если нет

сильного ветра беспомощно, и не в состоянии бороться с этими течениями, скорость которых порой достигает 5- 6 узлов.

К счастью, острова, как правило, окружены глубокими водами, большие глубины сохраняются близко от берегов, и в море рядом с островами немного опасных мест; более того, огромные поля бурых водорослей растут вокруг их каменистых берегов в водах глубиной от 5 до 20 саженей, полностью окружают некоторые из островов простираясь от пляжа на треть мили и больше. Эти водоросли вырастают в длину до 150 футов и более, а при смене вод они оказываются настолько густыми, что лодка с трудом может пройти через них. Таким образом судно, приближаясь к островам в туманную погоду, как правило, предупреждено о близости земли прежде, чем возникнет опасность на что-нибудь налететь. В дополнение к этому бывалый человек знает много других ориентиров, помогающих навигации среди этих островов, несмотря на туман, они могут рассказать о местонахождении судна с достаточной точностью. Такими ориентирами являются рев морских львов на лежбище, и их запах (который часто доносится до корабля, даже если животные ведут себя тихо), сернистый дым от вулкана, крики моевок на определенных мысах и скалах, полеты тысяч кайры возле других, и присутствие стай чистиков, тупиков, глупышей и других морских птиц, о которых известно, что часто они встречаются в определенных местах или водятся только на конкретных островах. Наличие известных отбойных течений и другие особенности также помогают опытному человеку в определении положения судна, и дают ему возможность достичь места назначения

Меня нередко забавлял трепет старых глубоководных моряков, законтрагованных на охотничье судно помощником или вахтенным, когда они оказывались на Курильских островах в первый раз, и видели с какой мнимой беспечностью управляется судно в густой туман, в штормовую погоду, или темной ночью. Вспоминается один такой случай. Однажды вечером, когда мы находились в бухте Роко, недалеко от юго-западной части Итурупа, налетел зюйд-ост. Нам пришлось дать ход, так как мы находились у подветренного берега, но, желая держаться суши, мы решили галсами выйти из бухты, обогнуть юго-западную оконечность острова, пройти по проливу и встать на якорь с подветренной стороны на охотоморском краю острова, в месте, которое охотники прозвали «Веха».

К тому времени, когда мы выбрались из бухты и могли обойти мыс, ветер дул уже с такой силой, что нам пришлось взять двойные рифы. Когда мы огибали юго-западный мыс ветер уже дул со штормовой силой, поэтому мы убрали грот и прошли пролив при попутном ветре на одном фоке, взяв два рифа.

Была уже кромешная тьма, но, хорошо зная побережье, мы решили пройти совсем близко к каменистому берегу, и стать на якорь в «Веке». За штурвалом стоял надежный человек, двое из нас растянувшись на носу шхуны, высматривали линию прибоя (было так темно, что землю было не различить), и передавали на корму, куда править. Нам надо было пройти около восьми миль, или немного больше, и шли мы стремительно, так что если бы шхуна налетела на что-то, то, определенно, пропоролла бы себе днище. Внезапно линия прибоя кончилась, и мы поняли, что прибыли. Курс был быстро изменен, когда мы вскоре попали в спокойную воду, выйдя из области прямого воздействия. Примерно милей дальше мы провели промеры и выяснили, что глубина под нами 8 саженой воды, после чего мы остановили судно на и бросили якорь, не зная точно, где мы, кроме того, что мы на гладкой воде, а ветер по-прежнему яростно дует у нас над головами, иногда «скатываясь» вниз по склону горы порывами ураганной силы.

Когда мы уже встали на якорь и устроились на новом месте со всеми удобствами (около полуночи), вахтенный, старая капитан, ходивший на глубоководных судах наконец взял себя в руки (он был в очень нервном состоянии, во время перехода на эту стоянку), и воскликнул: "Да уж, для меня это чересчур. Неудивительно, что мои волосы седеют. Они станут совсем белыми до конца рейса". На рассвете мы обнаружили, что встали на якорь совсем рядом с тем места, куда и направлялись, но всего в ста ярдах от пляжа, что, конечно, нас не порадовало, так что пришлось отойти, а через несколько часов мы должны были оставить «Веху» - ветер переменялся на норд-вест, опять-таки штормовой. Мы вернулись к нашей первой стоянки в заливе Роко, и стояли, пока буря не утихла. Наша цель была достигнута: мы держались суши, и поэтому могли выйти на охоту, как только ветер стихнет. После штормового норд-веста почти всегда наступает хорошая погода для охоты, и вода становится гладкой. Если бы мы были вынуждены выйти в море, то вероятно потом не были бы в состоянии подойти достаточно близко к острову еще в течение многих часов, и так потеряли бы, по крайней мере, один хороший для охоты день.

Полагаю, что случись авария в обстоятельствах подобных описанным и потерей мы судное мы не встретили бы никакого сочувствия в членах Следственной комиссии – они осудили бы такой безумный с их точки зрения риск. Признаюсь, оглядываясь назад на некоторые из этих авантур, теперь, когда я стал много старше, при том же раскладе я вышел бы в открытое море, пусть и рискуя потерять день охоты.

Из наземных животных на островах водятся медведи, волки, лисы, речные выдры, куницы, соболя, зайцы, белки, крысы и лемминги. На двух южных островах, Кунашире и Итурупе, обитают они, все за исключением леммингов. Они это такие же животные, что и на главном острове Эдзо. На центральных островах единственное животное, насколько я знаю, лисица; впрочем, на Урупе возможно есть речная выдра. На северных островах, Шумшир и Парамушир, есть медведи, лисицы, и лемминги. Медведи (*Ursus arctos*) северного острова идентичны тем, что водятся на Камчатке; похоже, их там две разновидности, черный и бурый. Медведь южных островов принадлежит другому виду; Сиболд в своей "Fauna Japonica" призывает его *U. ferox*. Они были очень многочисленны как на Кунашире, так и на Итурупе в начале 70-х годов, но теперь сравнительно редки. Лисы центральных и северных островов исключительно хороши, там встречаются рыжие, серебристые, черные и помеси.

Из морских млекопитающих самые важными были морская выдра (*Lutra lutris*) и морской котик (*Otaria ursina*), но они почти истреблены. Первая из упомянутых встречается по всей гряде от Кунашира до Шумшира. Лежбища котиков существовали островах Среднего, на Райкоке, Мушире и Моканруру - на двух последних очень маленькие. Они, однако, были полностью уничтожены. Морские львы (*Otaria stelleri*) многочисленны; существовало восемнадцать больших лежбищ этих животных на островах, но число даже этих сравнительно малоценных зверей сильно сокращено. Черный морской лев (*Otaria gilliespii*) также часто посещает острова, но в небольших количествах; в то время, как австралийский вид иногда встречается в море, но я ни разу не видел его на залежке. В водах, прилегающих к островам многочисленны обыкновенный тюлень (*Phoca vitulina*), киты, гринды, касатки, и морские свиньи. Птицы представлены примерно 170 видами. Весной и летом, на центральные острова в особенности, прилетает для гнездования огромное

количество чистиковых, кайр, тупиков, глупышей, чаек, буревестников и других морских птиц.

ГЛАВА II

КУРИЛЬСКИЕ АЙНЫ

Курильские острова, несомненно, стали известны японцам не позже, чем с XV века, но нет свидетельств, что они были известны европейцам до их открытия голландским мореплавателем де Фризом в 1634 г.

Тот факт, что все Курильские острова носят айнские имена, может указывать, на мой взгляд, что первыми о них узнали и посещали их айны. И впрямь существует достаточно свидетельств, что так оно и было. В «Записках Литературного Колледжа» №1, Императорского университета Японии, профессор Б.Х. Чемберлен приводит каталог 465 книг, главным образом, японских, относящихся к Эдзо и айнам. Среди них есть немало тех, где упоминаются Курильские острова и их жители. Большинство, впрочем, касаются южных островов гряды, хотя имеются и те, где приводятся сведения о центральных и северных островах до их открытия де Фризом в 1634 г. Для того, чтобы побывать на северных Курилах, айны должны были иметь в то время довольно крепкие лодки, иначе они не смогли бы совершить подобное путешествие – некоторые проливы имеют ширину до 30-40 миль, многообразный риск представляют собой сильные течения, мощные отбойные волны и шторма, вот с чем приходится считаться при таком переходе.

В 1654 г. русский купец по имени Тарас Стадухин спустился от реки Колымы через Берингов пролив вдоль побережья Камчатки к её самой южной оконечности и открыл северные острова гряды. В 1711 г. русские впервые вторглись на острова, а к 1736 все они к северу от Итурупа были подчинены России. В 1766-67 по ним была предпринята экспедиция для сбора пушного налога, так что, вероятно, они были сравнительно хорошо заселены к этому времени. В 1795 г. Российско-Американская компания учредила на Урупе «факторию». На северных и центральных островах, по-видимому, не было постоянного населения до того, как их открыл Стадухин, и только погоня за морской выдрой вызвала их заселение

впоследствии. Ни на них, ни около них более не было ничего, что могло бы заставить людей поселиться в таком холодном, мрачном, голом, негостеприимном краю, тем более что к северу на Камчатке и на Эдзо к югу можно было найти немало мест изобилующих дичью, рыбой, пушным зверем, лесом и растительностью. Люди, завезенные на эти острова русскими в те ранние дни, были, главным образом, алеутами, было и некоторое количество уроженцев южной Камчатки, поскольку они являлись искусными охотниками на калана. Касательно же того, когда на них стали постоянно жить айны, сведений не имеется. Похоже, они держались как можно дальше от северных людей; вероятно, русские считали их существами низшего сорта.

Японцы утвердились на Итуруп не ранее конца восемнадцатого века. В 1806-07 гг. русские высадились на остров, и имели место боевые стычки. В 1875 г. все острова от Итурупа до Камчатки были переданы Японии в обмен на Южную часть Сахалина. Девять лет спустя, в 1884 г., японское правительство, собрав всех местных (числом от 60 до 70 человек), что оставались на бывших русских островах, свезло их в одно поселение на острове Шикотан, в тридцати милях от восточного побережья Эдзо. Остальные местные, что находились там изначально, предпочли перебраться на русские территории, и поэтому на островах между Итурупом и Камчаткой не осталось ни одного жителя.

Несколько лет спустя лейтенант японского флота Гундзи составил план колонизации этих северных островов и собрал с этой целью группу переселенцев. План носил сенсационный и, в некотором роде, романтический характер. Он привлек внимание сразу после того, как капитан японской армии Фукусима, совершил свое сенсационное путешествие верхом из Европы в Азию через Владивосток, и японская пресса и публика твердили об этом подвиге наперебой. Гундзи явно думал, что долг морского офицера также совершить что-то из ряда вон выходящее. Японские газеты раструбили до небес об этом плане.

Переселенцев предполагалось доставить на место (за примерно 1 300 миль) не на каком-либо обычном судне, а на открытых весельных лодках, вдоль японского побережья и далее от острова к острову, пока они не достигнут о. Шумшир, ближайшего к Камчатке.

Предприятие было сумасбродное и заранее обреченное на неудачу. Когда лодки отплывали из Токио, их провожали восторженные толпы с флагами и оркестрами. Но неприятности начались очень скоро, чего и следовало ожидать. Бурное море, морская болезнь и другие тяготы быстро выветрили энтузиазм из большинства. Некоторые из лодок прошли до Намбу (ок. 400 миль от Токио по морю), хоть и не без раздоров, происшествий и смертей. Кончилось тем, что остаток партии правительство отправило на пароходе, и они поселились в старых заброшенных деревнях на Шумшире у северного входа в Малый Курильский пролив. Позднее часть этой партии переселили на Шиашикотан, но и одной зимы на этих негостеприимных землях оказалось для этих людей более чем достаточно – когда следующей весной туда пришло казенное судно они все были найдены мертвыми. Предположительно, они умерли «от истощения». Некоторые из тех, кто остался на Шумшире, также погибли. В таком холодном климате это был весьма обычный исход для японцев. Мне говорили, что в былые годы многие японцы, зимовавшие на Сахалине, расстались с жизнью подобным же образом. Они оставались в своих хижинах день и ночь, впадали в хандру, теряли всякую энергию и постепенно «угасали», умирая без особой причины.

Гундзи, который оставался на Шумшире, был энергичным работником. Мне рассказывали, что он постоянно заставлял своих людей заниматься чем-то в зимние месяцы, и тем самым, возможно, спас им жизни. Они, однако, представляли собой жалкое зрелище. Я встретил Гундзи в Малом Курильском проливе в июне 1893 года, и к этому времени они не узнали, даже где ловить треску, несмотря на то, что эта рыба изобилует в водах вокруг острова. Гундзи сказал, что они не могут поймать рыбу, и поэтому у них трудности с продовольствием. Я сказал ему, где он мог бы очень быстро наловить ее полные лодки, и с тех пор дела у них пошли несколько лучше, позже ловля трески и другой рыбы приобрела там промышленный размах.

Впоследствии они сделали большой прогресс. К ним присоединились еще поселенцы, для охоты и рыбалки были закуплены две шхуны. Это продолжалось до войны с Россией, когда они предприняли вылазки на побережье Камчатки, потеряли суда, и некоторых из своих людей, а другие, в том числе Гундзи, были взяты в плен. Русские, как сообщается, провели рейд на Шумширское поселение,

но верно это или нет, я не смог выяснить. Так или иначе, правительство Японии вывезло всех оставшихся - до конца войны.

Практически, из всей Курильской гряды островами, представляющими какую-то ценность, являются Кунашир и Итуруп. На первом около 1500, а на втором около 1400 постоянных жителей. Из них около трех четвертей японцы, остальные айны. Во время рыболовного сезона, который длится около шести месяцев, несколько сотен рыбаков привозят на острова и нанимают на рыбные предприятия. В период расцвета Российско-Американской компании, большая часть северных и центральных островов, видимо, была заселена, поскольку есть остатки старых деревень на Шумшире, Парамушире, Онекотане, Харимкотане, Шиашикотане, Матуа, Рашау, Ушишире, Симушире и Урупе.

Весьма неразумно решившись попробовать охоту в зимний сезон в районе Курильских островов, я имел несчастье 4 декабря 1874 года, потерпеть крушение на восточном побережье Итурупа, близ Онебецу, где мы прожили в течение двадцати дней в айнской хижине. Затем мы перешли по снегу через весь остров в поселок Фуребецу, на северо-западном побережье, где японцы нас устроили и окружили любезной заботой. Выбраться с острова в это время года было никак невозможно, и нам пришлось оставаться в Фуребецу почти до конца мая, когда прибыл японский казенный пароход, и на нем нас отвезли в Хакодате. Во время этого вынужденного пребывания на Итурупе (которые будет описано более подробно в одной из дальнейших глав), как и не раз впоследствии, я видел много аборигенов этих островов - айнов. Мне также приходилось сталкиваться с теми их них, кто населял Эдзо, Сахалин и северные Курилы.

Туземцы Итурупа работали - и до сих пор, почти все работают - на японских рыбопромышленников. Весной они ловят треску, позже форель и лосося. Зимой, главным образом, заняты рубкой леса.

Дома айнов на Итурупе похожи на их дома на Эдзо, они сделаны из травы или камыша, укрепленных веревками на деревянных рамах. Иногда поверх травы помещаются пласты древесной коры. Крыши - высокие, крутые и покрытые травой. Окна маленькие, обычно закрытые досками, вход закрывает циновка. Посреди дома углубление для очага, а дым выходит через отверстие в крыше. На Итурупе я никогда не встречал айнов, живущих в полуземлянках, вроде тех, что используются

местными на северных островах. Однако остатки этих землянок можно увидеть повсюду.

Одежда этих айнов состоит, главным образом, из предметов, сотканных из волокон березовой коры, наподобие той, которая была в ходу у туземцев Эдзо, и мокасин до колен, сделанных из кожи лосося. У айнов Итурупа нет драгоценных вещей, вроде старых японских лаковых чаш, подносов, бадей, шкатулок и т.д., которые можно было встретить во многих домах туземцев на Эдзо. Эти туземцы, как и те, что живут на Эдзо, широкоплечий, крепко сбитый, хорошо сложенный, дюжий народ; если их отмыть и причесать, они вполне могли бы считаться красивыми. Их спутанные волосы и бороды придают им дикий вид, но всякая мысль о зверстве испаряется, едва сведешь с ними знакомство – когда увидишь мягкое выражение их больших светло-карих глаз, услышишь их низкие, мелодичные голоса. Многие из их девушек милостивы и привлекательны, у них светлая чистая кожа, распахнутые европейские глаза, их ноги, руки и корпус отлично сформированы, а голоса от природы более мягкие и мелодичные чем у мужчин. Несмотря на то, что живется им тяжело, и они работают наравне с мужчинами, они полны веселья и радости. Волосатость айнов, на мой взгляд, сильно преувеличена. Как правило, у айнских мужчин густые бороды и усы, которые они отращивают на полную длину. Также волосы у них растут на теле, на руках и ногах, но не более, чем у очень многих европейцев. Преувеличенное представление об их волосатости, несомненно, произошло от контраста между ними и гладкокожими, лишенными растительности японцами и китайцами. Что касается айнских женщин, они, практически, не подвержены аномальному росту волос, и я никогда не замечал у них поросли на лице, которая наблюдается у многих женщин Южной Европы.

Численность айнов быстро сокращается, и, хотя несколько лет назад влиятельными японцами и иностранцами был запущен проект с целью попытаться сохранить эту расу от вымирания, боюсь, надежды на успех мало. Их привычки, их беспомощность, отсутствие в них духовной силы, и их страсть к крепким горячительным напиткам говорят против них – как и все дикие народы, вступившие в контакт с цивилизацией, они обречены исчезнуть. Что бы ни способствовало этому в прошлом, сегодня это недостаток энергии и целеустремленности. Тирания со стороны их хозяев японцев, если и наблюдается,

то самая незначительная, и, однако, существуют косвенные свидетельства того, что прежде они подвергались грубому и жестокому обращению. Практически они вели рабскую жизнь, их приучали смотреть на себя как на низшие существа по сравнению с их завоевателями—японцами, столетиями их запугивали и подавляли, чтобы вытравить из них самую мысль о сопротивлении и независимости; и беспомощность и покорность сделались в них наследственными. Сегодня айны самый безропотный, покорный и робкий народ на земле. Ударьте айнского мужчину, и, вполне вероятно, он расплачется. Я наблюдал это не раз, при том что физическое воздействие представляло собой всего лишь резкий удар раскрытой ладонью. Они выказывают любопытную смесь смелости и забитости – не задумываясь, идут на медведя, но испытывают смертельный инстинктивный страх перед японцами. Посмотрите, как они боялись задеть японских чиновников, давая сведения о себе мисс Берд, что описано в ее книге «Неторные пути Японии». Даже северокурильские айны, которые не были подданными Японии, в ужасе перед японцами, я знаю, что они в спешке перебирались на другой остров, услышав о приближении японцев. Этот страх перед их японскими господами был более очевиден двадцать с лишним лет назад. Вероятно, тогда он был столь же беспричинен, как и сейчас, но, несомненно, он возник из-за жестокости и угнетения. Японское правительство в последние годы многое сделало, чтобы помочь айнам, но к несчастью, сами они слишком мало склонны помочь себе. При отсутствии письменности, собственной истории у айнов почти нет. У них практически нет возбуждающих дух традиций, которые могли бы разжечь и укрепить в них отвагу; почти или вовсе нет доблестных подвигов их предков, которым они могли бы подражать; и нет буквально ничего, что могло бы заставить их гордиться своей расой. Другими словами, они не имеют никакого патриотического духа, а следовательно, ничего, чтобы побуждало бы их прилагать усилия для продолжения своего существования как нации. Подобно чернокожим Австралии, их окончательное исчезновение почти предрешено. И все-таки жаль, что такой крепкий и красивый народ, настолько превосходящий по телосложению, своих японских правителей, должен сгинуть.

Айны очевидно сильный и здоровый народ и, казалось бы, их количество должно увеличиваться, но дело обстоит как раз наоборот. Причин для этого несколько.

Эпидемическая болезнь, оспа, например, стоит ей разразиться принимает опустошительный масштаб. Сифилис, ввезенный сюда японцами, и пьянство также играют немалую роль в уменьшении их числа. Еще одна причина, которая в значительной степени препятствует росту их численности, на мой взгляд, в том, что там, где айны живут бок о бок с японцами, почти все молодые девушки, притязавшие хоть на какую-то миловидность, становятся наложницами японцев. Как таковые, они часто меняют хозяев, и иметь детей им не рекомендуется. Потеряв свою свежесть и привлекательность, они вступают в брак с айнскими мужчинами, и дети от таких союзов, как можно предположить, немногочисленны. По моим наблюдениям, айнская девушка предпочитает быть любовницей японца, а не женой одного из своих. Японец, как правило, может предоставить ей лучшее жилище, еду и одежду, и, помимо того, множество роскошных мелочей, чего муж-айн не может себе позволить. Потомки от браков между японцами и айнами недолговечны. Говорят, они обычно вымирают во втором поколении. Это, вероятно, справедливо, так как в северных японцах мало, а то и вовсе нет следов айнской крови.

Во время моего пребывания на Итуруп в 1875 году живший там японский врач сообщил мне, что, когда японцы впервые приехали на остров, около ста лет назад, там жило около 1500 айнов. Они были прекрасными, сильными, здоровыми людьми, кормились, в основном, охотой на медведей, тюленей, морских львов, морских выдр, и рыбой, дикими кореньями, ягодами и морскими птицами и их яйцами, все это в свой сезон имелось в изобилии. С появлением японцев их число постепенно уменьшалось, пока на тот момент (1875 г.) не составило менее 450 человек. Он также сообщил, что около семидесяти лет назад (1805), два хитоцубаси якунин (японских чиновника) были направлены на Итуруп. Это были первые официальные лица, поселившиеся на острове. Первый разместился в Ойто, но позже перебрался в Шана, дальше на северо-запад по побережью, там было построено нечто вроде крепости или замка. Сорок лет спустя разразилась усобица между айнами острова, северные туземцы боролись с южанами из-за неких подарков, которые должны были отправляться каждый год вождю айнов в Эдзо. Вплоть до 1859 г на Итуруп было, по словам доктора, 1200 туземцев. Японцы, кажется, утвердились на острове без сопротивления со стороны айнов.

Этот рассказ доктора, в некоторых отношениях, соответствует тому, что излагается в докладе м-ра У. Дж. Астона, опубликованном в томе I «Трудов Азиатского общества Японии» под названием "Русские десанты на Сахалин и Итуруп в 1806 и 1807 гг.", где я нахожу: «В это время (1807 г.) японская колония (на Итурупе) вполне процветала. Она была учреждена более десяти лет назад, и на тот момент ее население составляли более чем 1000 айнов и 250-300 японцев, в их числе пять женщин. Большинство японцев, однако, были солдаты гарнизона в Шана".

Русские десанты были предприняты, чтобы заставить японское правительство согласиться на заключение торгового договора с Россией, до той поры правительство сёгуна упорно игнорировало все дружественные инициативы в этом направлении, и приказало русским кораблям, привезшим письмо царя к сёгуну на эту тему, покинуть гавань Нагасаки. Это, наряду с заключением в тюрьму четырнадцати русских, которые высадились на Итуруп в надежде, что им разрешено будет торговать, привело русских в такое раздражение, что они предприняли ответные меры в виде рейдов на Итуруп и Сахалин. Во время одного из таких рейдов замок Шана был захвачен и сожжен, были захвачены также припасы и казна, и некоторое количество пленных. Два русских корабля находились под командованием лейтенанта Чивостова. Японский гарнизон не оказал практически никакого сопротивления, и бежал в горы, где его командир совершил харакири, чтобы смыть свой позор.

Острова к северо-востоку от Итурупа, когда они находились под властью России, были более или менее населены племенами айнов, к которым было примешано несколько алеутов и выходцев с Южной Камчатки. В 1878 году, когда я впервые посетил эти северные острова Курильской гряды, я обнаружил, что туземцы живут на Урупе, Ушишире, Рашау и Шумшире.

До этого население имелось еще на нескольких островах. Старые деревни, насчитывавшие от десяти до тридцати жилищ, имелись на Симушире, Матуа, Харимкотане, Шиашикотане, Онекотане и Парамушире. Кроме этого, были остатки нескольких землянок или юрт, на о-вах Кетой, Экарма, и Алаид. Однако, они вероятно, использовались только охотничьими партиями из крупных населенных пунктов, а не являлись постоянным местом жительства. При обмене этих островов на Южный Сахалин туземцы, пожелавшие остаться русскими подданными, были

вывезены на территорию России, а те, кто предпочел остаться на островах в своих старых домах, стали подданными Японии. Все эти северные туземцы, помимо своего родного языка - диалекта айну, сходного, как утверждают, с тем, на котором говорят сахалинские айны – более-менее бегло говорили на русском языке, а по вероисповеданию были православными христианами. Русские священники время от времени навещали их, и на Шумшире, в деревне Майруппо, стояла церковь, построенная из сосновых досок, привезенных из Америки. В этой деревне в 1878 году стоял деревянный склад. В нем было несколько комнат, а обогревался он русской кирпичной печью, находившейся в середине дома. Там имелся и верхний этаж с верандой по фасаду, на которой был установлен флагшток, здание в дни процветания этого поселка очевидно являлось официальной резиденцией.

Важнейшими поселениями на северных Курилах были в Порт-Тавано, Уруп; Уратман в бухте Бротона, Симушир; а также вышеупомянутое Майруппо на Шумшире. В каждом из них, кроме десятка или более полуземлянок, были церковь и капитальное деревянное здание, использовавшееся в прежние годы как склад и жилье для агентов пушной компании. Почти все следы этих зданий уже исчезли. Несколько лет, до 1878 года, туземцы зависели от заходов русского парохода, который, по контракту с правительством России, возил почту и припасы в камчатские поселения, только он обеспечивал им скудные поставки предметов, как роскоши, так и первой необходимости. Это судно появлялось раз в год на некоторых островах, и обменивало ружья, порох, свинец, пистоны, табак, чай, сахар, ножи и т.д., на пушнину (шкуры каланов и лисиц), заготовленную в течение года. Однако добыча стала настолько мала, что больше не окупала заход парохода куда-либо, кроме как в Майруппо на Шумшире, в Малом Курильском проливе, поскольку это было прямо по пути на Камчатку, и отклоняться от курса было не нужно.

По временам у этих несчастных туземцев было очень плохо с продуктами питания, особенно в зимний период, когда все патроны уже израсходованы. Таким образом визиты судна, промышляющего калана, были для них божьим даром, так как только они давали им возможность получить самые необходимые припасы. За пару фунтов пороха, коробку капсюлей, некоторое количество свинца, и несколько фунтов табаку, можно было получить прекрасную каланью шкуру, а лисью шкурку

обычно обменивали на брикет жевательного табаку. Тем не менее, они всегда получали что-нибудь еще. В конце сезона мы взяли за правило заходить на эти острова и отдавать им всю нашу старую одежду, а также запасы сахара, спичек, чая, печенья, и всяких прочих маленьких предметов роскоши, которые мы могли выделить. Женщины всегда просили иголки, нитки и мыло, но должен сказать, я никогда не видел, чтобы они пользовались этим последним.

Некоторые из этих Курильских айнов были похожи внешне на своих собратьев на Итурупе и Эдзо. Другие, очевидно, были смешанных кровей, они были менее волосатые, глаза у них были меньше, их губы открыты и лицо «жирное», как у некоторых камчатских племен. Кроме нечистоплотности, пристрастия к крепким напиткам, страха перед японцами, и языка, они имели мало общего со своими братьями на юге. Их одежда, жилье, оружие и т.д., все было различно, без сомнения, из-за того, что материалы, отличались от тех, которые используют южные айны. Их старинные айнские обычаи были, по всей видимости, оставлены по наущению русских священников после того, как их обратили в христианство. Я никогда не видел у них резных деревянных ножен, и домашней утвари, как и своеобразного копья на лосося или иначе остроги, используемых южными айнами; никогда же я не был и свидетелем медвежьих праздников или танцев; не наблюдал обыкновения приподнимать усы палочкой при питье, столь широко распространенного на юге.

Жилища этих людей были построены следующим образом: рылась неглубокая яма, как правило, в песчаной почве, вокруг нее втыкались стойки, и, если была возможность достать доски, из них выкладывалась внутренняя обшивка. Сверху выкладывались шесты, образуя плоскую крышу, и под углом от края крыши устанавливались еще шесты, чтобы придать сторонам крутой склон. Все в целом затем покрывалось камышом или травой, на который укладывалась земля и дерн. Вход закрывался грубой деревянной дверью, за которой находилась небольшая прихожая и низкий, узкий проход, с другой дверью, открывающейся в основной отсек. По сторонам его были устроены под боковыми стенами ниши-лежанки, с навесами и боковыми стенками. Они были густо проложены сухой травой, и использовать в качестве спальных мест. Иногда эти жилища состояли из двух или трех комнат, каждую из которых отделял короткий, низкий, узкий проход, с

дверью на каждом конце. Эти большие дома особенно часто встречаются на Шумшире, где местные жители гораздо зажиточнее, чем на центральных Курилах. В доме их главного человека на Шумшире, который состоял из трех комнат, я увидел, тарелки, чашки, и блюдца, и был приглашен на чай - практически неслыханная роскошь для жителей Ушишира, Рашау и т.д. Грубые столы, сиденья, и полки, были установлены в лучших домах, и в каждом доме был своего рода маленький алтарь, на котором размещалась ослепительно яркая картинка Господа нашего и Девы Марии, а на некоторых - и портрет царя. Их земные сокровища были очень скудными, несколько горшков и сковородок, кое-какие инструменты, один или два ножа, старое дульнозарядное ружье, еще несколько мелочей – вот и все. У некоторых были собаки, и, как правило, в каждом поселении была парочка или больше лодок, которые, кажется, составляли общую собственность. Даже у этих бедных людей были свои ранги, и некоторые семьи первенствовали перед остальными.

Пища этих людей состояла из мяса тюленей, морских львов, морских выдр, морских птиц и их яиц, ягод, некоторых кореньев, и рыбы. Впрочем, на рыбу они, как представляется, не слишком налегали. Еда была обильная летом, но, будучи непредусмотрительны и очень ленивы, они часто жестоко недоедали зимой и весной, иногда все их пропитание составляли моллюски - блюдечки и мидии – которые они им удавалось собрать вокруг камней на пляже. Это обычно происходило, когда погода была слишком холодной и бурной, чтобы куда-то идти, или когда все патроны израсходованы. Мясо калана, слишком вонючее на цивилизованный вкус, было их любимое кушанье. Кишки животного, клали в кастрюлю в том виде, как они были вынуты из туши, без всяких попыток их почистить, и тушили - это считались большим деликатесом. Как и все остальные северные племена, они очень любят спиртное. (Я, впрочем, встречал иных непьющих). На Сахалине я видел, как айнская женщина давала грудному ребенку неразбавленный ром, который малышу, похоже, нравился, ибо он плакал и требовал еще, и не успокаивался, пока не получал добавки.

Платья этих туземцев были сделаны из птичьих шкурок, сшитых вместе сухожилиями морского льва. Перьями они носились внутрь, к коже. Снаружи платье, как правило, украшалось желтыми плюмажами и яркими клювами

хохлатого и рогатого тупиков. Край вокруг шеи был отделан узкими полосками шкуры морского котика. По форме парка была похожа на большую рубашку. Она надевалась через голову, и имела разрез спереди от шеи до середины корпуса. На горловине закреплялись шнуры, на концах которых были украшения из клювов тупиков и небольшого кусочка меха. Мужчины подпоясывались кушаками из шкуры морского льва. Женщины обычно носили их неподпоясанными, и их парки были длиннее, чем у мужчин, потому, я думаю, что они обычно не носили брюк. Нависающая над поясом пазуха служила вместо кармана. Это было местохранилище для всего. Принося на обмен шкурки, они неизменно складывали в их парку, и доставали по очереди, когда заканчивался торг по одной шкурке, извлекалась другая, и далее - таким же манером. Все полученное в обмен, что могло поместиться внутри этого предмета одежды, отправлялось туда, и часто можно было видеть как банки пороха, коробки пистонов, куски свинца, табак, чай, сахар, готовый рис, говядина и свинина, старые рубашки и брюки и т.д., все складывались за пазуху, и смешивались как попало, вокруг чьей-то талии. Иногда они приносят яйца морских птиц, и немало из них разбивается. Что творится в их парках можно себе представить. В качестве нижней одежды они носили брюки, которые, если им не удавалось получить в обмен каких-нибудь поношенных, тоже были сделаны из птичьих шкурок. Брюки и рубашки пользовались спросом, но верхняя одежда, жилеты, шапки и сапоги были сравнительно бесполезны для них. Шапка из тюленьей кожи, и мокасины, доходящие до колена, верх которых делался из шкуры морского льва или тюленя, а нижняя часть из похожей на резину кожи ласт морского льва, завершили экипировку. Один или два туземца на Шумшире имели иностранные костюмы и русские фуражки с козырьком.

Лодки, используемые этими курильскими айнами, были своеобразны. Они очень искусно построены, и, учитывая плохой инструмент, материалы, из которых они были построены, и то, каким образом они скреплялись, их можно было считать вполне хорошими, прочными судами. Некоторые из них были около 30 футов в длину, 5 1/2 футов в ширину, и около 4 футов в глубину от края борта до дна. Они строились со значительной продольной прогибью. Форштевень и ахтерштевень делались из толстых досок, которым изгибанием была придана округлая форма, отходящих от килевого бруса и поднимающихся примерно на 1 1/2 фута над

планширом, их концы или головы копьевидно заострялись. Внутри лодка была усилена шпангоутами и кницами. Широкие доски устанавливались снаружи встык край к краю, повторяя прогибь, они были пригнаны были со всей точностью, которую только позволял грубый инструмент айнов. По швам прокладывались полукруглые рейки шириной около дюйма, и закреплялись в этом положении китовыми сухожилиями или волокнами китового уса, пропущенными через небольшие отверстия в досках чуть выше и ниже планки. Эти крепления проходили по всей длине по шва, с интервалом в 6 или 8 дюймов. Каждая вязка делалась отдельно, между собой они не соединялись; сухожилие пропусклось через отверстия, несколько раз, приматывая рейку. Отверстия затем плотно забивали деревянными колышками, а швы изнутри законопачивали мхом. Таким же манером связки пропускались в отверстия досок и обматывались несколько раз вокруг тимберсов и книц. Фальшборт, банки, усиливающие элементы и т.д., были закреплены таким же образом, и получалась прочная, надежная, хоть и грубо сработанная, лодка, построенная без единого гвоздя или куска металла. Лодки приводились в движение при помощи коротких весел, установленных на деревянные штыри или в стропки из кожи морского льва. Мачта и старый парус, вероятно, добытый на месте кораблекрушения, довершали оснастку.

До отъезда тех курильских жителей, которые решили остаться россиянами после обмена территориями, у этих туземцев были обшитые кожей байдарки, какие используются у алеутов. Все они, однако, кажется, исчезли вместе с русским контингентом.

Курильские туземцы, населяющие центральные острова, часто меняют свое местожительство, переезжая с острова на остров. Для того чтобы такой переезд состоялся, все тщательно взвешивалось и учитывалось. Необходимо было зорко следить за погодой, не предвидится ли шторма, а равно и тумана. В случае, если опустится туман, когда они в море, был велик риск, что они не смогут найти свой пункт назначения, так как компасов у них не было, а течения были сильны и переменчивы. Во время таких плаваний гребли, в основном, женщины и молодежь, а старый вождь был капитаном лодки и правил ею при помощи одиночного незакрепленного весла. Местные жители, кто остался на северных Курилах, после того как они стали японской территорией, продолжали проживать в своих старых

поселениях в течение нескольких лет, а затем, к их печали, были перевезены по приказу японского правительства на остров Шикотан. Их собаки были перебиты, а их лодки оставлены. Их разместил в Шакотане, небольшой бухте на северной стороне острова. Там была заложена и построена деревня. Их заставили работать, их поощряли возделывать земельные участки. Также на остров было завезено некоторое количество крупного рогатого скота и овец и айнам приходилось ухаживать за этими животными. У них было вдоволь риса, им предоставили врача и учителя. Несмотря на эти изменения - в лучшую сторону, как можно было бы подумать - они были очень несчастны, и тосковали по своей северной родине со всей ее грязью и неудобствами. Переход от почти полностью животной диеты, к рациону, состоящему из риса, нескольких овощей и рыбы, не пошел им впрок, и многие из них погибли в первый же год. Назначенные над ними японские чиновники были очень деспотичны, и бедные создания трепетали пред ними. Они рассказывали мне, что не осмеливаются покинуть селение, выйти на лодке в море, убить тюленя, или сделать что-либо вне повседневной рутины, не спросив у чиновников.

В последний раз я видел кого-либо из этих туземцев в 1889 году, когда стоял бухте Анама, милях в шести от их деревни. Один из них, узнав, что там стоит мое судно, тайно покинул поселок, пробрался по холмам, к месту нашей стоянки и пришел к нам. Он выучился неплохо говорить по-японски и чуть-чуть говорил по-английски. Он рассказал мне о своих горестях, и о том, как они все стремятся вернуться в свои бывшие дома. Он закончил свой рассказ - самым жалобным голосом, который можно себе представить, - такими словами: «Шикотан нет хорошо; Ушишир - добри (хорошо), морской льва мно-оо-га, калан мно-оо-га, морской котика мно-оо-га, птица мно-оо-га. Шикотан не-ет добыча, Шикотан не-ет добыча". После того, как он пробыл на борту некоторое время, лодка, с несколькими мужчинами, была замечена в бухте. Он узнал их, сказал, что они ищут его, и попросил, чтобы его спрятали, пока они не уйдут – его отвели на полубак. Люди из лодки поднялись на борт, и, после краткого пребывания там, удалились, не найдя нашего курильского друга и не задав вопросов о нем. После их ухода мы высадили нашего гостя на берег, осчастливив его на прощание подарками - табаком и еще какими-то мелочами.

Курильских айнов на Шикотане в октябре 1891 года, насчитывалось всего пятьдесят девять мужчин, женщин и детей. В это время их посетил русский священник-миссионер из Японии. Среди курильских, судя по внешности, было мало, если вообще были, чистокровных айнов - они были смесью айнов, камчадалов и алеутов, этих последних завезли на Курилы во времена старой Российско-Американской компании.

Чистых айнов нет дальше Итурупа. Некоторые этнологи рассматривали айнов как северную расу, считали, что этот народ проник на Эдзо и в Японию, двигаясь на юг и запад, пока не встретил японцев, наступающих с противоположного направления, которые обратили это движение вспять. Исследования Бэзила Холла Чемберлена, профессора японского языка и филологии Императорского университета, старых японских трудов, и его изучение и объяснение многих географических названий страны, доказали, вне всякого сомнения, что айны населяли Центральную и Западную Японию, а, возможно, были распространены и еще южнее.

Оснований считать айнов народом северного происхождения мало, если они вообще есть; в действительности, есть определенное количество данных, которые, как я думаю, скорее показывают, что айны не северная раса. У айнов нет характерных черт, обычаев, утвари, оружия, лодок и т.д., свойственных большинству, если не всем, примитивных народов, проживающих в суровом климате – как, например, пристрастие к сырой пище, салу и ворвани, использование собачьих упряжек, снегоступов, каноэ и лодок из шкур, украшений и оружия из моржового клыка, почти повсеместного использования шкур и меха для одежды, и домов, построенных для защиты от холода. Айн всегда приготавливает пищу. Он большой любитель мяса, но не в восторге от жира или ворвани. Хотя у него есть собаки – при том что Эдзо, и Итуруп зимой для этого подходят - он не использует собачьих упряжек. Он использует или использовал ранее, бамбуковые наконечники для своего оружия; оружия же, или амулетов, или украшений, сделанных из моржовой или мамонтовой кости, у него не бывает, они, несомненно, сохранились бы и передавались из поколения в поколение, если бы его раса изначально пришла с севера. Его одежда сделана, в основном из грубой ткани, сотканной из коры дерева. Его дом, таков, каким естественно было бы

пользоваться в теплом или мягком климате, он не приспособлен даже к климату Эдзо, не говоря уже о более северных районах.

Айны говорят, что Эдзо, ранее населяли люди, которых они называют коро-пок-гуру (жители нор), и которых, как они говорят, они уничтожили. Они еще называют этих древних жителей кошито (маленький человек), так как, по их словам, то была крохотная раса. Вполне возможно, что вера айнов в то, что коро-пок-гуру были миниатюрные люди, сравнительно недавнего происхождения.

Внутри жилища коро-пок-гуру очень низкие, а входная дверь и коридор при входе еще ниже, лишь около 4 1/2 футов, так что обычный человек должен сильно пригибаться на входе. Вполне возможно, что айны вообразили, что в таком жилье могут жить только люди очень небольшого роста. Коро-пок-гуру, наверное, никогда не были очень многочисленны, и айны, когда они были изгнаны на Эдзо японцами, должно быть, без труда уничтожили или вытеснили этот народ.

Подобные юрты, или ямные жилища, то и дело находят на Курилах, на Сахалине, на Камчатке и на Алеутских островах, и одно время считалось, что была северная раса, которая проникла на Эдзо и в Японию через Курильские острова. Побывав, однако, не раз на Камчатке и на различных островах в западной части Берингова моря вплоть до Северного Ледовитого океана я пришел к выводу, что никакой такой особой расы не существовало, а ямные жилища или юрты являются естественным следствием условий, имеющих в определенных местах, вне зависимости от того кто, или какое племя, или народ там встречается. На северных и центральных Курильских и Алеутских островах, например, где тепло и защита от стихий жизненно необходимы, нецивилизованные народы, нашедшие там прибежище в те ранние дни, вынуждены были строить эти юрты, ибо только материалы для них можно найти на островах - никак иначе подходящие укрытия сделать было нельзя, ведь строевой лес там нигде не растет. На немногих крупных островах Северных Курил имеются низкорослая сосна и ольха, а на других нет ничего, кроме мха, и, в наиболее укрытых от непогоды частях, жестколистной растительности.

Идея ямного жилища легко приходит в голову, когда видишь эти места и то количество плавника, что громоздится на многих пляжах и среди песчаных дюн у берега. Древесина имеется всех размеров, вплоть до бревен футов 50 и более в

длину и несколько футов в диаметре; в некоторых местах они торчат кверху, под ними остаются углубления, которые образуют естественные укрытия. К ним, и частью поверх них наносит водой и надувает ветром песок затем прорастает трава, и вот уже у вас есть грубое подобие ямного жилища, построенное самой природой. Его легко было улучшить, и таким образом, как я полагаю, и возникло ямное жилище. Так что, юрты на Алеутских, и на Курильских островах, легко могли возникнуть независимо, явившись лишь отражением природных условий. Можно было бы сказать, что этот плавник пригоден возведения бревенчатых изб или тесовых домов, но для такого строительства у местных жителей не было необходимых инструментов.

Это объяснение вероятного происхождения ямных жилищ не объясняет их наличия на Южных Курилах, на Эдзо и в Северной Японии. Что они северного происхождения у меня нет сомнений, и я вполне могу представить себе, что, когда айны проникли на центральные и северные Курилы, они были вынуждены для жилища строить юрты, ибо там не было материалов для постройки привычных им на юге жилищ. Обнаружив, что в этих юртах сухо, тепло и уютно при самой суровой непогоде, что их не сдует штормом, не затопит проливными дождями, не сожжет пожар, а, главное, что их можно построить за день от силы за два, очевидно, айны, которые в них жили, по возвращению на юг, стали в качестве зимних квартир возводить такие же жилища, ибо они были гораздо удобнее, чем их собственные наземные дома. Зимы на Эдзо и в северной Японии очень суровы, и преимущества юрты как зимнего жилища были бы очевидны, так что примеру тех, кто побывал на севере, последовали другие, и, таким образом, ямные жилища распространились на юг; позднее от них отказались, так как, вероятно, соприкосновение с японцами дало айнам возможность усовершенствовать их древний стиль наземных хижин.

Карта-схема показывающая, распространения морской выдры.

Глава III

Как я охотился на морскую выдру

Насколько мне известно, до сих пор не было опубликовано ни одного отчета, касающегося морской выдры (калана) и охоты на нее, который не изобилует бы ошибками не только в описании животного, но и в отношении его повадок, пищи, методов охоты на неё и прочих частностей. Все рисунки, изображающие этого зверя, которые мне приходилось видеть, просто гротескны. Даже русский натуралист Стеллер (на него всегда ссылаются как на главного специалиста по калану), который был с Берингом, когда тот после кораблекрушения оказался на острове, ныне носящем его имя, описывает повадки зверя не вполне точно, чего не скажешь об его описании морского льва и котика. Впрочем, возможно, что неточности эти на совести тех, кто подготавливал его записи (они были опубликованы лишь посмертно), или происходят от неточного перевода.

Большая часть описаний, похоже, была написана исходя из внешнего вида чучел отдельных экземпляров, имеющихся в ряде музеев. Эти чучела, которые случилось видеть или о которых приходилось слышать автору этих строк, дают ложное представление не только об общей форме зверя, его головы хвоста и вообще задней части, но и о его виде, когда он не в воде.

Я утверждаю, что обладаю знаниями по этому предмету, поскольку добыл более тысячи шкур более чем за двадцать лет охоты на каланов у Курильских островов и Камчатки. Почти все описания охоты на каланов, опубликованные до сих пор, относятся, в основном, к методам, которые используют алеуты, при помощи острог выгоняющие зверя на берег, где забивают его дубинками на камнях зимой в бурную погоду, поскольку обширные водорослевые поля, в которые никогда не забираются самые большие волны, и где зверь обычно ищет убежища в шторм летом и осенью, подгнивают зимой у дна и исчезают, отчего калану приходится выбираться и искать другое место для отдыха. Время от времени появляются упоминания о других способах охоты, например, об установке крепких сетей в местах, где часто бывают звери, или о том, что называется «охотой в полосе прибоя», что означает, что охотник дожидается случая подстрелить выдру из винтовки с суши, когда дует ветер и волна идет напрямиком к берегу острова в надежде, что, когда он подобьет добычу, ее вынесет прибоем на берег.

Никто, насколько мне известно, - кроме меня в «Записках о Курильских островах», опубликованных Королевским географическим обществом - не писал о способе охоты на калана со специально снаряженной шхуны. На следующих страницах я предлагаю более подробное описание данного метода охоты, чтобы у читателя сложилось общее впечатление о природе этой работы, прежде чем я перейду к описанию своих приключений.

На каждой шхуне было, как правило, три охотничьих лодки. В ранние времена, когда калана было сравнительно много и он был относительно непуганым, на каждой лодке было по два или три матроса и охотник. Поначалу все использовали весла без уключин, но вскоре от них отказались. По мере того, как каланы становились все менее многочисленными и все более проворными и пугливыми, стали применяться более крупные лодки с командой из шести человек, включая охотника. Четверо из них были гребцами и один рулевой со свободным веслом, которое также использовалось как гребное при преследовании зверя. От этих быстроходных лодок, при условии, что море было спокойным, не могла уйти ни одна выдра, и добыть ее становилось лишь вопросом времени.

Охота не может проводиться, если на море есть хоть малейшее волнение, или в туманную погоду, когда туман лежит на воде. Высокий туман, то есть туман, висящий футах в 50-60 или более над водой, если он оставляет открытой поверхность воды, представляет собой идеальные для охоты условия, поскольку придает воде молочный оттенок, на фоне которого черный предмет вроде калана виден издали. Обычно ночь может подсказать, какая погода будет стоять с утра. Если предвидится подходящая, то всех матросов предупреждают, чтобы они были начеку и готовы спустить на воду лодки с рассветом. Коку приходится встать за час до того, чтобы приготовить завтрак. Лодки спускают, в них размещают винтовки, боеприпасы, лодочные компасы, коробки с обедом, бочонок с водой, клеенку, сигнальный рожок на случай тумана и т.д. а также некоторый запас пищи на непредвиденный случай, когда, например, при возвращении не удастся найти судно из-за тумана или приходится вытащить лодки на берег вдали от судна из-за неожиданного ухудшения погоды. Но часто этой предосторожностью пренебрегают, поскольку охотники не любят перегружать лодки. На случай

тумана, который может опуститься в любой момент, судну лучше стоять на якоре, чтобы люди в лодках, возвращаясь, знали его местоположение.

Пока лодки на охоте, обязанность тех, кто остается на борту – обычно вахтенного или капитана, кока, стюарда, плотника и свободного матроса на наиболее хорошо укомплектованных судах – следить за судном и ухаживать за уже добытыми шкурами. В случае неожиданного шторма им может потребоваться выйти в море или подойти и забрать лодки, если погода ясная и ветер им препятствует. Когда лодки покидают судно обычно вахтенному сообщается, в каком направлении они предполагают охотиться. Лодки занимают позиции в один ряд на расстоянии 600-800 ярдов друг от друга, охотник, стоя на носу лодки, высматривает добычу. Обычно при нем был хороший морской бинокль и изрядное количество боеприпасов.

На заре промысла (1872 -73 гг.) использовались дульнозарядные винтовки «кентукки», изготовленные специально для этого. Они были очень тяжелыми – весили от 12 до 16 фунтов с очень малым внутренним диаметром ствола. С борта лодки лучше стрелять из тяжелой винтовки, чем из легкой. Собственный вес делает ее более устойчивой, отдача небольшая или почти отсутствует, и оружие не нужно удерживать и прижимать к плечу, как легкое. Как только охотник принаравливался стоять в лодке, он мог держаться совершенно ровно и стрелять, почти как на суше, независимо от того, насколько сильно двигалась лодка. Его щиколотки, колени и бедра действовали как шарнирная подвеска и поглощали движение лодки, а его винтовка после прицеливания легко удерживала нужное положение. От дульнозарядного оружия вскоре отказались и стали использовать ружья, которые заряжаются с казенной части. Нашими любимыми винтовками были «винчестеры», но использовали и «шарпы», и «ремингтоны», и «марлины», и «спенсеры» и другие. Тем не менее, все они были тяжелыми, со спусковыми крючками, срабатывающими при слабом нажатии, с прицелом в виде рожка и мушкой из светлого металла. Преимущество легкого спускового крючка огромно. Когда я только начал охотиться, я им не пользовался, но раз попробовав, я нипочем не пожелал бы возвращаться к прежнему. А светлая или белая мушка, это необходимость, когда стреляешь на воде, поскольку при этом сложно увидеть черную мушку. Некоторые охотники использовали мушку из слоновой кости, но я

предпочитал серебряную, вырезанную из серебряного доллара и всегда тщательно отполированную.

Лодки, как правило, шли параллельными курсами к берегу, охотник и рулевой лодки внимательно высматривали каланов. Опытный человек издали сразу отличал выдру и никогда не путал ее с тюленем или морским львом, или с птицей, как это неизменно бывает с новичками. Когда калана «поднимали», как это именуется на охотничьем жаргоне, рулевой вскидывал весло над головой как сигнал другим лодкам, что зверь замечен, на сигнал отвечали таким же образом. Выдра могла просто дремать, лежа на спине, но, как говорится, держала ухо востро.

Поднимающая калана лодка шла прямо на него, остальные лодки занимали позиции в 700-800 ярдах за кормой по обе стороны от нее. Тут калан мог, как это называется, «встать» (то есть, его задняя часть погружалась в воду, а голова оставалась над водой), когда лодка подходила, скажем, ярдов на сто к нему, оценить положение, а затем нырнуть. Охотнику надо было выстрелить немедленно, как только зверь «встал», не останавливая лодки, но, продолжая плыть несколько сот ярдов за то место, где он был замечен. Была вероятность, что калан, зная, что лодка движется на него, нырнет в противоположном направлении (излюбленный трюк этого зверя), пройдет под лодкой и вынырнет как раз там где его и ждут – посреди треугольника сформированного тремя лодками. Идея в том чтобы удерживать его там и этим определяются маневры лодок. Опытные охотники могут предсказать, как поведет себя зверь после того, как он несколько раз нырнет. Его действия покажут, в каком направлении он намерен двигаться. Если нет ветра, он пойдет по течению, ибо в этом направлении наверняка будет разрыв течения, где, как он знает, он будет в безопасности. Если дует ветер, он наверняка пойдет против ветра, потому что, кажется, знает, что лодка не может двигаться навстречу ветру с той же быстротой. Если нет ни ветра, ни течения и светит солнце он уйдет в солнечную дорожку, поскольку явно понимает что охотнику труднее разглядеть его и выстрелить против света. Будучи же приперт к берегу, он часто бросается в полосу прибоя, откуда его трудно выгнать и подстрелить.

Калан - очень хитрое животное и, чтобы улизнуть, пробует всевозможные уловки. Он может прятаться за камнями. А иногда, сделав серию коротких нырков, уходит под воду надолго, чтобы уйти из зоны поражения. На этот маневр он если можно

так выразиться ставит все, ибо если он не сможет уйти, что ему иногда удается – его вскоре выследят, а долгое пребывание под водой истощит его силы и дальше до конца он будет способен только на короткие погружения. Иногда, если калану удастся выйти из треугольника он начинает передвигаться «прыжками», как лосось или тюлень, полностью, выскакивая из воды, и уходит на большой скорости, набирая дыхание всякий раз, когда оказывается в воздухе. Тогда обязанность ближайшей к нему лодки идти за ним по пятам. Остальные лодки остаются справа и слева за ее кормой, как описано выше, пока калан не повернет и не окажется вновь в треугольнике из лодок. А это непременно случится, если он обнаружит что его преследуют или в него попадет пуля или выстрел придется по воде рядом с ним так чтобы его напугать. Иногда впрочем, он оказывается слишком быстрым и лодкам не удастся его нагнать. Порой это случается из-за того что люди слишком утомлены, или из-за того, что калан пускает в ход эту уловку, сразу же как только поднимается ветер, и движется прямо против ветра.

Преследуя выскакивающего калана, который находится ярдах в ста впереди лодки, охотник стреляет в него, едва тот показывается из воды, и держит винтовку все время наготове у плеча. Если калан находится в нескольких сотнях ярдом стрелять следует до того как зверь выскочит из воды, иначе прежде чем пуля долетит до него он снова уйдет под воду. Я убил немало выдр таким способом. Это легче, чем кажется, потому что взрослое животное совершает скачки с регулярностью часового механизма и всегда по прямой. Лодочный рулевой держит прямой курс по пятам удирающего калана, гребцы гребут что есть сил, чтобы сократить расстояние. Охотник стоит на носу лодки с «винчестером» у плеча и стреляет каждый раз когда выдра выскакивает (обычно каждые шесть или семь секунд). Движение затвора, и старый пустой патрон выброшен, а новый заряжен. Иногда преследуя скачущую выдру, стреляют столь много и столь часто, что ствол ружья раскаляется, так что его нельзя коснуться голой рукой. Когда такое случается мягкие свинцовые пули обдираются или выскальзывают и естественно точность стрельбы становится очень плохой. Однако раньше или позже калан поворачивает обратно. Это видно по тому что прекращаются регулярные скачки и тогда подается сигнал лодкам идущим позади – они останавливаются, в то время как передняя

лодка проходит еще некоторое расстояние за точку, где в последний раз показывалась выдра.

Самая неудобная для добычи скачущая выдра, это почти взрослый экземпляр. Этот будет держаться неподалеку от лодки и скакать в каких угодно направлениях, кроме того, в котором ты его ожидаешь, так что навести на него винтовку невозможно, и прыжки его будут столь короткими, что не будет времени вскинуть ружье и прицелиться. Это ужасно действует на нервы, потому что кажется что добыча-то такая легкая, а оказывается, что взять ее непросто, и иногда на это уходит больше патронов и времени, чем на двух или трех больших каланов. Мне известен случай, когда калана загоняли четыре часа, прежде чем подстрелить, и за это время произведено было 400 выстрелов. И хотя это уж нечто совершенно исключительное, сам я провел в погоне за одним зверем три часа и израсходовал 300 патронов. В целом, среднее время преследования и добычи одного калана - около часа, а расход патронов - около сорока или пятидесяти. Самое большое количество выстрелов приходится именно на скачущих выдр. В ранние годы промысла, когда они еще не были такие «ученые» добывать их было гораздо легче. Время от времени выдру подбивают первым же выстрелом, но не часто.

Для любителя охоты охота на калана одно из самых увлекательных занятий. Нигде более не выдается столько разнообразнейших происшествий. В преследовании калана нет особенного выбора позиции, соблюдается только одно правило – лодка, «поднявшая» калана имеет право открыть стрельбу. Все лодки должны придерживаться своих положений и сохранять позиции, когда зверь ныряет. Лодка ближе к которой выныривает калан имеет право первого выстрела, ни одной лодке нельзя перебить шансы другой. Хотя охотники работают «из процента», то есть, получают долю от общей добычи, так что в данном отношении не важно, кто именно подстрелит выдру, между ними идет яростное соревнование, поскольку каждый естественно желает, чтобы его лодка была названа «передовой» в конце сезона. Это создает репутацию, и он может, отправляясь в рейс на следующий сезон, запросить себе более высокий процент.

Успешный охотник должен быть обязательно искусным стрелком. Кроме того, ему необходима рассудительность холодная голова, терпение, хорошее зрение и слух. Это, кроме того, должен быть человек увлеченный, неутомимый, активный,

способный долгое время проводить на открытом воздухе, знающий повадки животных, умеющий обращаться с лодкой, разбирающийся в погоде и течениях и, в общем смысле, умеющий тонко наблюдать природу. Не всегда лучший стрелок выводит свою лодку в «передовые». Охотник, который примечает обычаи выдр, умеет держать в узде команду своей лодки, не позволяя своим людям разговаривать или совершать движения, которые могут наделать шума в то время, как лодка стоит и ожидает появления калана, когда тот ныряет, и который быстро выводит лодку на новую позицию и в новое положение так, чтобы она глядела в ту сторону, откуда скорее всего вновь покажется зверь, скорее всего, станет самым успешным, поскольку по всей вероятности выдра всплывет ближе к его лодке чем к другим если конечно они не будут придерживаться той же тактики. Причина этого в том что калан под водой отчетливо слышит каждый звук, производимый лодкой, и, естественно, будет стараться от нее отплыть. Мне часто приходилось обращать на это внимание моих охотников, когда они говорили: «Калан, похоже, всегда всплывает ближе к твоей лодке, чем к нашим».

Каланы у Курильских островов особенно хороши, одних из самых лучших шкур появившихся на лондонском рынке были добыты там. Эти животные больше всего любят места у скалистых мысов и рифов, где изобилуют водоросли. Здесь каланы могут найти много корма и если их не тревожит охотник могут лежать на водорослевых полях где никогда не бывает волн, как бы ни кипело волнами море вокруг них. Мысы островов с тихоокеанской стороны, самое излюбленное место. На охотоморской и северо-западной стороне островов каланы встречаются редко. Причина в том, что юго-западная или тихоокеанская сторона в ненастную зимнюю и весеннюю пору находится с подветренной стороны и к ее берегам не так часто прибывает плавучий лед. Летом это – туманная сторона, что помогает укрываться от их врагов, людей.

Если охотники некоторое время не тревожат каланов, те начинают сбиваться в «стада» у поверхности. В этом случае лодки могут плыть много часов, не поднимая ни единой выдры. Постоянное напряжение сказывается – внимание охотника притупляется, команда делается несдержанной. Чтобы что-нибудь увидеть лодки расходятся на расстояние примерно вдвое большее чем обычно и сигнал о том что зверь поднят не так легко заметить и лодке, которая, в конце концов, находит зверя

или стадо приходится приступать к делу без поддержки. Раздается внезапный выстрел и, заслышав его, команды других лодок выходят из протрации, наваливаются на весла и лодки летят по волнам, чтобы выйти на свою позицию. Усталость забыта, едва только раздается музыка ружейного выстрела.

Преследование выдры не единственное, что делает охоту на нее столь привлекательной. Когда ветер слишком силен, чтобы охотиться, шхуна обычно становится где-нибудь с подветренной стороны берега и бросает якорь. Здесь, пока команда занимается пополнением запасов воды и дров, охотники берут свои винтовки или гладкоствольные ружья и идут попытать счастья на медведя, северного оленя, горного барана или на каких-нибудь гусей уток, куропаток или иную пернатую дичь, остальные же предаются рыбной ловле. Если позволяет сезон, тысячами собираются яйца морских птиц, затем их помещают в бочонки с песком, каждое яйцо ставится на кончик, и в таком положении они могут храниться долго. Можно собирать птичьи шкурки или насекомых, делать фотографии, а в ягодный сезон выбраться на берег и лакомиться разнообразной вкуснейшей дикой ягодой.

Есть тут, конечно, и неприятная сторона – густые туманы, сильные ветры, приносящие непроглядные грязные тучи, темные, дождливые, штормовые ночи, когда приходится становиться носом к ветру и отходить от подветренного берега, и т.д. – но эти тяготы лишь делают наслаждение приятными минутами острее, такие минуты гораздо больше ценишь после черной полосы.

В качестве судов для промысла каланов использовались шхуны с косыми парусами, водоизмещением от 40 до 100 тонн. Наиболее оснащенные из них имели по три шлюпки одну добавочную или кормовую лодку. На борту был большой запас якорей и цепей, потому что редкий сезон обходился без потери двух или трех якорей и немалого количества якорных цепей, поскольку якоря намертво застревали между крупных валунов в местах с каменистым дном, где по временам приходилось вставать на якорь. При попытке их вытащить нередко рвалась цепь. Если же она была чересчур крепкой, порой приходилось ее расклепывать и сбрасывать. Мы никогда не становились на якорь без томбуя - при сильном ветре от берега (над которым он пролетал иногда с ураганной силой) нередко цепи лопались, а нам надо было уйти в море и лечь в дрейф, но после того, как буря

стихнет, мы могли возвратиться и вытащить якоря и цепи. Иной раз шторм внезапно налетал с моря, вытаскивать якоря не было времени - нам приходилось отпускать цепи (к концам которых в этом случае тоже привязывался буй) и торопиться в открытое море, где было безопаснее, или укрываться где-нибудь; вернувшись позже, мы могли забрать свое добро. Подобная нелегкая работа - темной ночью, вблизи берега, при мощных течениях, которые зачастую не давали положить судно на нужный галс, чтобы увести его от опасности, в окружении рифов и скал и камней – к прелестям охоты на каланов не относилась.

Между 1872 и 1895 годом промыслом калана вокруг Курил занимались пятьдесят два судна. В последней главе приведен их подробный список. Наибольшее количество судов в один год – двенадцать. Некоторые из них снаряжались из Сан-Франциско, другие из Японии. Из этих пятидесяти двух тринадцать погибли со всей командой (десять на этой стороне Тихого Океана и три на обратном пути в Америку); еще семнадцать (двенадцать на этой стороне и пять в других местах) потерпели крушение, при этом погибло двенадцать человек. Пять были захвачены русскими крейсерами, четырнадцать вышли из дела, так что к 1895 году осталось только три. С тех пор ни одно судно не снаряжалось исключительно для промысла калана в этих водах. Иногда два или три судна занятых промыслом тюленей по дороге в Берингово море заходят на какой-нибудь остров и пробуют попытать счастья в охоте на калана но их добыча всегда невелика.

Глава IV

Первый опыт

Каких-нибудь лет тридцать семь назад отдельные каланы еще встречались у побережья Калифорнии в районе островов Санта-Барбара. На них охотились жители Санта-Барбары, в большинстве своем мексиканцы и полукровки. Для этого они использовали весельные лодки с командой обычно из четырех человек, включая одного охотника, который располагался на носу. Самым главным после охотника был рулевой, остальные были, собственно, просто гребцами. У каждого охотника были при себе две длинных и тяжелых винтовки «кентукки», которые

заряжались с дула. Все охотники были искусными мореходами и отличными стрелками – они могли стрелять с борта идущей лодки не хуже, чем обычный человек с terra firma.

В 1872 году старый охотник на каланов капитан Кимберли из Санта-Барбары, которому принадлежала небольшая шхуна «Сигнет», первым, если можно употребить этот термин, открыл заново калана в значительных количествах на юге Курил. Вот как это случилось так. Поскольку промысел каланов у берегов Калифорнии перестал приносить прибыль, Кимберли решил попробовать свои силы на другой стороне Тихого океана, в смешанных рейсах, имея в видах несколько разных проектов. Главным из них была попытка найти несколько китобойных судов, захваченных льдами возле Берингова пролива, от чего командам пришлось бросить их на произвол судьбы. Богатый приз в виде китового уса ожидал бы всякого, кому посчастливилось бы найти эти брошенные суда еще на плаву, когда лед на следующее лето начал крошиться.

Чтобы попасть в Арктику скорейшим образом нужно продвигать вдоль азиатского побережья Берингова моря - эти места ранее всего освобождаются ото льда. При переходе туда Кимберли решил исследовать островки к востоку от Эдзо, где, как считалось, имеются лежбища морских котиков, а потом заглянул на Курилы, на случай, если там найдется несколько каланов. Если бы эти поиски не дали ничего, на обратном пути стали бы искать у Алеутских островов, где каланы водились точно.

По ограниченности средств, оборудование «Сигнета» не было ни сложным, ни дорогим. Команда судна, включая капитана и судовладельца Кимберли, состояла всего из полудюжины человек. На шхуне было две небольших шлюпки, а промысловым оружием служили три или четыре дульнозарядных винтовки «кентукки» с добрым запасом пороха, свинца и капсюлей.

Первой сушей, на которую ступили моряки «Сигнета» на японской стороне Тихого океана стал Шикотан - или Спанберг, как его обозначали на старых картах. Остров этот лежит на крайнем востоке Эдзо и тогда был необитаем. Он около 70 кв. миль площадью и изрезан множеством закрытых бухточек. Кимберли дал этим бухточкам следующие названия «Бухта Сквородка», «Бухта Ракушка», «Ю.-В.» – эти названия сохранились за ними на долгие годы, а среди охотников на морского

зверя они известны до сих пор, невзирая на новые названия, которые дали им японцы.

Далее «Сигнет» подошел к Итурупу, где, идя близко вдоль берега, команда увидела много каланов, возлежащих кверху брюхом на «постелях» из водорослей. Этого было довольно для такого старого охотника, как Кимберли. Судно нашло стоянку, шлюпки спустили на воду; в одной был сам Кимберли, в другой – охотник, и в каждой - по одному гребцу. Вскоре они достигли водорослевых полей и обнаружили, что каланы не просто непуганые, но и любопытные – они даже подплывали к лодкам и, как это называется, «вставали», так что их головы и передние лапы торчали из воды – иначе говоря, представляли самую, что ни на есть, удобную мишень. За несколько месяцев было добыто две сотни и вдвое против того могло быть взято, но поскольку шкуры нужно было растянуть и просушить, на это уже не было места. С этим грузом они решили идти до Хакодате, куда и прибыли некоторое время спустя. Оттуда они отправили груз своих шкур, запаслись провизией, водой и порохом, и вновь пошли на Итуруп. Здесь они добыли еще сотню каланов, после чего вернулись в Хакодате, где «Сигнет» встал на зимовку; хозяин же его отправился в Америку.

При первом заходе в Хакодате в команде произошли некие разногласия, и иные списались на берег - после чего кто-то отправился в Америку, а двое отправились в Иокогаму. Именно от последних через старого шкипера, моего знакомца, я и узнал впервые о промысле каланов. Этот шкипер сказал мне, что ему недавно повстречались двое моряков только что из Хакодате, которые там списались с американской шхуны, промышлявшей каланов в окрестностях Курильских островов, по их словам, каланы там водились в огромных количествах и были кроткими, как домашние кошки, а шкура каждого вытягивала на 80-90 долларов. К тому времени я прожил в Японии уже около четырех лет, и хотя морская жизнь всегда таила для меня некоторую привлекательность, я ничего не знал о мореходстве и о том, как устраивать подобные предприятия. Однако тяга к морской жизни, мои охотничьи инстинкты, любовь к жизни на свежем воздухе и, очевидно, блистательная перспектива в короткие сроки сделать уйму денег заставили меня немедля решиться вступить в предприятие по промыслу каланов, если мне удастся найти подходящее судно и людей. Тогда мне было двадцать

четыре года – я был молод, обладал крепким здоровьем, в моем распоряжении имелось несколько тысяч долларов, которыми я мог бы пожертвовать, ибо моя молодость, упорство и множество друзей позволили бы мне занять вновь прочное положение, обернись это предприятие крахом.

Перво-наперво, я посоветовался со своим другом стариком-шкипером и спросил его, не возьмет ли он на себя командование и не склонит ли кого-то из бывших на «Сигнете» пойти с нами, потому что без человека, который знал бы, где искать калана и как тот выглядит, было мало толку пускаться в путь. Я сообщил ему, что намерен купить и снарядить судно за свой счет, или же он и они могут вступить в долю, буде у них найдутся средства и желание. В итоге те двое согласились пойти охотниками и взять небольшие доли в судне, а старик шкипер согласился возглавить команду и также взять долю, если ему удастся собрать деньги. Взаимопонимание было достигнуто и мой старик-шкипер принялся искать подходящее судно и после некоторых задержек нашел его в Токио, или Эдо, как тогда назывался этот город. За умеренную цену в 2000 долларов. То была старая шхуна водоизмещением около 118 тонн, построенная в Нагасаки и принадлежавшая какому-то департаменту японского правительства. Она была очень просторной, и камбузный котел недавно меняли, однако она определенно «видала виды». Тем не менее, старый шкипер был доволен и готов вести ее в любой уголок света. И тогда я заплатил первый взнос в 500 долларов на условии того, что она будет мне доставлена в течение нескольких дней.

И тут начались неприятности. Несмотря на неоднократные заявки, судно мне не передавали, поскольку, как было сказано, произошли изменения в Правительстве. Только после вмешательства консула Ее Величества вопрос, наконец, разрешился. Старушка «Суоллоу», как ее окрестили, нуждалась в некоторой переделке кают, и нужно было построить лодки. После того, как это было сделано и шхуна была готова к выходу в море, я обнаружил, что не поступило денег ни от охотников, ни от старого шкипера, так что все расходы ложились на меня; они же идут на паях – то есть, на доле от добычи. Наше снаряжение было во всех смыслах неказистым частично из-за неопытности, частично же оттого, что нельзя было достать нужное. Из двух моих охотников, как я узнал позже, один на «Сигнете» был коком, второй же командовал одной из шлюпок и был неплохим стрелком, однако то был

единственный опыт его в промысле каланов. До этого он ходил помощником на китобойце, и ничего не знал о том, как загонять калана, если же говорить обо мне я был полным новичком во всем, что касается жизни, в которую пускался, однако я недурно стрелял как из гладкоствольного, так и из нарезного оружия, и очень любил охоту. Команда представляла собой смесь европейцев и японцев; кок был японец, который, по случаю, мог испечь сносный хлеб и отварить картофель, но его излюбленным блюдом было нарезанное сухое мясо им он и потчевал нас неизменно три раза в день до конца рейса.

Вооружение наше состояло из пары винтовок «снайдер», одного «спенсера» одной дульнозарядной английской винтовки, двух «винчестеров» .44 и гладкоствольного ружья с пулями на 1/12 фунта. Мы вышли в плавание поздно - 20 июля 1873, и в несчастливый день - в пятницу. Три дня подряд шли при сильнейшем ветре, когда же он утих, оказалось, что мы лишились одной из мачт.

Волны были очень высокие и в довершение всего мы оказались на срыве течение - судно болтало и качало при внезапных порывах ветра. За обедом в половине первого дня мы услышали оглушительный треск, и на стол кают просыпался дождь из осколков светлого люка. Мы бегом понеслись на палубу и обнаружили там совершенный разгром. Обе мачты оказались сломаны. Одна на уровне палубы, другая в шести футах над ней. Камбуз со всем его содержимым и светлые люки были совершенно разбиты упавшими мачтами, а фока-гик переломлен пополам. Часть из отломившегося оказалась за бортом, из-за сильно волнения эти куски рангоута с оглушительной силой били в борт.

В горячке первых минут старый шкипер и пуще того его помощник опасались, что от этого может открыться течь, и уже готовились топоры. Я по своей натуре не склонен к ажитации и принял случившиеся спокойно. Мне подумалось, что раз немедленная опасность нам не грозит, стоило бы лучше сохранить все что возможно для починки. Грот-мачта, сломанная невысоко от палубы, по своей длине могла послужить фок-мачтой. На что я и указал, и когда всеобщее возбуждение несколько улеглось, почти все было поднято на борт. Нам повезло, что происшествие приключилось посреди дня - случись такое ночью мы, Вероятно, не отделались бы так легко. В то время, когда упали мачты, почти никого из матросов не было на палубе – они обедали.

Из фока-гика и фока-гафеля мы соорудили временные мачты, поставили несколько малых парусов и двинулись к берегу, до которого было миль сто. Ветер опять поднялся, был легкий, но ровный, и на третий день после нашей аварии мы прибыли к одному из малых островов при входе в бухту Мацу. Несколько местных ботов на буксире провели нас в гавань, где мы стали на якорь и связались с властями на предмет того, чтобы нам разрешили произвести здесь починку. Однако, чтобы этого достичь необходимо было получить соизволение губернатора Сэндай, так что на следующий день я в сопровождении одного из чиновников выехал в город Сэндай, отстоявший оттуда миль на 25.

Я был принят милостиво, необходимые распоряжения отданы - велено было предоставить в мое распоряжение рабочих и материалы для починки судна. Всего на то, чтобы привести судно в надлежащий вид ушло около трех недель Старую грот-мачту мы использовали как фок-мачту, была изготовлена новая грот-мачта и фока-гик. После того как все было сделано, я попросил выписать счет. Я уже объяснял выше, что при себе денег у меня не было, и какова бы ни оказалась сумма, пришлось бы запрашивать перевод от моих агентов в Иокогаме. При выписке счета возникли некоторые трудности, однако когда он был наконец составлен, то оказался всего 104 доллара, сумма за работы и материалы до нелепости малая. Я подумал, что здесь какая-то ошибка, но меня уверили, что все точно. И если качество меня устраивает, то я волен отплыть, когда пожелаю. Я поблагодарил чиновников и сказал, что хотел бы видеть счет, подписать его и заказать деньги у своего друга в Иокогаме. Мне сообщили, что в этом нет нужды, ибо губернатор Сэндай проникся участием к нашим бедам и денег с нас не возьмут. Он выразил надежду, что если это окажется в моей власти, я в подобной ситуации окажу помощь любому японцу и сделаю то же, что и они. Этим мне пришлось удовлетвориться. Я не мог уразуметь, отчего со мной обошлись так любезно, и поскольку неважно знал японский, то подумал, что неверно понял чиновника, через посредство которого решалось дело. Однако это было не так, и, написав губернатору Сэндай письмо с изъявлениями благодарности, 19 июля я отставил порт. По дороге на север к местам, где обитали каланы, мы заглянули на остров Шикотан с тем, чтобы заново подтянуть такелаж, который весьма ослаб. К промысловым угодьям мы прибыли 31 июля. И на следующий день спустили на

воду наши лодки - лодки у нас были маленькие 15 футов в длину, 5 футов в бимсе. Их мы, если верить моим охотникам, могли без труда заполнить каланами в удачный для охоты день. Мы спустили три лодки - двое охотников, которые побывали здесь в прошлом году, и я, были на них за старших, на веслах сидело по одному человеку. Спустив уже лодки на воду, мы услышали с северо-востока непрерывную пальбу и хотя по близости виднелось несколько каланов, мы двинулись на выстрелы, потому что, как сказал нам один из моих охотников, там-то, наверно, и находятся каланье «стадо», подойдя к месту, мы увидели три лодки в ряд прежде чем начать стрельбу с них что-то кричали. Подойдя еще ближе, мы различили слова: «Вот она всплыла – мой выстрел!» И - бах! бах! бах! с трех лодок они загоняли калана-подростка. Эти лодки принадлежали шхуне «Кэролайн», охотники были старые китобои, которые никогда прежде не ходили за каланом; они ничего не знали о загоне каланов и, как я узнал позже, после трех месяцев на «пастбищах» добыли всего трех и в негодовании удалились.

Никакого «стада» там не оказалось и мы ушли оттуда. Зайдя на водорослевое поле, мы увидели двух-трех каланов, среди них самку с детенышем. При наших выстрелах они скрылись под водой, а вскоре футах в шестидесяти показалась одна голова. Я выстрелил и попал, но убил не калана, а морского льва. Но я быстро научился их различать и вскоре добыл нашего первого калана. Мать с детенышем всплыла рядом с моей лодкой. Поторопившись с выстрелом, я промахнулся, но пуля прошла от них так близко, что детеныш свалился и лежал на воде, мяукая, как кошка. Решив, что задел его, я подобрался поближе и взял его в лодку, за что лишь удостоился разноса от наших охотников, которые сказали, что его следовало бы оставить, где был, и тогда мать приплыла бы за ним непременно, и ее было бы легче загнать. Урок я усвоил и впредь такой оплошности не допускал. Итогом нашего промысла в тот день стали три больших и три или четыре маленьких калана. После этого мы охотились порознь, но с негодными результатами, потому что калан почти всегда мог уйти одиночной лодки. Мы встретили другие шхуны, всего их там было семь, и я заметил, что те, у кого были опытные охотники, «загоняли» своих каланов - то есть, все три лодки направляли все внимание на одну выдру держали ее между собой, находясь в нескольких ярдах друг от друга и составляя как бы вершины треугольника. В их лодках было по три-четыре

человека, включая охотника, и они шли на одиночных веслах, тогда как на наших, весла были спаренные, и в лодках было всего по два человека, охотник и гребец. Поняв, что нужно изменить наши методы, я впредь укомплектовывал наши лодки двумя гребцами, на борту же оставались лишь кок, юнга да шкипер. Однажды оставив шхуну на стоп-анкере у большого водорослевого поля мы в разгар дня спустили наши лодки, прихватив с собой по бутылке-другой воды и ленч, отошли миль на пятнадцать двадцать к юго-востоку. Едва мы зашли за «Островерхие скалы», как мы их прозвали, – задуло, ветер крепчал, поднималось сильное волнение. Поскольку мы оказались так далеко от судна, то решили выбраться на скалы, покуда не стихнет ветер, но он только нарастал, и как из ведра хлынул ливень, поесть кроме наших ленчей у нас ничего не было, и вода вся вышла. Ночь мы провели под лодками, перевернув их кверху дном, для защиты от дождя. Весь следующий день ветер не унимался, и выйти в море было невозможно. Развести огонь было не из чего, сырое мясо калана, убитого нами накануне, было слишком гнусным даже для наших изголодавшихся желудков. Мы переночевали еще одну ночь под лодками при неутихающем ветре и всеобщем гнуснейшем настроении. На утро маленькая рыбешка, выброшенная на берег мощным прибоем, была съедена сырой тем, кому удалось ее поймать. Еще одна ночь под лодками, и, наконец – перемена погоды, мы немедля спустили лодки на воду и погребли на северо-восток, стараясь отыскать шхуну. Мои гребцы, пожевавши табаку и не имея пресной воды, чрезвычайно страдали от жажды настолько, что одному из них даже пришлось перестать грести. Лишь миль через двадцать мы в крохотной бухточке увидели хижину и высадились на берег. Здесь мы нашли нескольких айнов, которые дали нам еды - из вареного риса, морской капусты и сушеной рыбы мы соорудили нечто вроде супа, который провозгласили вкуснейшим яством, которое только пробовали в жизни. Освеженные мы направились к шхуне, которая виднелась далеко в море. После трех или четырех часов гребли мы поднялись на борт, и тут же ветер налетел снова, и нам пришлось спастись в «бухте Врасплох», как прозвали ее тогда охотники, – ее настоящее название Хикотаку – просторном заливе посреди тихоокеанского берега острова. Этой бухтой потом пользовались часто, потому что, когда бы и откуда не задуло, в ней всегда можно было найти укрытие не на одной так на другой стороне. Именно когда мы стояли у восточного

берега бухты, я уложил своего первого медведя. В то время медведей на Итуруп было много. Это был тот же вид что и в Эдзо. Зибольд в своей *Fauna Japonica* называет его *Ursus Ferox*, так же его зовет и проф. Рейн в своем труде о Японии, тогда как Уоллес в своей «Островной жизни» называет его *Ursus Arctos*.

Случилось это вот как. Погода стояла хорошая, мы спустили лодки и отправились на промысел к восточной оконечности бухты, где нагорье подступает к пляжу на расстояние нескольких ярдов, а сам берег представляет собой нагромождение больших и мелких валунов.

Подойдя к мысу я увидел крупного медведя футах в 200-300 на крутом горном склоне, где он явно лакомился ягодами и кореньями. Высадиться возле него из-за сильно прибоя было нельзя и, отойдя назад в бухту, я высадился милях в двух от мыса, прихватил с собой винтовку, мой красавец, спортивный «снайдер», которым я очень гордился, и дюжину патронов. Пробираясь по берегу туда, где видел медведя, я вгорячах несколько раз свалился на валуны и к своему большому огорчению ухитрился поцарапать и несколько подпортить щегольскую внешность своего оружия. Наконец, совершенно выдохшись, я заметил косолапого почти там же, где видел его в первый раз. Когда я был от него ярдах в восьмидесяти, он повернул голову, предоставив для выстрела бок. Я слегка волновался и очень запыхался и боялся, что не смогу удержать ружье. Однако я глубоко вдохнул, задержал дыхание, прицелился ему в плечу и выстрелил. Он свалился кубарем прямо на пляж, ярдах в двадцати от меня. Зарядив еще один патрон, я осторожно приблизился. Он лежал неподвижно лапами ко мне. Обойдя его кругом, я приблизился к нему с другой стороны, из осторожности не сводя с него винтовки, пока не оказался на таком расстоянии, что смог его пнуть. Он снес это оскорбление, так что я пришел к выводу, что он мертв. Осмотрев его, я обнаружил, что пуля моя попала, куда следовало - прямо за лопатку и, как выяснилось позднее, чисто прошла сквозь сердце. Пуля калибра .577 от «снайдера» с ее плоским основанием проделала отверстие столь правильное по форме, точно его просверлили буравом. Лодка моя, которая шла вслед за мной и по пути к мысу добыла калана, подошла к берегу в этот момент. Ни высадиться, ни мне зайти на борт было нельзя, поэтому оттуда бросили в прибой привязанную к фалу дубину. Ее вынесло на камни, и вскоре я уже обвязал медведя веревкой. К счастью, уклон

был крутым, я толкал, со своей стороны в лодке тянули, и нам удалось стащить медведя вниз в прибой, оттуда его вскоре вытянули на чистую воду. А поскольку он был слишком велик, чтобы поместиться в лодку, его приволокли к судну на буксире. Ни шкура, ни мясо медведя были не в лучшей кондиции. В это время года медведи живут в основном рыбой, так что их мясо очень воняет.

По временам, проходя вдоль берега на шхуне или на лодках, мы видели много медведей, но в тот сезон я не добыл больше ни одного. Ибо хотя еще одного я и подстрелил, когда он находился на вершине скалы, было непрактично высаживаться и забирать тушу. Много раз сильный шквал заставлял нас искать укрытия в бухте Врасплох. Под конец сезона мы нашли якорную стоянку на восточной стороне и здесь натолкнулись на шлюп «Уайт фэлкон». Команда состояла из четырех человек, двое из которых сбежали с американской шхуны «Лизи», промышлявшей каланов, и добрались в Хакодате на джонке. Там они уговорили владельца это шлюпа снарядить их, чтобы отправиться на Итуруп бить каланов. На борту у них была всего одна маленькая лодка, и они намеревались зазимовать на острове. Судьба не была к ним милостива. Они стали на якорь близко к берегу, но пошел большой вал и, хоть они пытались развернуться носом, но ветер был слабый, и судно вынесло на берег, где оно вскоре развалилось. Мы взяли их на борт и вскоре после того направились к порту. С собой у нас было сорок шесть крупных и двадцать пять мелких каланов.

Постоянное напряжение, вызванное сильными порывами ветра, так подействовало на старушку «Суоллоу», что обшивка под ее передними вант-путтенсами стала расходиться. Это было много выше ватерлинии, и течь не открылась разве, что когда при сильно ветре судно ложилось на борт. Мы доплыли до острова Шикотан, зашли в «бухту Сковородка», как ее прозвали охотники, и задержались там на несколько дней, потому что старый шкипер сильно расхворался. Часть команды была не в восторге от мысли, что придется возвращаться на этом судне, так что было принято решение идти в Нэмуру, на восточном берегу Эдзо в шестидесяти милях отсюда. По прибытии планировалось вытащить судно на берег забрать с него все и отправить в Хакодате на джонке или на пароходе, если такая оказия случится, а всю команду отправить сухопутным путем. Старый шкипер советовал сжечь судно после того, как с него будет снят камбузный котел и прочее ценное. Это было одно

из самых нелепых предложений на свете. Как хоть кто-то имевший даже отдаленное представление о судах мог выдвинуть такую идею - не могу вообразить, но поскольку тогда я вовсе не знал, как следует поступать в подобных случаях, мне оставалось лишь кивнуть головой – решение ведь подсказывали, как мне думалось, знатоки. Самой большой неисправностью было то, что несколько погнил шпангоут, к которому по обеим сторонам были привинчены вант-путтенсы, и когда ставили снасти, болты подавались в подгнившем дереве. От этого внешняя обшивка слегка расходилась, и была видна пакля. Прежде чем выйти с Шикотана мы пропустили под килем и по палубе на уровне фок-мачты цепи и натянули их клиньями - к ним и крепили передние ванты. Это, разумеется, сняло нагрузку с вант-путтенсов и не давало обшивке расходиться. Позже я узнал, что судно после такой починки без всяких опасений можно было бы привести обратно в Хакодате, за пятьсот миль. Но факт был в том, что у старика сдали нервы. Прочим же из тех, кому полагалось это знать что к чему, просто было все равно. Местные чиновники приняли на склады наше имущество и снабдили нас лошадьми и двумя сопровождающими для нашего 500-мильного сухопутного путешествия до Хакодате. Мы отбывали двумя партиями с разницей в один день, на одну из лошадей первой партии были погружены наши шкуры. Хотя лошади были предоставлены всем, я решил идти пешком. Станции располагались друг от друга за 10-12 ри (25-30 милях) В первый день я прошел от Нэмуро до Натидзюсибецу – где мы остановились на ночь. Наутро двинулись в Хаманака. Дорога, простая тропа, проходила через лес. Часть группы, ехавшая верхом вскоре обогнала меня, за исключением нашего сопровождающего чиновника, которого мы прозвали «Капитан», он ехал шагом рядом со мной и время от времени раздражался громкими криками с тем, чтобы, как он объяснил, отпугнуть медведей; это ему удалось - медведей мы не видали. В тот вечер, ужасно усталый я добрался до стоянки на час или два позже других, которые уже успели принять ванну, «подзаправиться», и – покуривали в комфорте. Я начал подумывать, что пройти весь путь пешком задача неблагоприятная и решил наутро ехать верхом, как прочие.

В Хаманака мне довелось пострелять – я подбил несколько уток, чирков, золотистых ржанок и еще несколько разных птиц, включая и двух лопатеней (*Eurynorhynchus rugmaeus*) все они пошли в общий котел. А я прибыв в Хакодате,

узнал какое драгоценное лакомство вкусил в лице этих лопатеней. Капитан Королевской армии Блэкистон, главный авторитет по орнитологии и крупнейший коллекционер японских птиц, живший тогда в Хакодате, сообщил мне, что они представляют большую редкость и прежде в Японии их не встречали. В качестве образца каждый из них мог быть продан за пять фунтов.

В следующий раз мы ночевали в Аккеси, рядом с бухтой, которая тогда обозначалась на картах как бухта Доброй Надежды. Затем мы ехали по береговой дороге. По большей части, погода нам благоприятствовала. Дважды путь нам преграждали разлившиеся реки и задерживали нас на день. Эти случаи дали возможность поохотиться на оленей с охотниками-айнами. Эти люди удивительно «засекают» оленя на дальнем расстоянии. Хотя я обладал отличным зрением, мне стоило немалого труда различить животное и после того как мне точно указывали, где оно. Олени были в те времена очень многочисленны в Эдзо, но позднее их стали бить в таких количествах, что не вмешайся правительство, то истребили бы подчистую, сегодня их сравнительно немного. Способ охоты был следующий – зимой, когда олени сбиваются в большие стада, их сгоняли в теплые долины, где снег был глубокий мягкий, а там охотники легко расправлялись с ними при помощи копий и дубинок. Оленьи шкуры в описываемые времена шли по 35 центов за штуку. Одна фирма в Хакодате, скупив их по такой цене тысячу штук, отправила их Европу.

Дважды из-за погоды мне случилось бывать гостем вождей айнов, я ночевал в их домах. Как и все айнские жилища, это примитивные сооружения из жердей, сухой травы и коры – с дырой в крыше. Поверх травы укладывались большие листы древесной коры, но гвоздями здесь не пользовались – все скреплялось лишь веревкой.

В обычном жилище айнов пол – попросту земля – покрывали только соломенные циновки, но в доме вождя циновки – японские, и часть пола приподнята. У обоих старейшин, в домах которых мне случилось побывать, оказалось немало прекрасной японской лакированной утвари, состоявшей из крупных шкатулок разных форм, а также мисок и прочего, помещавшейся на своего рода помостах и представлявшей впечатляющее зрелище. Снаружи лак был в основном черный с золотыми узорами, внутри же был красный лак. Эти предметы, которыми айны

гордились, были подарками, сделанными в прежние времена «даймё» этого округа. Деревни, где мы останавливались, отстояли далеко от дороги, и наши хозяева айны проявляли необыкновенное гостеприимство, предоставляя нам лучшее из того, что имели, и отводя для сна самые удобные места. Ни один японец в тех деревнях не жил. В том путешествии я был свидетелем факта зачастую отрицаемого, а именно, айнская женщина кормила грудью медведя. Названия деревни я не помню, но это было к востоку от Мурорана, и там жили одни айны. У них в клетках жили большие медведи, а этот малыш совершенно свободно бегал по всей деревне.

Молодая женщина выйдя из своего жилища позвала медвежонка к себе, он к ней подбежал, она же присела на корточки обнажила грудь и, держа ее между ладонями, позволила медвежьему детенышу несколько минут ее пососать. Я часто слышал о таком, но видел это тогда единственный раз. Сегодняшние айны, как мне говорили, отрицают, что некогда такое было у них в обычае, однако сомнений быть не может. Полагаю, нынче они отрицают это, поскольку их научили, что это противоестественно, и им теперь стыдно, что такое практиковалось.

Порой, в этом путешествии нам приходилось идти местами, где пища была скудной, особенно, если мне не удавалось подстрелить ничего «в котел». Вечерняя трапеза из соленой лососевой икры, простого вареного риса и слабого японского чая, да еще с перспективой подобного же завтрака, это не то, о чем мечтается после трудного дневного перехода. К счастью, такое случилось лишь два или три раза. В остальное время мы от души угощались дичью, рыбой, супом и прочими яствами, запивая, это все добрым японским сакэ; а сакэ в те поры было добрым, не то что нынешняя дрянь, производимая в основном из импортного алкоголя.

Проходя через леса, мы во многих местах натыкались на изобилие диких плодов. Дикая малина была превосходна, как впрочем, и дикий виноград, и «кокова» - это фрукт, растущий на плетях, подобных виноградным, светло-зеленый по цвету, формой же он напоминает верхнюю фалангу большого пальца. Он не такой крупный, как виноград, и растет на отдельных стебельках. Внутренность его состоит из пульпы, весьма напоминающей очень спелый крыжовник. Его-то и виноград мы и поглощали в таких количествах, что кожа на языке и губах начинала слезать, и делалось до того больно, что приходилось прекращать объедаться фруктами – пока не заживет. Мы прибыли в Хакодате из Нэмуру на

двадцать третий день этого, в целом, очень приятного путешествия. Нас официально сдали на руки британскому консулу, который, в свою очередь, дал в этом расписку, и наш провожатый «Капитан» пустился в обратный путь. По прибытии остальной части команды было учинено разбирательство относительно причин потери судна, после чего экипаж получил расчет. Шкуры каланов, которые я привез с собой приобрел немецкий консул г-н Хабер, который незадолго до того открыл свой бизнес в Хакодате. Так закончился мой первый промысловый рейс. Воспоминание, представляющее печальный интерес, – вскоре после того г-н Хабер был убит фанатиком ненавистником чужеземцев. Консул и его друг немецкий врач отошли от города во время послеобеденной прогулки на несколько миль, а по пути назад поспорили, которая из двух дорог короче. Чтобы выяснить это г-н Хабер пошел по верхней дороге, а доктор – по нижней. Дорога, которую выбрал Хабер, проходила через какие-то сады, но домов поблизости не было, Хабер нес собой зонтик. Внезапно сзади на него с мечом напал японец, вооруженный коротким мечом. Хабер не слишком пострадал, он пустился бежать и бежал до полного изнеможения, а затем свернул в один из садов. Японец настиг его и вновь ударил мечом, едва не отрубив ему руки. Хабер молил не убивать его, но дать воды. Это японец исполнил, а затем принялся рубить его, пока не изрубил до смерти. Убийца сознался во всем этом во время суда и сказал, что сперва пошел за доктором, но тот был человеком крупным, и при нем была палка, тогда японец и выбрал мишень поменьше. То был школьный учитель, лишившийся работы в связи с внедрением чужеземных идей, ему ненавистных, потому-то он и решил при первой возможности убить иностранца. Его судили и казнили в Хакодате. Я прибыл туда вскоре после того - среди иностранцев царило в связи с этим, естественно, сильное волнение.

ГЛАВА V

НАЧАЛО ПРИКЛЮЧЕНИЙ ШХУНЫ "СНОУДРОП"

Вне зависимости от результатов я вошел во вкус охоты на каланов и захотел продолжить заниматься ею, так что перед отъездом из Хакодате договорился с компрадорами и судостроителями из тамошнего порта, господами Томпсоном и

Бевиком, что они построят для меня к следующему сезону шестидесятитонную шхуну. После чего отправился на зиму в Иокогаму.

Там один из моих молодых друзей, страстный любитель охоты, чей контракт с японскими железными дорогами должен был скоро истечь (линия Иокогама-Токио была всего год, как открыта) пожелал отправиться в плавание за каланами. Мы договорились, что он выкупит небольшой пай и станет старшим на одном из ботов. Еще один друг молодой шотландец, принявший американское гражданство, согласился пойти с нами в качестве шкипера и охотника, и тоже взял небольшой пай в предприятии. Эти двое, помощник капитана, вахтенный рулевой и я составили иностранную часть команды, остальные же были японцы, набранные в Хакодате.

В Японии ничто не делается в оговоренные контрактом сроки, и постройка шхуны не стала исключением из правила. Лишь к середине апреля нас вызвали в Хакодате, и только спустя еще три недели "Сноудроп", как окрестили шхуну, была готова к отплытию. Задержки следовали одна за другой, а когда, наконец, все остальное было готово, консул отказался дать судну флаг, поскольку его владелец не имел английского судовладельческого сертификата, хотя необходимости и законных оснований к тому не было, поскольку судно было малое и выходило не из британского порта. Шхуну немедленно отдали под американский флаг, был оформлен залог, и осененные звездно-полосатым полотнищем 10 мая 1874 года мы отправились в путь.

Первым несчастьем, которое случилось с нами, была потеря одного из наших лучших матросов, японца, которого мы прозвали Денди Джим - он упал за борт. Весь день дул сильный ветер, и лил дождь. Ночью при громадных волнах стояла кромешная тьма. Вскоре после полуночи ветер несколько ослаб, и был отдан приказ частично отдать рифы. Денди Джим оседлал грота-гик, чтобы отпустить штык-болт. Внезапно судно сильно качнуло, и его выбросило в море. Было так темно, что ничего невозможно было разглядеть в фюте от себя. Невзирая на опасное волнение, была, как можно быстрее спущена на воду шлюпка с полной командой, зажжены огни - поиски продолжались до рассвета, но тщетно. Денди Джим был одет в тяжелую одежду, на ногах у него были высокие морские сапоги, так что вероятно пошел ко дну, как только выпал за борт. Эта потеря погрузила нас

всех в уныние. На судне его очень любили, он был отличный моряк и имел за плечами два промысловых рейса, что делало его очень ценным помощником в качестве рулевого на боте.

Несколько дней спустя мы вошли в порт Немуро с тем, чтобы забрать якоря, цепи, паруса и прочее добро, снятое со старушки "Суоллоу", которое здесь сберегалось, и за которое я имел расписки; уговор был, что все эти вещи передадут мне, когда я вернусь за ними весной. Немуро, как тогда, так и ныне, главный порт на восточном берегу Эдзо, здесь располагается начальство округа, включающего в себя Курилы. За время, минувшее с тех пор, городок весьма вырос в размерах, в количестве населения и в значении. Мы пришли почти в самый разгар "хода" сельди к берегу, и уловы были огромные. Сотни тысяч сельдей были свалены на берегу в примитивных загородках, люди не покладая рук, вываривали их и клали под пресс, чтобы выжать жир, жмых затем раскладывался на солнце и высушивался - то, что получалось, называлось касу. Это касу переправляли на юг, где оно использовалось для унавоживания почвы, что приносило хорошие деньги.

Я не предвидел ни малейших осложнений с властями в связи с возвращением мне моего имущества, но выяснилось, что напрасно. Прежде всего, меня спросили, привез ли я разрешение из Хакодате, чего я не сделал, поскольку не представлял, что это необходимо, и имел на руках их собственные расписки, где мне гарантировался возврат моих вещей по первому требованию. Чиновники же настаивали на том, что необходимо связаться с Хакодате, каковая процедура занимала не менее трех недель. Уяснив, что я ничего не могу с ними поделать, я вернулся на борт и написал письмо консулу, где объяснил все обстоятельства (это письмо так и не дошло до адресата). Затем я написал по-английски яростный протест, где утверждал, что вся ответственность, если что-нибудь случится с судном, ляжет на них, поскольку у меня есть лишь один якорь и небольшой трос на борту, что недостаточно для того, чтобы удержать шхуну при сильном ветре. Я не запасся большим количеством необходимого, поскольку пребывал в полной уверенности, что получу то, что мне принадлежит, прибыв в Немуро. Тогда они решили выдать мне мои якоря и цепи. Они были сложены в деревянном сарае и, чтобы мы могли их получить, с нами послали двух чиновников с ключами от этого склада. Мы рассадили всю свою команду по трем лодкам и, как только сарай был

открыт, вытащили наши якоря и якорные цепи, и разложили их на берегу возле наших лодок. Когда последняя из цепей была вынесена, я приказал матросам хватать все, что им попадется под руку из моего имущества - и веревки, тали, блоки, инструменты, лампы, банки с краской и прочее были вынесены. Чиновники попытались этому воспрепятствовать, но без толку - двое наших подперли спинами раздвижные двери склада и не дали их закрыть, пока правительственная канцелярия не была извещена об этом, и не было прислано подкрепление, после чего нас, в конце концов, в исходе нелегкой борьбы, нас прогнали, и двери склада были заперты, но мы уже получили все, что нам было нужно. Мы оставили там огромное количество чугунных чушек, проволочных тросов, железных книц и старой медной обшивки, но это не имело значения.

Должен сказать, я был удивлен тем, как нас поддержали японцы из нашей команды. Нынче они вряд ли пошли бы на такое.

После того как мы все разместили, на борт явились чиновники и попросили расписку за то, что мы взяли. Учítывая, как мы завладели этим имуществом, это было довольно комично. Тем не менее, я им выдал расписку, а вместе с ней и требования вернуть остальное мое имущество, которое включало некоторые принадлежности для камбуза, тарелки, горшки, кружки, ножи и столовые приборы, в которых мы крайне нуждались, и которые хранились, к несчастью, на другом складе. Я сообщил властям, что буду ждать один день, пока они примут решение, а затем отправлюсь в плавание, возложив ответственность на них, и истребую с них возмещение ущерба по возвращении в Хакодате. Ничто не предвещало благоприятного исхода и, выждав сутки, я отплыл к метам, где водились каланы. Встречаясь с другими судами по пути, мы со временем разжились достаточным количеством кухонной утвари и столовых приборов, чтобы продержаться до конца сезона. Скоро мы нашли каланов и начали охотиться за ними дедовским способом, то есть, загоняя их тремя ботами. Первое время из-за недостатка опыта у моих компаньонов мы упускали немало каланов, но постепенно дела наладились, и добыча пошла. В загоне каланов мои компаньоны обрели определенную сноровку, но ни один из них так и не приспособился к движению бота во время стрельбы, так что основной добычей мы были обязаны моей винтовке.

Некоторое время все шло неплохо, но потом случилось беда - мы заблудились в тумане и не смогли найти свое судно. Однако мы добрались до берега и вытащили наши лодки на пляж маленького заливчика, который называли Комариной бухтой. В тот день мы взяли шесть каланов. Мы развели костер, расположились вокруг него и дождались рассвета. Погода оставалась тихой и спокойной, и вскоре после восхода солнца туман рассеялся. Мы спустили боты на воду, вышли за мыс и увидели свою шхуну примерно в паре миль от себя. Мы подошли к ней, поднялись на борт, как следует позавтракали и снова отправились на охоту. Пройдя на веслах несколько миль на юго-запад, мы увидели, что в нашу сторону движется пароход, в нем я узнал "Кэпрон-мару", принадлежавший правительственному департаменту Кайтакуси, под чьей юрисдикцией находились тогда Эдзо и Курилы. Когда он подошел поближе, с него спустили две шлюпки, в каждой по несколько вооруженных морских пехотинцев. Они стали грести в нашу сторону, но, поскольку у нас было три лодки против их двух, я стал отходить, несмотря на то, что со шлюпок мне кричали, что я должен принять их на борт. После чего вооруженные люди высадились на борт наших остальных двух лодок, и вскоре эти лодки были уже подняты на борт парохода. Я же тем временем добрался до собственного судна, которое штилевало в нескольких милях от берега. Пароход подошел к шхуне, и мне приказали перейти на него. Я отказался это сделать, если они не пришлют за мной свою шлюпку, через некоторое время они ее прислали. Меня проводили в салон, где моим глазам предстало нечто вроде судебного дознания. Двух моих друзей опрашивали и подвергали перекрестному допросу в обычной японской манере: имя, возраст, местожительство, род занятий, страна, место рождения, родители, возраст родителей и множество других подробностей. Ответы на эти вопросы заносились в протокол. Всем этим явно заправлял моложавый мужчина - губернатор Нэмуру. Вместе с ним на борту был губернатор Итурупа и ряд других чиновников, включая тех двоих, что открыли нам склады в Немуро, когда мы боролись за возвращения нашего имущества, как я уже описывал. Присутствовал переводчик, который неплохо говорил по-английски. Был также офицер с несколькими морскими пехотинцами, и несколько японских кули, помимо судовой команды. Оказался там и капитан "Кэпрон-мару", американец, единственный иностранец среди них. Он зашел в салон справиться у

нашего шкипера о глубине в заливчике (Комариной бухте), поскольку собирался бросить якорь, но губернатор весьма бесцеремонно велел ему выйти из салона. Это приказ, как я заметил, пришелся капитану очень не по душе, ибо отдан был без всякой претензии на вежливость.

Дознание продолжалось, и с нашей точки зрения было совершенным фарсом. Я сказал шкиперу, чтобы на вопросы отвечал он, ибо сам не мог положиться на свою выдержку. Часа два всевозможные вопросы, как то "Откуда вы прибыли? Зачем вы прибыли охотиться на калана? Охотились ли вы вблизи берега? Было ли вам известно, что охотиться на калана здесь неправильно?" и многие другие подобные, повторялись столь часто, что я потерял терпение и сказал, что теперь буду отвечать сам. После чего допрашивать стали меня в том же духе. Они спросили, бил ли я каланов в японских водах, и заявили, что добычу следует передать им. Я отвечал, что не измерял расстояние до берега там, где мы забили зверей и, что, если они хотят получить эти шкуры, им придется прибегнуть к силе. Они пригрозили, что отправят нас под конвоем в Хакодате. Я сказал, что надеюсь на это, потому что тогда им придется выплатить мне компенсацию, и это для меня будет, пожалуй, выгоднее, чем охотиться. После того, как я сообщил им, что вовсе не считаю неправильным охотиться там, потому что в прошлом году мы уже охотились в тех же местах, что мы заправлялись провизией и водой совершенно открыто, что команда подписывала договоры, и судно прошло очистку от пошлин для конкретной цели, они сказали: "Что ж, не могли бы вы письменно подтвердить, что считаете правильным охотиться здесь, а мы запишем, что мы не считаем правильным, чтобы вы здесь охотились». Я отказался, поскольку это ни к чему бы не привело. Препирательства продолжались, покуда я не сказал переводчику, что больше не собираюсь отвечать на такие дурацкие вопросы, так что лучше им сделать сами то, что они хотят и покончить с этим. Боюсь, губернатору перевели это таким образом, что он подумал, будто я его назвал дураком, ибо он покраснел, как роза, и разразился сердитой тирадой. После чего переводчик сообщил, что губернатор отправляет нас в Хакодате.

Должен объяснить, что мы сидели за столом в салоне - с каждой стороны его стояли скамьи со сдвижными спинками так, чтобы можно было сидеть к столу лицом или спиной, на каждом конце стола стояло по стулу. Посередине на одной

стороне сидел губернатор Немуро, слева от него переводчик, справа губернатор Итурупа, рядом с ними несколько чиновников делали записи. Я сидел напротив губернатора, а рядом со мной по обеим сторонам два чиновника, с которыми я имел конфликт из-за складов в Немуро. Возле них был мой молодой друг, в конце стола сидел шкипер, а за нами по обеим сторонам стояло несколько японских чиновников.

Когда переводчик сказал, что губернатор отправляет нас в Хакодате, я ответил, что по доброй воле мы на это не согласимся, ему придется применить силу, а пока мы идем к себе на судно. После этого мы трое встали и попытались выйти, и тогда два чиновника, сидевшие рядом со мной, схватили меня за плечи и при этом поставили ноги на сиденье. Когда меня захватили, я, к стыду своему, порядочно вышел из себя, вследствие чего эти чиновники кубарем полетели через сиденье в толпу стоявших сзади. Мы двинулись к выходу, но двери перекрыли вооруженные морские пехотинцы. В этот момент переводчик попросил нас не устраивать беспорядков и сказал, что они попросят нас сделать только еще одно. Несколько успокоившись, я понял, как глупо с моей стороны, было потерять самообладание, извинился за грубость, и мы возвратились на места.

"Подтвердите ли вы, что получили уведомление о том, что нельзя охотиться в японских водах, поскольку это запрещено японским правительством?"

Я отвечал: "Разумеется, почему же вы не попросили об этом сразу вместо того, чтобы держать нас всех здесь несколько часов, из-за чего мы потеряли полдня подходящей для охоты погоды?"

После того документ был подписан, губернатор сообщил через переводчика:

"Теперь вы можете отправляться на свое судно, но вам следует немедленно покинуть побережье". "Благодарю," отвечал я. "Так вы не отправляете нас в Хакодате?" "Нет, на этот раз нет". После чего мы вернулись на борт шхуны, которая стояла на якоре неподалеку, - поднялся легкий бриз, и, поймав ветер, мы вышли в море.

Позднее мы узнали, что губернатор и его свита, прежде чем выйти на нас, уже имели встречу с американской шхуной "Сэнборн" - забрали одиннадцать шкур и отбуксировали ее в море. "Сэнборн" бросила промысел и вернулась в Сан-Франциско, в те времена с отношениями с японцами лучше всего выказать

решительность. Если проявить достаточное упорство, то почти всегда вы могли поставить на своем. Позднее мы узнали, что "Кэпрон-мару" подходил и к другим охотничьим судам, но без особенных результатов, разве что охотники старались впредь избегать мест, где можно было вероятнее всего снова встретить пароход. Мы придерживались того же плана.

Как-то вечером в августе часов около девяти мы шли вдоль берега Итурупа при свежем западном ветре; небо было совершенно ясное, ярко сияли звезды. Выйдя на траверз "бухты Врасплох", мы заметили в бухте огни парохода, тут же раздался пушечный выстрел, и мы смогли различить идущее к нам судно. Решив, что за нами гонятся, мы поставили все паруса, какие только возможно, вытравив шкоты, так чтобы обеспечить шхуне наилучший ход. Пароход не отставал, по-прежнему, явно преследуя нас. Затем нам удалось оторваться, мы перекинули паруса и взяли курс норд-ост. К нашему облегчению этот маневр избавил нас от погони, как нам казалось, и преследователь прошел мимо и скрылся в южном направлении.

Объяснилось все позже - на пароходе нас и не видели. В те дни в Японии было принято, чтобы судно, на борту которого находится почта, давало выстрел из пушки, входя в порт или покидая его, - что и проделал тот пароход, уходя из Онебетцу в Хакодате, в тот момент, когда нам случилось проходить мимо.

После этого происшествия мы еще короткое время продолжали охоту, а затем решили возвращаться в Хакодате. У нас было 143 крупных и некоторое количество мелких шкур, и мы рассчитывали прибыть в порт назначения около 24 августа. Мы пробыли в местах промысла восемьдесят два дня, из которых выдалось шестьдесят пять туманных. Одной из причин нашего раннего возвращения было то, что мой компаньон А. хотел обязательно прибыть в Англию к началу декабря, я же решил, пополнив запасы возвратиться, чтобы по возможности проохотиться всю зиму.

Однако же наши злоключения еще не закончились. Рок в лице тайфуна подстерегал нас. Весь день мы шли при попутном все нарастающем ветре, на подходе к проливу Цугару он достиг уже почти ураганной силы. Убавив паруса, мы шли фордевинд к середине пролива, пока хватало отваги, а затем в ожидании благоприятной возможности, привели судно к ветру. Фока-шкот был сильно выбран, штурвал вывернут наполовину вниз и закреплен в этом положении, и мы с полностью зарифленным фоком легли в дрейф. Тут ветер обрушился на нас в полную силу, по

морю шли громадные, как горы, валы, крупный проливной дождь, сопровождаемый шквалистым ветром, колотил по нам, и ночь была черна, как Эребус. Невозможно было стоять на палубе, ни за что не держась. Передвигаться по палубе приходилось ползком, подтягиваясь на снастях, на планшири и на такелаже. Но "Сноудроп" была отличным судном - она летела по морю, как чайка, и на борт попадало совсем немного воды. Мы прикинули, что находимся где-то на середине пролива, почти возле Нижнего Острова. Порядком уставши и понимая, что непосредственная опасность нам не грозит, если мы только не налетим на что-нибудь, я воспользовался возможностью, чтобы спуститься вниз и прилечь, и быстро провалился в сон. Меня разбудил мой друг А. - он срочно поднял меня с постели, потому что фок разорвало в клочья при внезапной смене ветра, и нас несло к берегу.

Без паруса началась ужасная бортовая качка. В одной пижаме и резиновых сапогах я поднялся на палубу. Было, по-прежнему, очень темно, но пенистые гребни волн, с грохотом несущихся на нас, можно было различить - они были выше, чем верхушки мачт. Шхуна подсакивала на волнах, как утка, и тяжелые массы воды не попадали на борт, однако снос был значительный, и каждый новый вал перемещал нас, казалось на много саженей. Ветер сменил направление, теперь дул норд-вест, но признаков, что он пойдет на убыль, не было. Около трех часов мы слышали рев прибоя с подветренной стороны и различили во тьме смутные очертания высокого берега. Я вызвал членов команды на корму и сообщил, что по всей вероятности нас вынесет на берег, и каждый должен будет позаботиться о себе сам, но прежде, чем это случится, мы должны попытаться направить судно от берега в море, подняв полностью зарифленные грот и фока-стаксель, и, что им следует находиться в полной готовности и сделать это по первому же слову; далее паруса должны развернуться ходом так, чтобы они не начали полоскаться, иначе их разорвет в клочья.

Мы выждали, насколько у нас хватило мужества, прежде чем сделать сказанное, в надежде, что ветер, может быть, утихнет, когда мы подойдем достаточно близко, и не станет дуть "в упор" до самого нагорья. Долгожданное затишье наступило в четверти мили от берега, примерно, как мы и рассчитывали - приказ был отдан, и паруса распустились молниеносно, все матросы до единого удерживали фалы.

Наше суденышко показало себя наилучшим образом - оно легло на курс, замерло на несколько мгновений, и - дало ход. После того, как были потравлены шкоты, шхуна постепенно стала продвигаться вперед и, зная, что берег все более удаляется от нас, мы вели ее малым ходом. Едва занялся рассвет, ветер спал, и мы смогли отдать рифы. При свете дня выяснилось, что по всему проливу плавают бревна, и мы заметили с полдюжины перевернутых джонок со снесенными мачтами. Мимо двух из них мы прошли вблизи, но, похоже, на борту никого не осталось; вероятно, дерево, которое плавало повсюду вокруг нас, составляло их груз. Вдалеке к югу мы увидели топсельную шхуну, у которой снесло фор-стенгу, утлегарь и бушприт. Через несколько часов мимо нас прошла курсом на Хакодате наша старая знакомая с Курил, канонерская лодка "Осака-Кан", - у нее были сломаны две мачты, и имелись значительные повреждения на палубах. Поскольку запасного фока у нас не было, мы поставили фока-стаксель и кливер между фок-мачтой и грот-мачтой, и направились в Хакодате, куда и прибыли на следующий день, преисполненные благодарности за то, что нам удалось спастись самим и сохранить наше судно вместе с добычей. Этот шторм погубил много кораблей, сотни местных суденышек и немалое количество жизней. Он пронесся по всей Японии из конца в конец, причинив жестокий урон Нагасаки.

По прибытии в Хакодате я выяснил, что Консул не получил моего письма из Нэмуру и вообще никаких известий о том, что мы там побывали. В связи с чем я составил докладную записку, а также заявление о возмещении убытков и вручил их ему. Команда получила расчет, а шкуры были отправлены в Европу. Случилось так, что в эту пору с визитом в Хакодате находился британский посланник сэр Гарри Паркс, и я воспользовался возможностью обратиться к нему и сообщить, что произошло, когда мы заглянули в Нэмуру, а также и о нашем приключении с "Кэпрон-мару". Сэр Гарри сказал, что он встретится по этому поводу с губернатором Хакодате, и сообщил, что ведется переписка с японскими властями относительно охотничьих судов, и их предупредили, что они не должны препятствовать никаким британским судам без очень веских причин. Он попросил меня обратиться к нему снова через день-другой. Так я сделал - он сообщил мне тогда, что губернатор выразил свои сожаления и сказал, что все происшедшее - следствие какой-то ошибки и что он незамедлительно велит переслать все вещи со

"Суоллоу" в Хакодате. Это, заверил я сэра Гарри, меня вполне удовлетворяет, после этого он сказал, что, как он полагает, я не желал бы давать ход представленному мною заявлению, ибо японцы были очень добры ко мне, когда я лишился мачты неподалеку от Сэндай в прошлом году. Я отвечал, что представил заявление только, чтобы придать больший вес моему возмущению против того, как с нами обошлись в Нэмуру. На следующий день сэр Гарри отбывал из Хакодате в Иокогаму, поэтому он предложил мне обратиться к нему, когда я прибуду в Иокогаму с тем, чтобы сообщить, как все прошло.

Хорошо известно, что сэр Гарри был человеком энергичным, и это, несомненно, послужило причиной того, что губернатор, вопреки японскому обыкновению, столь быстро принял решение по этому вопросу. Не успел сэр Гарри уехать, как консул послал за мной и сообщил мне, что к нему обратился губернатор и с сожалением известил его, что, как он опасается, нет никакой возможности доставить мое имущество из Нэмуру, но, если я отправляюсь туда на своей шхуне, он проследит за тем, чтобы я его получил. Я уведомил консула, что об этом не может быть и речи, поскольку Нэмуру находится приблизительно в пятистах милях в противоположном направлении от того места, куда я направляюсь. Снова начались переговоры, и, в конце концов, я сказал, что буду вполне удовлетворен, если мой скарб доставят, когда представится такая возможность, и на том закончил разговор. В течение следующего полугодия, или около того, часть имущества прибыла. По возвращении в Иокогаму я сообщил сэру Гарри, как развивались события. Он слушал с улыбкой, и я склонен думать, что он очень точно угадал, что произойдет после его отъезда.

Оба моих друга были сыты охотой на каланов, поэтому я выкупил их доли и отплыл в Иокогаму, надеясь, пополнив там запасы, снова, как можно скорее, идти на север. Переход до Иокогамы не принес никаких происшествий, и по прибытии в порт закончился мой второй промысловый рейс. В некоторых отношениях он был гораздо лучше первого, но до совершенства было, по-прежнему, далеко.

Глава VI

Потерпевшие кораблекрушение на Итурупе.

Третий мой поход за каланом начался 18 ноября 1874 года, когда "Сноудроп", после починки и после всех необходимых для зимнего плавания на бушующем холодном севере приготовлений, вышла из Йокогамы.

С неделю после отплытия погода держалась мягкая, а затем мы вошли в холодные воды, и температура упала ниже точки замерзания воды.

Около двух часов ночи 27 февраля мы находились между островами Шикотан и Итуруп, когда стеньговый гак грота-гафель-гардель-блока отлетел с нока, и парус рухнул вниз. Было совершенно темно и очень холодно, крепчающий норд-ост нес снег с дождем, и каждая капля влаги, попадавшая на борт, немедленно превращалась в лед. Шхуна в тот момент шла только на гроте и кливере, поэтому, подняв фок, мы взялись устанавливать новый блок. Матросам на топе пришлось померзнуть пока они прикрывали его к стеньге. К рассвету ветер достиг штормовой силы - и мы были вынуждены, взяв два рифа, остановиться, держась против волны и ветра. После полудня непогода несколько утихла, и к двум часам следующего дня мы дошли до своей старой стоянки в "бухте Врасплох". Я и шкипер сошли на берег и побеседовали с чиновниками из Кайтакуси, которые были расквартированы в Онебецу. Онебецу, надобно заметить, это рыболовецкая база, и состояла она в то время из покрытого дерном айнского жилища, склада и поленицы. Трое японцев были присланы туда, чтобы надзирать за промыслом каланов, и им полагалось самим выходить в море на лодках, что, однако, они делали редко, предоставляя заниматься этим одному айну и японцу, который в свое время был матросом на иностранном промысловом судне. Для охоты они использовали короткие карабины Спенсера, оружие для этого дела малоприспособное. Они сообщили, что никаких других судов у побережья они не видели, а также и том, что им предписано уведомлять промысловиков, что нельзя охотиться в трехмильной зоне. Мы сказали им, что уйдем при первом же подходящем ветре, как только произведем починку. Нам пришлось пробыть там несколько дней, поскольку в открытом море ветер был слишком силен. Наши японские друзья навещали нас ежедневно, похоже, от души наслаждались иностранной кухней и вовсе не торопили нас с отплытием.

Третьего декабря мы вышли на охоту и подстрелили калана. Погода, однако, для промысла была крайне неблагоприятная и вынудила нас вернуться на шхуну. К полуночи ветер достиг штормовой силы, следовало сняться с якоря и искать убежища на дальнем конце бухты. Нужно было сделать один галс, но поскольку мы находились в бурном море под зарифленными парусами, а наш томбуй, деревянная колода, зацепился за киль, мы не могли сделать поворот оверштаг. Места для поворота фордевинд не было, потому пришлось отдать якоря и надеяться, что нам удастся выдержать шторм. По временам волны перехлестывали через носовую часть судна, огромные массы воды прокатывались по шхуне из конца в конец, но она держалась стойко, и когда рассвело, и ветер сменился на северо-восточный, а затем на северный, мы смогли поднять якоря и перейти бухту, вновь к нашей старой стоянке.

Затем задул норд-вест и задул с ужасной силой. Повалил мокрый снег, и все обледенело. Несколько дюймов льда покрывало палубу, и весь наш стоячий и бегучий такелаж стал вдвое толще под слоем крепкого льда. Канаты не могли пройти сквозь блоки, паруса сделались, как доски, поставить их и выйти в море стало невозможно. Вскоре за тем поползли якоря. Поскольку нам грозило быть вынесенными на риф за оконечностью мыса, разбиваясь о который волны взметались на 40-50 футов вверх, мы подумали, что будет благоразумнее расклепать и вытравить якорные канаты, и дать морю выбросить судно на берег - довольно крутой и покрытый огромным количеством камней и крупных валунов. Прежде чем начать расклепку, команду известили об этом решении и велели в момент удара каждому позаботиться о себе. Мы перерезали шлюпочные найтовы и расклепали канаты. Я скинул верхнюю одежду и сапоги, и привязал себя куском каната к такелажу грот-мачты. Огромный вал перенес шхуну прямо за первую линию прибоя, мы почувствовали сильный толчок. Идущие следом валы обрушились на нее и протащили дальше вглубь берега. Рулем прошибло корму, в днище образовалась пробоина, снесло бакс и фальшкиль, были и другие мелкие повреждения. Судно не столь прочное развалилось бы на куски от такого удара, но "Сноудроп" была построена крепко, как военный корабль.

Второго помощника, кока и троих матросов смыло за борт, или, может быть, они спрыгнули сами, когда нас захлестнуло волной. Они добрались до берега,

отделавшись лишь несколькими синяками. С их помощью мы скоро бросили на берег лини и спустили по ним одеяла, одежду и некоторые припасы. Второй помощник и один из матросов снова забрались по линю на борт. Остальным это не удалось, и они направились к айнскому жилищу, до которого было около мили. У всех, в большей или меньшей степени, были обморожены ноги и руки. Я оставался на борту. Судно лежало, накренившись под углом в сорок градусов, и было наполовину заполнено водой. Около полуночи случился отлив, и тяжелые волны теперь лишь изредка ударяли по корпусу. Обессиленные, мы попытались в ожидании рассвета немного отдохнуть. Я забрался на свою койку, которая к счастью осталась сухой. Небо очистилось, сияли звезды, и сделалось довольно светло. У рифа, протянувшегося от мыса примерно в четверти мили от нас, волны бились по-прежнему яростно. Шкипер довольно щедро угостился спиртным - несомненно, в попытке не замерзнуть - а в таком состоянии его тянуло на разговоры, и он все дивился огромным волнам, и без конца приглашал меня выйти на палубу поглядеть на них, ужасно меня этим раздражая, и поздравлял себя с тем, что мы не оказались там, на рифе среди этих волн. Некоторое время я это терпел, но затем все-таки, самым решительным образом положил конец его разглагольствованиям и смог немного отдохнуть.

С рассветом к нам подошли айны и японцы из Онебецу. Мы сняли немало имущества с корабля. Некоторые из наших запасов, скажем, рис и картофель, были безнадежно испорчены, но кое-что удалось сохранить - среди прочего всю нашу одежду, постельные принадлежности, оружие, боеприпасы. И, как потом оказалось, на наше счастье, все книги, шахматные фигуры, шашки и карты. Лодки, паруса и другое снаряжение также были доставлены на берег, и большинство наших вещей отправилось на склад.

Судно можно было бы без особых затруднений починить и спустить на воду, но ни подходящей рабочей силы, ни инструментов, как на беду, не имелось. Когда мы разместились на постой в айнском жилище, была послана весточка к губернатору в Фуребецу, на другой конец острова.

Норд-ост не стихал еще три дня, время от времени превращаясь в снежный шквал, но мы работали, не покладая рук - переносили уцелевшее имущество на склад. 10 декабря приехал Губернатор. Он запротоколировал все подробности крушения, я

же подал письменное прошение, чтобы нам, елико возможно, оказали помощь в ремонте судна. Он, казалось, был преисполнен желанием помочь и сказал, что в Фуребецу есть плотник и кузнец, которые, хоть и мало смыслят в своем ремесле, но будут предоставлены в наше распоряжение. После визита Губернатора нас навестили его заместитель и доктор, затем главный купец острова, чья контора размещалась в Фуребецу и еще один чиновник. Мы просто по-царски потчевали их нашими заморскими яствами и спиртным, которое так пришлось им по душе, что наши запасы были порядком разорены. Все кроме губернатора пили в три горла. Все кули на острове служили у г-на Эбеко, коммерсанта, владевшего там основными рыбацкими базами. Он пообещал, что на следующий день пришлет шестьдесят кули, чтобы они помогли нам с упаковкой нашей провизии и чего только понадобится, и перенесли это все в Фуребецу. Явилось лишь около сорока, и только на следующее утро к одиннадцати часам они смогли пуститься в дорогу, неся каждый по тюку. Наша партия смогла отправиться лишь после полудня. С милую дорога шла по пляжу, затем миль пять на северо-восток по плоской вершине крутояра, а потом до Фуребецу еще шесть миль или около того по взгорьям и долинам. Снег, по которому прошло столько людей был утоптан накрепко, и шагалось легко. Мы подтянулись в поселок часам к четырем-пяти. После горячей ванны и японской еды мы повалились спать, ибо порядком подустали. Для житья нам предоставили обычный японский дом из трех больших комнат, одна из которых служила для приготовления пищи. Мы, четыре европейца, заняли комнату площадью в десять циновок; кок и стюард разместились в той, куда была после крушения перенесена наша плита, а японская команда поселилась в третьей комнате. Для нас построили большую ванну и отменно снабжали углем и дровами. Фуребецу тогда была маленькая деревушка, состоявшая примерно из пятнадцати японских домов и нескольких айнских хижин, а также некоторого количества складов, где хранилась рыба и прочие запасы. Она стоит узкой долине на маленькой речушке, впадающей в бухту. Устье длины перегорожено высокой дырявой деревянной стеной, построенной из массивных бревен. Гавань представляет собой небольшое углубление берега, от южной оконечности бухты тянется каменистый риф. Глубина там от четырех до четырнадцати сажень, но места хватает только для двух или трех малых судов. На сопке над деревней я

набрел на пару старых списанных пушек. Занятий у тамошних жителей в эту пору года не было или почти не было, разве что рубка дров. И они немало времени проводили в пьянстве. Японское сакэ имелось в изобилии, кули и прочие могли без затруднений получить его в кредит, сколько им заблагорассудится, плата же впоследствии вычиталась из их заработка, когда начинался рыболовный сезон. Где-то под Рождество народ принимался готовить моти к Новому году.

Приготовление этих штук составляет целую церемонию. В несколько деревянных ступ, изготовленных из цельных пней, накладывали вареный рис, шесть мужчин становились вокруг каждой ступы и принимались колотить рис тяжелыми деревянными молотами, а один тем временем его переворачивал и увлажнял его. Это вот переворачивание и смачивание было делом опасным для рук этого человека, потому что молоты бьют один за другим очень быстро. Темп задают барабан, дудочка, колокольцы и некий пустотелый инструмент, напоминающий по форме булочку. Барабанщик, старый слепец, рьяно орудовал своей колотушкой и время от времени, будучи не в силах сдержать свои чувства, разражался криком, как шотландец, танцующий "рил", в это время дудочник бросал играть и пускался плясать, в такт с ударами молотов. Так продолжалось всю ночь и часть следующего дня поскольку они готовили моти на всех.

Рождество мы отметили особым обедом. У нас оставалась, часть свежей говяжьей туши, которую мы взяли на борт в Иокогаме и заморозили семь недель назад - она отменно сохранилась. Помощнику повезло подстрелить утку, так что - впридачу с картофелем, кексами, булочками и крыжовенным пирогом - рождественский пир, удался на славу.

Наши домашние развлечения состояли, главным образом, в чтении и игре в шахматы. Кроме того, у нас имелись карты и шашки. Мы взяли с собой около 120 томов книг, и к счастью, они все уцелели, что оказалось для нас сущим благословением. Без них скоротать время было бы трудно. В погожие дни я отправлялся пройтись, прихватив с собой ружье, но стрелять было считай не во что, ибо почти все птицы улетели в теплые края. Иногда нам попадалось что-то вроде нырков или крохалей, или соколы-сапсаны, и, нет нужды говорить, что все они попадали в котел. Из сапсана выходит отличный карри, не хуже чем из курицы. Однажды, я преследовал лисицу и едва не попал в беду, пытаясь взобраться на

крутояр. Склон, покрытый снегом и льдом, снизу представлялся более-менее пригодным для восхождения и я, передвигаясь зигзагами, начал свой путь наверх и был почти у вершины, когда начал соскальзывать. Подо мной, совсем рядом, был отвесный обрыв футов в 60, а то и более, до самого пляжа. Я держал ружье с обоими заряженными стволами на полном взводе, потому что рассчитывал подстрелить лисицу, едва только моя голова покажется из-за кромки. Начав скользить, я перекинул ружье за спину и, лежа на животе, цеплялся чем мог, пальцами, коленями и мысками, за землю. И все-таки я соскользнул, разодрав в кровь колени, порвав перчатки и сорвав ногти. Футов в двух-трех от обрыва, мне, к счастью, удалось остановиться. Извиваясь из стороны сторону, я отполз к тому месту, где снова начинался уклон и дал себе соскользнуть к пляжу. Лисица глянула на меня с края утеса, но я пришел к выводу, что мне она теперь без надобности. Мой шкипер Т. был человек довольно молодой и большой любитель розыгрышей (впрочем, не тогда, когда разыгрывали его). По деревне бродило несколько бездомных и не только бездомных собак. У одной айнской старушки было с полдюжины или больше, и ничто не доставляло такого удовольствия нашему шкиперу, как заманить нескольких из них на наши квартиры и, связав попарно соломенной веревкой и приторочив старые консервные банки к их хвостам, отпустить в деревню, где они носились с визгом и воем, устраивая ужасный ералаш. Все остальные собаки присоединялись к ним, старушка заслышав тарарам, выбегала из дому освобождая псов от обузы и пронзительным голосом поносила при этом шкипера.

У Губернатора была пара крупных свиней и как-то раз Т. запустил в свинарник двух таких собак. Они перепугали свиней, а одну искусали так сильно, что, как выразился наш шотландец, ее пришлось убить, чтобы сохранить ей жизнь.

Губернатор послал к нам и передав, что к нему в свинарник забрались несколько деревенских собак и так покусали одну из свиней, что он хочет ее забить и освежевать, поинтересовался не понимает ли наш кок или стюард что-нибудь в ремесле мясника. В то же самое время он послал человека перестрелять всех бесхозных собак, и некоторые из них действительно были перебиты. К счастью, он не дознался, что причиной несчастья был Т. Наш черномазый стюард забил и освежевал свинью, в награду за что нам досталась отличная свиная нога.

И во множество других дурацких проделок пускался Т. Покуда не встретил превосходящего по силам противника в лице одного человека из губернаторской прислуги - айнской девушки, приставленной присматривать за детьми Губернатора. Т. постоянно дразнил и разыгрывал эту девушку, и однажды она ему отомстила. Он начал свои обычные шуточки, а она вдруг повернулась к нему и с размаху ударила его по лицу веткой, оставив разом с полдюжины следов и содрав кожу одновременно в нескольких местах. После чего он оставил ее в покое.

Как-то утром об эту пору на свежевывавшем снегу подле нашего дома я обнаружил следы на вид покрупнее собачьих. Местные объявили, что это следы волка, который ночью спустился с холмов. После завтрака я захватил ружье и прошел несколько миль по следу, но устав пробираться чрез сугробы, поворотил обратно. Тогда мое ружье позаимствовал второй помощник Р. и предпринял такой же поход - возвратился он вечером совершенно измотанный.

Вот какую историю он поведал. Не одну милю ему пришлось пройти через горы по следу, и, наконец, он спустился в долину, где среди деревьев он заприметил волка. Р. стал его преследовать и подстрелил - зверь оказался отменный, светлого серого окраса, весом фунтов 50-60. Р. закинул его на плечи с тем, чтобы отнести в деревню, однако груз оказался слишком тяжел, чтобы пробираться с ним по снегу, и не раз его подмывало бросить свою поклажу. Через какое-то время ему встретились несколько айнов, которые, завидев его, разразились смехом. Тут он сбросил с плеч свое бремя и понял, что подстрелил не волка, а большую айнскую собаку из поселка, расположенного в нескольких милях. Позже я посмотрел убитое животное и должен признать, нельзя винить Р. за ошибку. Зверь был прекрасный откормленный, в отличной физической кондиции с великолепной мохнатой шкурой. Никаких неприятностей убийство собаки не принесло, на это смотрели как на веселую шутку. Местные не используют своих собак для каких либо практических нужд.

В канун Нового Года наш старый приятель купец г-н Эбеко принес нам бадью sake и несколько моти. Никому нельзя было спать, пока не встретишь приход нового года, таков японский обычай. Сам первый день Нового года проводят, принимая гостей и нанося визиты. Количество употребленного sake было огромно, все мужское население было более или менее пьяно, но притом пребывало в

добродушном расположении. Едва мы сели обедать, как нам нанес визит старый г-н Эбеко со своими помощниками. Мы пригласили их угощаться. Что они и сделали с такой жадностью, что наша жареная свинина исчезла словно по волшебству. А для начала, старый купец опорожнил нашу масленку себе в суп и выкушал его. Позже губернатор со всеми чиновниками ответил на наш утренний визит, и мы до отвала потчевали их "Старым Томом" , шоколадом, консервированными фруктами и тому подобными деликатесами. Поскольку Новогодние празднества продолжались не один день, наши запасы были сильно разорены, и нам грозил голодный паек.

Погоды тем временем настали суровые: замерзло все, что могло замерзнуть. Презервы, уксус, соусы и чернила обратились в лед. Постоянно дули сильные метели, и мы кружком сидели в пальто у нашей угольной жаровни. Как-то раз, когда мы все жались к ее теплу, Т. бросил в огонь снаряженный патрон от "спенсера"; разумеется, все отскочили, а патрон взорвался, вбив медную гильзу в потолок и разметав уголья по всей застеленной циновками комнате. Тут Т. осознал, какую безумную вещь сотворил и бросился подбирать раскаленные докрасна комки и складывать их обратно в жаровню. Я рад сообщить, что при этом он сильно обжег себе пальцы. Дом был очень холодный, с фасада нашу комнату отделяла от стихий только бумага, да и та была все в дырах. По ночам мы наваливали на жаровню груды угля и забирались в постели, не снимая верхней одежды. По утрам на одеялах там, куда приходилось наше дыхание, намерзал слой льда. У меня смерзались усы и борода так, что я не мог открыть рта, покуда не раскрошу изморозь пальцами. Однако, все мы пребывали в отменном здравии. Не могу сказать, какая стояла температура, ибо на нашем термометре шкала заканчивалась на 12° F , и вся ртуть скрылась в шарике.

5 января с семьёю матросами, г-ном Коно и двумя его людьми я отправился в Онебецу за рисом и другими припасами, которые там хранились. Снег был такой глубокий, что пришлось надеть айнские мокасины и снегоступы. Мокасины сделаны из высушенной лососевой кожи и оторочены поверху тонкой лентой из кожи тюленя. Они доходят почти до колена, а под коленом завязываются шнурками; внутрь в качестве стельки набивается сухая трава. Это удобная, сухая и теплая обувь. Снегоступы делаются из двух U-образных кусков дерева накрепко

связанных вместе. Ступня помещается на обмотанную четырежды вокруг рамки ленту из шкуры тюленя или морского льва, оставшаяся часть крепления обматывается вокруг подъема и задней части ступни, выше пятки, но ниже щиколотки, и завязываются спереди. Эти приспособления служат значительным подспорьем при передвижении по твердому или несколько притоптанному снегу, на мягком снегу они бесполезны.

В Онебецу мы нашли нашу шхуну там же, где ее оставили. На следующий день задул штормовой норд-ост с густым снегом, и нам пришлось просидеть в айнском жилище весь день, мы ужасно страдали - дым от горящих дров попадал нам глаза, их щипало, и текли слезы. 7-го мы подготовили вещи к переноске. Мы выдвинулись в 10.30 утра, но дорога была очень плоха, отчего много раз нам случалось проваливаться по колена, невзирая на наши снегоступы. Г-н Коно, два его человека и я добрались до места в 5.45 вечера, проделав за семь с четвертью часов двенадцать с половиной миль. Полчаса спустя появились пять моих матросов. Еще двое в тот вечер так и не прибыли, но, поскольку они несли одеяла, мы подумали, что беды с ними не приключится. На следующее утро люди, которых я послал искать пропавших, обнаружили их под снежным наносом. Они в темноте заплутали и сочли за лучшее переночевать под снегом, и дожждаться, когда рассветет. Они, похоже, никак не пострадали, но это счастье, что такое произошло с теми, кто нес одеяла.

Нам приходилось посылать в Онебецу и в других случаях, также за рисом и за другими вещами, и дорога никогда не бывала сносной. 18 января на обратном пути нам выпало пережить очень неприятный опыт. Наша партия состояла из губернатора, первого помощника, нашего черномазого стюарда, шестерых матросов и меня самого. Мы прибыли в Онебецу в 2.30 дня и подготовили назавтра рис и прочее, разложив их по упаковкам удобного для переноски размера. С утра мы отправили в путь людей с поклажей, остальные же отправились к шхуне и обнаружили, что она так повреждена недавними штормами и волнением, что не подлежит ремонту. Обрато в Фуребецу мы вышли вскоре после полудня.

Перебираясь через реку, помощник провалился под лед по самые бедра.

Губернатор провалился одной ногой. Дойдя до утеса, где тропа уходила с пляжа в гору мы увидели наших матросов - из-за глубокого снега они никак не могли

отыскать тропу. Ее отыскал Губернатор. Мы двинулись дальше и через полчаса вышли к придорожному зимовью. Держаться маршрута было трудно поскольку "засеки" на деревьях, которыми он был отмечен занесло снегом. Матросы остались в зимовье до утра, ибо не могли продолжать путь. Губернатор, помощник, стюард, один из матросов и я продолжили наш нелегкий путь. Примерно через час мы сбились с дороги и при каждом шаге проваливались по пояс в снег, покрывавший заросли сазы ("бамбуковой травы"). Поскольку снег изгладил всякие признаки дороги мы не сворачивая шли лицом к ветру, поскольку, когда мы выходили он дул в северо-западном, нужном нам, направлении. Позже мы выяснили, что ветер поменял направление почти до западного вследствие чего мы продвигались к другому берегу в нескольких милях ниже Фуребецу. Стюард нес ружье в деревянном футляре, у меня на плечах был рюкзак с кое-какой одеждой и нашими последними двумя бутылками "Старого Тома". Бедный старина черномазый почти совсем выбился из сил и нам приходилось то и дело ждать, пока он нас нагонит. Это было нескончаемое путешествие. Снегоступы постоянно цеплялись за сазу, отчего нам было еще труднее поднимать ноги. Мы продвигались со скоростью полмили в час. Около часу ночи мы добрались до края равнины - перед нами внизу, в нескольких сотнях футов, лежало несколько долин, вдалеке простиралось море. Здесь мы освободили стюарда и матроса от их поклажи поместив ее на приметное дерево, чтобы было легче потом найти. Затем мы спустились в долину перешли ее и взобрались на противоположную сторону. Это было ужасно утомительно, но, в конце концов, мы добрались до берега и оказались в трех милях ниже Фуребецу. До самого моря местность там представляла собой ряд обрывов и пляжа по которому мы могли бы пройти не существовало. Нам предстояло перебраться через несколько глубоких лощин с крутыми склонами. Съезжать вниз было легко, но взбираться на противоположную сторону было чрезвычайно затруднительно. Нередко добравшись до половины склона мы сползали снова на дно ущелья. Нет нужды говорить, что две бутылки "Старого Тома" были по-прежнему с нами - только не при нас, а внутри нас.

Хотя кое-кто из нас подвергся обморожению, но холода мы не чувствовали. Время от времени каждого из нас охватывало острое желание прикорнуть, особенно, когда нам случалось падать. Мне казалось, в такие моменты, что если бы меня

оставили в покое и дали поспать хоть пять минут я бы снова отлично себя чувствовал. Само собой мы не давали друг другу замереть и, наконец, дошли до деревни, вскоре после трех часов ночи. Мы барахтались в снегу пятнадцать часов, совершенно выбились из сил и едва доползли до дома. Чтобы пройти последние шесть миль нам потребовалось десять часов.

Наутро около десяти явились наши пять матросов. После того как мы оставили их в сторожке они развели огонь и завалились спать. Ночью они накидали туда слишком много дров, начался пожар и хибарка сгорела дотла.

Наш изнурительный переход через остров почти не сказался на нас - разве что шевелиться было затруднительно. Выйдя на улицу в то утро, мы обнаружили, что у побережья стал лед, если смотреть с вершины холма, море покрылось им насколько хватало взгляда. Мы послали айна принести наше ружье и другие вещи, оставшиеся на края равнины, но он вернулся с пустыми руками. На следующий день за ними пошли стюард и айн, и принесли ружье и рис. Айн, поскольку он лучше нашего знал местность, пошел по более легкому маршруту, и все же, выйдя рано утром, они вернулись только в половине третьего.

В это время на сопках всюду рубили лес на дрова, срубленные же деревья доставляли в деревню на санях. Эти санки представляли собой пять палок - две, на одном конце загнутые кверху, служили полозьями, две были поперечинами, а к поперечинам крепилась ручка, которая была на несколько футов длиннее полозьев. Айны - и женщины, и мужчины - трудились в поте лица весь день спозаранку. На санях дрова возили, в основном, женщины и девушки так что помогая (?) им мы имели возможность от души повеселиться. Если склон попадался ровный те, кто тянул сани садились поверх груза, и салазки неслись набирая огромную скорость с горки никем не управляемые пока не останавливались сами собой где-то внизу. Иногда они опрокидывались и все, кто в них был, вместе с дровами летели в снег к восторгу айнских девушек, как на подбор веселых и жизнерадостных, несмотря на и тяжелую работу и мизерную плату.

Деревенский колокол, если можно его так назвать, бьет еще затемно поднимая всех на завтрак, чтобы уже с рассветом люди приступили к работе. Около десяти он бьет снова и начинается еще одна трапеза, третий раз едят между тремя и четырьмя часами дня. "Колокол" этот представляет собой брусок твердого дерева,

подвешенный на стойках, с крышей над ним. По нему бьют деревянным молотом. Сперва дается сто ударов - бьют сначала медленно потом все быстрее до сотого. Часы отбивают медленно и отчетливо с равными промежутками между ударами. Таким образом, он служит не только для того, чтобы будить жителей поутру и сзывать их к трапезе, но и в качестве часов.

Айны - и мужчины, и женщины - не могут похвастаться богатством гардероба, то что на них надето, они не снимают на ночь последствия можно себе представить. Во время полуденного отдыха женщины организуют охоты и, судя по моим впечатлениям, охотницы они удачливые. Добычу съедают сразу. Как-то во время одной из подобных okazji около дюжины женщин расселись на берегу реки на припеке. Шла охота - стоявшие позади женщин их товарки внимательно осматривала их волосы. Время от времени с головы снималось "что-то" и клалось в руку той чьи волосы обследовали - они держали руки на у себя на плече ладонью кверху. Это что-то немедленно клалось в рот, следовало движение челюстей, и - я полагаю, все бывало кончено. Некоторое время понаблюдав за этим я сказал по-японски одной из девушек "Какие же грязные вы девушки - едите такие вещи!" На что одна из охотниц отвечала "О, они вкусные, все равно что американский сахар, ты попробуй одну - вот тебе большая" и протянула мне ладонь. Это было встречено общим залиvistым смехом. Я заметил, что добычей не делились - каждой, похоже, полагалось все, выловленное в ее угодьях.

После того как бухта замерзла айнские женщины проделывали во льду отверстия чтобы ловить рыбу. Вместо наживки они использовали искусственную приманку из сухой травы кусочка красной тряпки и чего-нибудь блестящего, например осколка ракушки или стеклышка. Это приматывалось к лесе а затем ей поводили в воде вверх вниз; рыба подходила за приманкой почти к самой поверхности и тут ее нацепляли на острогу. Остроги использовались двузубые с зазубринами. Ловились морские ерши и что-то вроде морского окуня, но понемногу. Насколько я понял из разговоров местных, в это время рыба не клевала на наживку. Когда ветер дул в сторону моря лед вскрывался и появлялись разводья. Если же случалось так такой ветер задувал надолго лед вовсе уносило из виду. При перемене ветра лед снова прибывало к берегу и он превращался в плотный пак вдоль берега. 14 марта весь

лед унесло и некоторое время море оставалось чистым. 18 апреля он снова взял остров в осаду на неделю в последний раз в том сезоне в окрестностях Фуребецу. В первую неделю апреля совершались приготовления к лову трески и 11 числа была поймана первая рыба. Мы были рады свежей рыбе, ибо наши иностранные припасы уже практически закончились, и нам пришлось перейти на рацион, состоящий в основном из соленого лосося и риса; то небольшое количество муки, что у нас оставалось, мы пополнили, добавив к ней молотый ячмень и рис. Ячмень и рис мы превращали в муку, перемалывая их на каменной ручной меленке. Хлеб, полученный из этой смеси, был жестким и тяжелым, но все-таки доставлял разнообразие среди бесконечных трапез из вареного риса. Бочонок морских сухарей, остававшийся в резерве в Онебецу, как мы обнаружили, был вскрыт и содержимое его украдено.

Водоплавающая дичь теперь стала более многочисленной, и нам удалось добыть несколько крякв и чирков, а, кроме того, некоторое количество форели, вмерзшей в лед. Местные говорят что когда лед на речках тает эта рыба снова оживает и судя по ее виду пребывание во льду ее никак не вредит. На озерах на участках чистой воды у впадения в них речек можно было увидеть лебедей. Я попытался добыть нескольких но не смог выстрелить, однако несколько уток стали желанным приварком к скудным запасам нашей кладовой. Рассказывали, что проснулись медведи видели двух или трех и невдалеке от деревни обнаружили следы. Одного айнам удалось подстрелить и поймать заодно медвежонка. Они прислали нам мяса которое оказалось отличным на вкус.

21 марта мы прослышали, что японцы обнаружили вблизи юго-восточной оконечности острова каких-то иностранцев которые высадились на берег с целью охоты. Губернатора, похоже, раздосадовало, что нам об этом рассказали. Он отправлялся туда где это случилось на следующий день но отказался как взять меня с собой так передать письмо. Мы узнали, что за зиму было добыто около 300 каланов, в основном на льду, когда он встал у юго-восточного побережья острова. По возвращении Губернатор рассказал нам, что партии которая высадилась на берег было пять европейцев и два японца и что изначально она состояла из девяти человек, но еще два европейца со шхуны Юпитер утонули, когда их лодка перевернулась. Эта партия убила двух морских львов и двух лисиц, но ни одного

калана. Они высадились 22 февраля а их судно ушло на Шикотан, имея лишь двух матросов на борту.

26 апреля мы узнали, что какие-то иностранцы жили на берегу на северо-восточной оконечности острова и что их обнаружили и ведут в Фуребецу. На следующий день я и шкипер отправились в Онебецу и, добравшись до утеса, с которого открывался вид на бухту, с радостью увидели, что в море явно на подходе сюда заштилевала шхуна. Оказалось, это "Фанни" из Сан-Франциско. От тех, кто был на борту, я узнал все последние новости, и, что гораздо существеннее, меня угостили добрым плотным обедом - роскошь, которой я не знавал уже много недель. Горячий кофе, отличное масло, говяжья солонина, свинина и фасоль, суп, свежая рыба, пирог - добрый американский пирог! - все было изумительно вкусно. Я поведал нашу историю, и капитан предложил взять на борт нашего первого помощника, если тому захочется поплавать с ним.

На следующий день я и шкипер прибыли на борт и провели там весь день до вечера. Обрато на лодке мы отбыли вдвоем, только я и Т., который настолько не пренебрег гостеприимством "Фанни", что впал в одно из своих "разговорчивых настроений" и не слишком уверенно держался на ногах. Поскольку поднялась сильная зыбь, нам предстояло пройти через две ли три линии прибоа которые простирались по отмели ярдов на 150 . Поскольку дно было неровным, волны начинали разбиваться на отмелях порядочно отстоящих друг от друга, и, чтобы через них перебраться и не перевернуться, надо было соблюдать большую осторожность и держать лодку прямо к волне. Я предложил, чтобы один из нас сел лицом к корме, чтобы лучше видеть когда пойдет волна и "табанить" или "одерживать", смотря по обстоятельствам. Но прежде, чем это было воплощено на практике подошла большая волна и обрушилась дальше, чем в прошлые разы - лодка опрокинулась и накрыла нас. Мы выбрались из-под нее и вцепились в киль. Т. сбросил свое пальто и поплыл к берегу. Я держался за дно опрокинутой лодки, несколько раз меня чуть не смыло волной. Поскольку лодку мне терять не хотелось, я крикнул Т., чтобы он, когда доплывет до берега, прислал людей на другой лодке забрать меня. Я ужасно замерз, второй лодки нигде не было видно, и я уже готов был сбросить одежду и пуститься вплавь, но тут явилась спасательная партия. На берег мы выбрались продрогшие до костей, и даже в сухой одежде

потребовалось два часа, чтобы тепло наших тел вернулось, все это время зубы наши стучали как кастаньеты.

После я дал знать помощнику, что "Фанни" находится в бухте и что капитан Уорт предложил ему отплыть с ними. Ему, конечно, доставила несказанную радость весть, что он может получить работу и убраться с острова, потому он немедленно собрался и отправился в Онебецу, невзирая на протесты губернатора. Японцы исповедуют странные взгляды на подобные вещи. Казалось бы, они должны радоваться возможности отделаться от людей, оказавшихся в нашем положении. Но нет, некие правила и установления должны быть соблюдены до запятой, то есть, в нашем случае - все мы должны оставаться там, покуда не приспееет возможность отправить нас в один из открытых портов Японии и сдать нас на руки британскому консулу. Время не имеет, или же не имело, для японцев значения - они не могли взять в толк, какая разница, будет ли что-то сделано немедля, назавтра, на следующей неделе или через год.

Я обменял некоторое количество канатов и патронов для "спенсера" на запас говядины, свинины, муки, сахара, сливочного масла, кофе, ветчины и сухарей, так что до конца нашего пребывания на острове, мы питались роскошно. 1 мая мы возвратились в Фуребецу. По дороге я заметил огромные стаи пролетающих мимо диких гусей.

Местные были заняты ловом трески. Для этого применялись крючки без зазубрин, их привязывали на коротких кусках лесы к длинной лесе через каждые два фута. Лесу вытравливали с лодки, один конец лесы крепился к бую. На некоторое время ее составляли лежать вдоль дна. Затем вытягивали и снимали пойманную рыбу с крючков. У Фуребецу рыбачили на глубинах до 60 сажений, и каждая лодка вылавливала за день рыбин 20-25, но южнее по побережью добыча могла составлять до 100-150 штук на лодку. Во время лова трески попадались и скаты, и морские окуни, и еще некоторые виды рыб. Треску разделяли по спинке и животу, вынимали хребет, отрезали голову, затем развешивали на бечевках между шестами на солнце для высушивания. Затем рыбу связывали и в связках отправляли на юг, в Японию.

Одиннадцатого мая из Онебецу пришла весточка, что прибыл "Кэпрон", переименованный уже в "Карафуту-мару", и пробудет там шесть дней. Губернатор и другие чиновники отправились туда и вернулись 13 числа, привезя мне несколько писем из Хакодате - новость о том, что наше судно потерпело крушение, доставила туда шхуна "Лотти".

15 прибыла группа, зимовавшая в Медвежьей бухте на северо-востоке острова. Она состояла из охотника Раниона и трех матросов. При них было пятьдесят три засоленных каланьих шкуры. Мы выступили переводчиками во время переговоров, которые состоялись между этими людьми и чиновниками. Они рассказали нам, что на берегу для зимнего промысла их оставила шхуна "Оцего". От людей с "Фанни" я частным образом знал, что их уполномочили заглянуть в Медвежью бухту и забрать зимовщиков, поскольку в этом году "Оцего" возвращаться не собиралась, но они опоздали на два дня. Чиновники не отнимали шкуры у зимовщиков, но пытались склонить отдать их добровольно. От чего те отказались и оставили их в своем владении. Позже в Хакодате они продали шкуры. Охотник Ранион рассказал, что зима в Медвежьей бухте была очень суровая и преобладали северо-восточные ветры. Льда там не было до самого марта. Они видели множество каланов и большинство добыли на льдинах или в разводьях между ними.

Взяв с собой наш багаж, мы покинули Фуребецу утром 17 мая и прибыли около часу дня в Онебецу. Вплоть до появления губернатора на борт парохода ничего не поднималось. Айнское жилище и склад были битком набиты людьми с парохода, так что негде было даже присесть, есть было тоже нечего. Мы вымокли по самые бедра переходя вброд речку, но найти сменной одежды тоже было негде. В конце концов, мы улеглись в каком-то полуразвалившемся сарае на каких-то сырых парусах и так провели ужасную ночь. На следующее утро японцы попытались завести большую грузовую лодку реку, чтобы набрать воды для парохода. Был сильный прибой и из-за плохого руководства она налетела на камни и получила пробоины в днище. Они бросили ее, полагая, что починить ее невозможно. Но понимая, что это единственная лодка, которая способна принять наши тяжелые вещи, мы, европейцы, взялись за дело и вытянули ее, отремонтировали и вновь спустили на воду еще до наступления темноты. На следующее утро мы загрузили в нее часть нашего имущества и отправили на пароход. Но второй груз на пароходе,

хоть он и был практически пустым, принять отказались. Лодку отослали обратно, но после долгих тяжелых трудов и ожесточенных пререканий мы в последнюю минуту снова отправились в путь и добрались до парохода уже с большими трудностями, ибо ветер и волнение значительно усилились. Наконец, все было погружено на пароход, и мы отплыли в Немуро. Нас разместили на твиндеке, поскольку с нами был и губернатор.

Наше пребывание на Итурупe, если его брать, как выражается Джек, "круто к ветру", при данных обстоятельствах, ни в коей мере не было неприятным. Конечно, когда люди по воле случая на много месяцев оказываются в замкнутом кругу и в праздности, неизбежно возникают разногласия из-за пустяков. Мы не составили исключения из этого правила, но это не вызвало долгой вражды и противоречия разрешались без применения огнестрельного и холодного оружия - правда, не всегда без применения "теплого" оружия, а именно кулаков. Первыми развоевались кок и один из наших матросов, из-за топлива. Следующими стали первый помощник и стюард, в данном случае причиной послужило то, что у матросов называется "иметь длинный язык" или "огрызаться". Потом дело дошло до драки у стюарда и кока. Надо заметить, наш стюард-мулат раньше был рабом в Южных американских штатах, но сбежал на каком-то судне и с тех пор был постоянно в море на разных должностях, пока его не занесло в Иокогаму, где он нанялся ко мне. Он был добрая душа, неистощимый рассказчик, и как нельзя более соответствовал всем характеристикам черномазого с Юга. А наш кок был чилиец. В упомянутом случае, стюард рассказывал коку, как однажды, когда он был матросом на большом паруснике, они угодили в туман и едва не врезались в другое судно, разминувшись с ним всего в нескольких футах. "И, что ты думаешь, где я был в это самое время, так что и не видел того судна?" сказал мулат. "Да, пожалуй, что ты как раз был впередсмотрящим, « сказал кок. Это оскорбило достоинство черномазого, и они тут же сцепились и принялись тузить друг друга. В тот момент они готовили нам обед, что нас волновало гораздо больше, так что мы вмешались в схватку и восстановили мир. Не удалось избежать разногласий и на нашей половине дома. Первый и второй помощники как-то раз заспорили из-за температуры. Стоял такой холод, что вся ртуть в термометре собралась в шарике. Но по мере того как спор разгорался температура дошла до такой точки, что им

пришлось прибегнуть к кулакам, чтобы несколько остынуть. Первый помощник весил 200 фунтов, а второй лишь около 160 фунтов. Разница в весе сказалась. Прежде чем покинуть Итуруп я навестил и поблагодарил всех наших японских друзей, которые были к нам, конечно, очень добры, несмотря на то, что им в силу официальных бюрократических установлений приходилось докучать нас несносными формальностями. В частности Губернатор был сама любезность. Мы очень подружились и часто встречались. Он был старым вассалом рода Токугава. Большинство прочих чиновников были людьми клана Сацума.

Всего за несколько лет до того, в дни Революции, они принадлежали к разным лагерям, и было нетрудно заметить, что старые антипатии еще не совсем выветрились, хотя их и держало под спудом изумительное самообладание присущее японцам.

Несколько раз Губернатор, будучи несколько "весел" поддразнивал меня по поводу происшествия на борту "Кэпрон-мару", о котором я рассказывал в предыдущей главе - когда два чиновника, оба люди Сацума, перелетели через спинку скамьи в салоне "Кэпрона". Он вставал, вскидывал сперва правую руку, а потом левую, при этом рыча; а затем, покатываясь со смеху, говорил: "Абунай, Сноу-сан, абунай!" ☒ Похоже, это его сильно забавляло, но должен сказать, мне было довольно стыдно за тот инцидент.

Похищение 1500 латунных гильз и 20 фунтов пороха стало еще одним эпизодом нашего пребывания на Итурупе. Мы прибыли в Немуро 19-го. 20-го правительственные чиновники подвергли нас обыкновенному количеству допросов и затребовали от нас в письменной форме официальное прошение о посылке нас в Хакодате. 21-го, чтобы кормить нас европейцев был забит буйвол. Они пытались убить несчастное животное, ударив ему по лбу деревянным молотом, но зверь только пришел в ярость, и, в конце концов, им пришлось его пристрелить. 22-го продолжились инквизиторские процедуры допросов в правительственной канцелярии, где я подписал бумагу, в которой отказывался от претензий к ним в связи с крушением, либо же оставлением моей собственности, либо же расхищением чего бы то ни было, и вновь ходатайствовал об отправлении меня в Хакодате. На следующий день появился губернатор Хакодате, и нас снова запустили в жернова - все те старые вопросы, все те же старые ответы. Нужно

быть философом и обладать впридачу терпением Иова, чтобы выдерживать японские процедуры в подобных вопросах.

Наконец, утром 14-го мы отплыли и прибыли в Хакодате. 26-го на борт пришел мой друг капитан Блэкстон и предложил мне остановиться у него. 28-го состоялось разбирательство в британском консульстве относительно потери судна, и через день или два команда была отослана, и все дела улажены. Так кончилась мое третье плавание. Рад отметить, что впоследствии британское правительство отметило любезный прием, который оказали нам жители Итурупа во время нашего пребывания на острове и выслало подарки на сумму в сто фунтов губернатору и ряду других причастных к делу лиц. Что касается иностранцев, которых, как я отмечал выше, японцы обнаружили зимующими на северо-востоке острова нижеследующая история о них, рассказанная Дж. К. Вернером и опубликованная в одной из иокогамских газет несколько лет назад, может оказаться небезынтересной. Бедный старина Вернер был человеком чрезвычайно меланхолического вида, на лице его я ни разу не видел улыбки, хотя он был наделен острым чувством юмора. Человек очень способный, отменный мореход и лоцман, он не боялся никакой работы, но, тем не менее, ему похоже никогда и ни в чем не удавалось преуспеть. Он был примером неудачника от природы. Если на его долю и выпадала удача, то она заключалась в том, чего не произошло, - он прослужил всю гражданскую войну, а его ни разу его не подстрелили, он переживал кораблекрушения и прочие морские напасти, а умудрился не утонуть. Когда он умер в Иокогаме, он был беден, как та пресловутая церковная мышь. Но вернемся к истории.

"Нет нужды объяснять, - передает газета слова Вернера, - что двадцать лет назад я был гораздо моложе, чем сейчас, но я могу предварить рассказ об этом печальном происшествии, лишь сказав, что в те дни я любил приключения и с готовностью вступал во всякого рода предприятия - лишь бы они обещали нечто новое, волнующее, и могли доставить выгодную службу - вследствие чего, в один прекрасный день я оказался среди партии охотников на калана, отправлявшейся на север. Ни к чему рассказывать о плавании, приступлю сразу к описанию нашего ужасного опыта жизни на острове Итуруп, где мы полагали провести зиму за охотой. Это случилось на заре охоты на калана, до того, как в тех краях появились

винтовки Винчестера и крупные охотничьи суда, и, когда, несмотря на то, что каланы по-прежнему были многочисленны, для успеха нужно было доброе старое дульнозарядное ружье и верная рука. Изначально нас было две партии, высадились мы на сушу примерно в одно время, но в разных местах, а после того, как японцы и айны прогнали нас с нашей первой охотничьей стоянки, мы соединили наши силы и выбрали уголок в глубине Каланьего острова, до которого невозможно было добраться с берега, возвели сносное убежище из немногочисленного подручного материала и там поселились все вместе. Зима была очень сурова, снег уже покрывал землю, когда мы высадились, и вскоре наш дом уже отчасти занесло снегом, отчасти в нем он утонул. По ночам и по утрам было особенно холодно, нам приходилось непрерывно поддерживать огонь, чтобы не заледенеть. Очаг у нас был устроен в центре хижины, над ним в крыше мы проделали отверстие, чтобы выходил дым. С трех сторон вокруг очага пол был застелен шкурами медведей и лисиц, которые служили нам постелями и сиденьями. Нам поначалу приходилось несладко из-за этих наших ночных визитеров, но их ряды поредели благодаря нашим винтовкам, они стали редко беспокоить нас. Далее вдоль стен на полках и на камнях располагались наши запасы, твердые и жидкие. У нас имелось два бочонка пороху, помимо нескольких жестянок и пороховниц, все это хранилось вместе с запасами в доме. Наши ружья свисали со стропил. Мы высадились на берег в последний день ноября и прожили так до 24-го декабря. Охота наша покуда была очень удачна, и мы уже высушили 172 шкуры и еще шесть были растянуты на рамах. Высушенные шкуры были свернуты в тюки по пятнадцать штук и обшиты холстом. Шкуры на рамах на ночь складывались в стопку возле выхода и возле очага, а днем мы выносили их на улицу, чтобы воспользоваться лучами солнца, которое иногда выглядывало.

Наша партия состояла из 9 человек, все европейцы, молодые, сильные, не боящиеся ни человека, ни зверя. Нам приходилось вставать затемно каждый день и, торопливо выпив чашку кофе, рассаживаться по лодкам вне зависимости от того, насколько свирепствовал ветер, поскольку волнения, если ветер дул от берега, на море не бывало, и, пройдя на веслах с полмили, высаживаться на горстке скал, куда выбирались, в основном, каланы в холодные ночи, поскольку холодную воду они переносят не лучше чем мы. Там мы дожидались рассвета и, как только наши

глаза становились способны что-то различить, принимались ползком пробираться по скользким обледеневшим скалам, пока не видели то, ради чего прибыли, и начиналась битва – трудная, но краткая, ибо всего нескольких ударов прикладом было достаточно, чтобы окончить боевые действия. Но иногда выдры оказывали сопротивление зубами и когтями, и тогда наши сапоги несли соответствующий урон. Время от времени зверю и вовсе удавалось ускользнуть от нас, нырнув в воду. В иное утро мы добывали до десяти каланов, иной же раз возвращались ни с чем. Вернувшись в лагерь, мы всегда старались освежевать зверей сразу, пока тушки не остыли. Затем следовал завтрак и, если выдавалась хорошая погодка, мы отправлялись на лодках охотиться вокруг Каланьего острова, а то и к самым Pinnacle rocks / Островеверхим скалам. Но поскольку погожие дни были нечасты наша охота с лодок принесла нам немного добычи. Вечера мы коротали за скоблением шкур, чисткой оружия и болтовней. Все мы пребывали в отличном расположении духа, ибо наша экспедиция обещала быть прибыльной, и работали мы только на самих себя.

Таково было положение дел на тот памятный день – 24 декабря. Утро выдалось тихое и пасмурное, солнце не выглядывало, а после обеда повалил снег, тяжелые хлопья в безветрие падали на землю вертикально. Утром мы забили одного калана – пятерым удалось от нас улизнуть – и освежевали его по заведенному порядку.

Мы решили как подобает встретить рождество – сесть в Сочельник за праздничный стол, с ромовым пуншем и пивом по желанию. Должен сказать, что общество у нас подобралось воздержанное, ибо хотя у нас имелось всевозможное спиртное, никто и не думал воспользоваться этим обстоятельством. Все мы умели готовить и в тот день каждый стремился превзойти себя. Джону идеально удавались котлеты из калана, Джек в свою очередь делал так тушил морского попугая (тупика), что при одной мысли слюнки текли; и так далее, у каждого было на уме особое блюдо, а увенчать все должен был десерт, пончики со смородиной. Кухонной утвари у нас было немного, и, стало быть, яства должны были готовиться по очереди. Мы симпровизировали стол, без которого обычно обходились, из нескольких пустых ящичков и досок с наших лодок, и застелили его лодочными парусами. На нем стоял соблазнительный набор бутылок с пивом, джином и ромом. И некоторые из парней

уже изрядно подготовились к празднованию, так что языки развязались и молили, что ни попадя.

Это случилось около шести часов вечера. Все блюда уже были готовы за исключением пончиков, которые вот-вот должны были явиться благодаря искусным манипуляциям мистера – назовем его мистером Дженкинсом – который приготовил тесто и с помощью кастрюли с кипящим тюленьим жиром демонстрировал нам свое мастерство, в самую меру подрумянивая его кусочки. Не знаю в точности, как это началось. Я полагаю, кто-то намекнул, что окунать пончики в кипящее сало, не самый подходящий способ их стряпать и, что их следует жарить на очень небольшом количестве жира, чтобы они сохранили свой аромат и не отдавали так сильно вонючим тюленьим салом. Разумеется, мистер Дженкинс, старый опытный кок и мореплаватель не мог стерпеть, чтобы кто-то ему указывал, а потому он решительно отверг мысль, что-то найдется человек способный улучшить качество его стряпни. И покуда мы остальные слушали байку о том, как мексиканский охотник на каланов Пелильо подстрелил семнадцать выдр, стоя на двух двухдюймовых досках, а его лодка сновала на веслах туда-сюда, подбирая зверей, едва он успевал их стрелять, два соперника перешли от слов к тумакам и не успели опомниться, как опрокинули кастрюлю с кипящим жиром и - боже правый! - в мгновение ока полыхала уже вся наша хижина. Языки огня, казалось, вздымались повсюду и лизали стропила и балки. Огненные змеи выпрыгивали внезапно из мрачного багрового пламени и дышали огнем, сильные взрывы разметали бутылки и банки. Сама наша одежда загорелась на нас. Казалось без всякого предупреждения, не дав и секунды, чтобы подготовиться, нас бросили в пасть геенны огненной. Потрясение было столь неожиданным, что мы совершенно растерялись, но лишь на миг. Опамятовавшись, мы бросились вперед, проломили непрочные стенки нашего жилища и выбрались из этого ада; да еще прихватили с собой по дороге второпях первое что попало под руку. Мы представляли собою жалкое зрелище, когда стояли вокруг руин того, что еще так недавно было нашим счастливым домом. Проклятия, громогласные и сильные, обрушились на двух претендентов на лавровый венок лучшего кулинара, которые понурились и принимали всю ненависть, обрушившуюся на них.

Некоторые из нашей партии даже предлагали сделать этот пожар их погребальным костром. Кое-кто стоял голый по пояс, прочие тоже были недостаточно одеты. Но там и тогда мы не проклинали свою судьбу – как ни странно говорить об этом, мы перебрасывались мрачными шуточками и эксцентричными комментариями по поводу нашего горестного положения. Со всей энергией людей, привыкших ко всякого рода чрезвычайным ситуациям, мы принялись строить убежище для ночлега. Сгребши в кучу снег и куски вынесенного на берег прибоем дерева с подветренной стороны близлежащей скалы и совсем рядом со все еще горящим пожаром, мы обрели крышу над головой, а воспользовавшись шкурами, которые нам удалось спасти, устроили себе и хорошую постель. Из просушенных 172 шкур мы потеряли полностью 45, еще несколько более-менее обгорели, также погибли и все те, что были растянуты на рамах. Из провизии мы спасли мешок черствого хлеба, несколько жестянок с консервированным мясом и некоторое количество рома в бочонке. К счастью нам удалось вынести два бочонка с порохом прежде, чем они загорелись и разнесли все в куски, но винтовки погибли, и, стало быть, порох был для нас бесполезен. Что нам теперь было делать? "Давайте выпьем", предложил кто-то, и мы последовали этому предложению. Думаю, сам Гоф выпил бы спиртного, попади он в такую переделку как мы. Нам оставалось либо идти в айнское селение и, таким образом, предать себя в руки японцев - но это означало бы, что шкуры, доставшиеся нам столь дорого, будут потеряны для нас; либо дожидаться шхуны - но она должна была прийти еще нескоро, а как продержаться это время? В конце концов, мы приняли второй вариант и порешили устроиться как можно удобнее. Из кусков одеял и парусов мы соорудили себе рубище достаточное, чтобы прикрывать тела от холода и поддерживали сильный огонь днем и ночью, благо плавника на пляже было предостаточно.

На следующее утро мы, как обычно, отправились на охоту и добыли калана, но работать было очень холодно. Как бы мы ни кутали наши ноги, они мерзли и не давали нам забыть о том что на нас нет сапог. И погода в следующие два дня тоже стояла очень скверная - шел снег, дул ветер. Мы ужасно страдали. Пока еще в бочонке оставался ром, удавалось, хоть и искусственно, поддерживать более-менее боевой дух, но 29-го мы допили последнее.

И в ту ночь мы отошли ко сну с тяжелым сердцем. Говорят, что провидение особенно бережет пьяниц и дураков. Не знаю, в какую из этих категорий нас можно было бы включить, но кто-то, видимо, приглядывает и за охотниками на каланов, потому что, когда утром 30-го, мрачные и безутешные, мы сидели у своего костра, то заметили шхуну под легкими парусами милях в шести от берега, направляющуюся на северо-восток, явно, к нашей первой охотничьей стоянке. С радостными кликами мы спустили лодки и стали грести к ней. Мы налегали на весла со всем воодушевлением и в короткое время оказались на ее борту. Это было наше собственное судно, которое пришло раньше срока забрать нас с острова. Поскольку запасов дров и воды на нем было достаточно, ничто его задержало и, погрузив на борт свои пожитки, в полдень мы пошли на Йокогаму с парусами по обоим бортам, подгоняемые свежим норд-остом. Наш рождественский ужин встал каждому долларов в пятьсот, не говоря уже о том сколько тягот пришлось претерпеть. А ведь мы так ничего толком и не съели".

Глава VII

Бесплодные переговоры и их последствия

Шхуны мои имели подходящие названия. "Суоллоу" проглотила часть моих финансов, а "Сноудроп" заставила выбросить остальные. Ни одна из них не была застрахована. Когда я прибыл в Хакодате, мой друг капитан Королевской Армии Блэкистон спросил меня, намереваюсь ли я продолжить промысел каланов или же оставлю его. Я отвечал, что это промысел оставил меня, ибо средства мои истощены, и выбирать не приходится. Со своим обычным великодушием он сказал, что мне не нужно об этом беспокоиться, поскольку я могу взять у него денег, сколько потребуется на покупку и снаряжение еще одного судна, если я, по-прежнему, думаю, что в этом что-то есть. Именно так я и думал, и по прибытии в Йокогаму несмотря на то, что сезон был уже в разгаре, я принялся подыскивать судно, но не нашел подходящего.

У охотничьих судов, вышедших в тот сезон на промысел, дела шли неплохо, хотя не обходилось без несчастных случаев. Шлюп "Дельфин", находясь в шикотанской гавани, лишился своего капитана и владельца. Тот у себя в каюте надыхался угаром от горящего угля, упал на жаровню, где были уголья, и прожег себе пах и

живот, так что обнажились кишки. Бедняга протянул еще несколько дней, умоляя своих спутников (на борту было всего четверо) пристрелить его, и тем избавить от этой агонии. Позже, возвращаясь в Хакодате, "Дельфин" опрокинулся во время шторма и все матросы утонули. На японском пароходе, шедшем вдоль побережья, заметили перевернутое судно, его экипаж попытался привести его в надлежащее положение и отбуксировать в порт, но из-за бурной погоды пришлось оставить эти попытки. На "Юпитере" утонули трое, и один - на "Буффандо". Еще одного прострелили насквозь. Этот несчастный случай произошел следующим образом: пока это судно стояло в шикотанской гавани, некоторые из матросов сошли на берег и среди них кок-чилиец. Двое из охотников остались на борту, один вышел на палубу и крикнул второму, который был внизу, чтобы тот принес ружье, потому что на берегу есть, что подстрелить. Когда тот пришел, его внимание привлекло нечто передвигающееся по краю речки, впадающей в гавань. Это нечто было отчасти скрыто кустами, так что определить, что именно оно собой представляет, было затруднительно. Охотник прицелился и выстрелил, но промахнулся. Забив еще один патрон в свой "винчестер", он выстрелил снова. В ответ с берега донесся вопль, другой охотник воскликнул "Боже правый, ты его подстрелил, это же кок!" Позднее он признался, что с самого начала знал, что это кок и думал, что другой тоже это знает, а стреляет просто, чтобы поугадать. Когда кока доставили на борт, оказалось, что пуля пробила его тело насквозь как раз под ребрами, однако же не повредила кишки и не пробила ни один важный орган, так что через несколько недель он совершенно оправился. Вдобавок к этим несчастьям шхуну "Кайсо", дрейфовавшую в штиль, вынесло на берег - она была полностью разбита, и японская канонерка "Табо-кан" пропала у северо-восточной оконечности Итурупа. Поскольку никакой возможности отправиться на промысел в сезон 1875 года не было, я сосредоточился на том, чтобы в партнерстве с одним японским купцом из Хакодате, и при финансовой поддержке моего друга капитана Блэкистона, получить от японского правительства права на промысел возле Итурупа, за что мы готовы были платить ежегодно солидную сумму наличными или процент от добычи. Правительство же должно было содействовать нам в защите промысловых угодий. Добыча калана должна была быть ограничена, чтобы предотвратить его истребление. Также речь шла об организации прибрежного китобойного промысла.

Переговоры тянулись и тянулись, деньги тратились - что неизбежно, когда пытаешься решить вопросы такого рода - или любого другого рода, если уж на то пошло - в Японии. В июле 1875 года японский купец, с которым я имел дело, сообщил мне, что концессия нам обеспечена. Это были хорошие новости, и я просидел всю ночь, составляя проекты договоров. Пять дней спустя мне прислали еще какие-то японские документы, потребовалось вести еще деньги. Я считал, что будет неразумно - платить, не наведя справок в канцелярии Кайтакуси в Токио, но через некоторое время выплатил еще один аванс. На этом прогресс в наших переговорах застопорился, поэтому я поехал в Токио, где побеседовал с г-ном N, главой департамента Кайтакуси. Поскольку время в Японии не имеет значения, переговоры переползли в 1876 год. Наконец, во время последней беседы я заявил, что, если мне не будет предоставлено концессии, я готов работать в качестве консультанта и контролера, и принять на себя заведование промыслом. Все, что я мог сообщить было принято к сведению, после чего со мною забыли и знаясь. Последующие события показали, что моя информация была пущена в дело. К счастью или же к несчастью то, что я считал по-настоящему существенным для промысла, я утаил. И через несколько лет этот бизнес, если говорить о японской стороне, практически потерпел крах из-за недостатка знаний о том, как им управлять, и очень прибыльная отрасль промышленности была для страны потеряна. 1876 год оказался для меня, в смысле промысла каланов, годом потеряннным, ибо я провел большую его часть в Иокогаме за вышеописанными переговорами. Однако, выяснилось, что, поскольку мне было, чем занять себя, время пролетело быстро. А то были добрые старые дни - я был молод, и восток был востоком, а не как нынче "востоко-западом", - да будет мне позволено создать новый румб на компасе - и я наслаждался жизнью. Ближе к осени капитан Блэкистон попросил меня приехать к нему в Хакодате, а чуть позже - принять заведование делами фирмы "Блэкистон, Мирр и компания" на то время, что он уезжал в отпуск. Я приглашение принял и провел там осень, зиму и весну. Вскоре после прибытия в Хакодате я вместе с одним приятелем сделал заказ на постройку еще одной шхуны Томпсоном и Бевиком к следующему охотничьему сезону. Был заложен киль, и некоторое время все шло как по маслу. Тем временем я брал от жизни все, что мог, и как раз к этой поре в моем дневнике относятся одно или два

маленьких происшествий, которые, быть может, послужат к тому, чтобы несколько развеять монотонность моего рассказа, ибо они никак относятся к охоте на каланов.

Я влюбился - в те дни это происходило постоянно – в одну милостивую японскую девушку, ученицу некоей миссионерской школы. Особа она была довольно романтическая, и, помню, мы немало говорили о звездах во время наших прогулок под луной в сосновых рощах на склонах горы Хакодате. Она недурно могла изъясняться, читать и писать по-английски. Некоторые из ее писем были составлены в выражениях весьма замысловатых, одно из них, написанное сразу по моем возвращении из десятидневной поездки на север, по побережью гласило: "Мой дорогой С.-сан! Я очень рада слышать, что вы вернулись. Когда вы вдали, я думаю о вас каждый день, а иногда дважды в день. Если вы будете приходить к храму Хатиман сегодня вечером в половине девятого, я буду сидеть на верхней ступеньке.

Ваша с любовью".

Само собой разумеется, я шел к храму и садился на верхнюю ступеньку. Позже наши чувства несколько остыли, и мы не встречались так уж часто. Однажды днем я получил записку, составленную в таких выражениях:

"Мой дорогой С.-сан! Я хочу вас видеть. Если вы придете в мой дом в десять часов завтра утром, мои родители будут совсем отсутствием".

Да уж, это было неудобно, ибо на тот же час я был вызван в британское консульство, чтобы принять участие в следственной комиссии по делу о гибели главного машиниста стоявшего тогда в порту британского парохода. На следующее утро я вышел из дому около четверти десятого, "мои родители будут совсем отсутствием" манило меня куда сильнее, чем следственная комиссия и, рискуя навлечь на себя гнев консула Ее Величества, я отправился по дороге, ведущей в сторону противоположную консульству. Я прибыл к ее дому ровно в назначенный час. Дом стоял в большом саду, окруженном высокой изгородью, это был красивый и уединенный дом. Моя подруга встретила меня с улыбкой. Я снял обувь, и меня проводили в комнату, застеленную циновками, где, хотя "мои родители были совсем отсутствием", родители родителей были "совсем присутствием", и - меня представили «моей бабушке». Моя температура упала на несколько градусов.

Затем моя дама перешла к цели нашей встречи - ей нужен был заем в тысячу иен. Столбик термометра упал на точку замерзания, и я вдруг вспомнил, что у меня назначена важная встреча в консульстве, извинился и, пообещав встретиться с ней позже, бросился наутек. Придя в консульство, я обнаружил, что слушания уже начались, консул Ее Величества строго посмотрел на меня поверх очков и сказал: "Стало быть, вы все-таки прибыли. Полагаю, мы должны начать все сначала." Я рассыпался в извинениях, заверив его, что не мог прийти раньше из-за неожиданно возникших финансовых дел. Та дама не получила тысячу иен, у меня столько не было. После этого наши отношения отчего-то утратили былую сердечность. Барышня примерно через год вышла замуж и, если она еще жива, ей уже, наверное, лет пятьдесят; вряд ли она увидит эти строки, так что ее чувства не будут задеты тем, что я вот так ее "выдал".

Зима прошла вполне приятно. Примерно в середине января (1877) "Пароходная компания Мицубиси" пожелала послать в Немуро и окрестности за грузом рыбы свой пароход, однако существовало опасение, что плавание в это время года будет небезопасным из-за льда. Капитан никогда прежде не ходил в этот порт, лоции были не слишком надежны, а страховые агенты отказывались страховать груз, если на борту не будет лоцмана. Агент обратился с этим ко мне, и я согласился на его предложение, исходя из того, что еще слишком рано - лед не встал и плавание будет вполне безопасным. По прибытии я навестил друзей, которыми обзавелся в прошлые визиты - они были явно рады видеть меня. В день прибытия капитан и я отправились прогуляться и по пути заглянули в большую японскую школу. Когда мы вошли в холл элегантно одетая красивая молодая японка подошла к нам и на отменном английском сказала: "Прошу вас, не желаете ли осмотреть школу?" После чего провела для нас экскурсию, объясняя методы преподавания и показывая различные классы. Я заметил, что пока это происходило, директор был чернее тучи и все поглядывал на нас искоса. При прощании наша прекрасная провожатая сказала: "Мы еще встретимся, ведь я плыву в Хакодате на вашем корабле". "Мы счастливы иметь на борту такую пассажирку", - отвечал капитан, и мы откланялись. На следующий день мы подошли к рыбацкой деревушке под названием Нисибэцу, где загрузили более тысячи хвостов соленого лосося, а затем вернулись в Немуро. Здесь мы приняли на борт еще кое-какой груз и пассажиров, а

среди них нашу прелестную приятельницу с прислугой. Наша знакомая была изысканно одета и носила золотые часы с цепочкой, золотые кольца и браслеты. Сегодня эти вещи, за исключением браслетов, довольно часто можно увидеть на японках, но в ту пору было иначе. На протяжении всего обратного плавания я оказывал ей внимание и узнал, что директор той школы был ее муж и что она родом из Сендай, но получила образование в миссионерской школе в Токио. Она возвращалась в Сендай к своим родителям. По прибытии в Хакодате она поселилась с прислугой в японской гостинице. Похоже, средств у нее было предостаточно, и возвращаться к родителям она не торопилась, ибо задержалась в Хакодате на несколько месяцев и стала предметом пересудов для всего города благодаря своему нехарактерному для японки поведению. Ее любимым развлечением была верховая езда. Облачившись в хакама (японские "раздельные юбки") и усевшись на лошадь по-мужски, она скакала как кентавр. Ей было в радость гнать лошадь во весь опор, пока та едва не падала с ног. Выходки ее были многочисленны и порядком нервировали ее друзей. Со временем она перебралась в Иокогаму, где один из моих приятелей убедил ее отправиться к родителям в Сендай. С тех пор я не видел ее и ничего не слышал о ней. Похоже, что это муж отослал ее назад, ибо для жены скромного школьного учителя она была несколько чересчур необузданной и веселой

Хотя Хакодате был местечком неинтересным и унылым, но и там случались порой происшествия способные поколебать однообразие будней, могу рассказать об одном из них, когда я и мой друг консул несколько разошлись во взглядах. Японцы выпустили постановление, требующее, чтобы все собаки были зарегистрированы и носили ярлык с именем и адресом владельца. Этот ярлык делался из дерева и был около 2 дюймов шириной и трех длиной. Все собаки найденные без него подлежали уничтожению. У меня была красивая сука коккер-спаниеля, к которой я был очень привязан, и я от души возражал против того, чтобы вешать на нее подобные вывески. Я пошел к консулу и сказал ему, что на собаке есть ошейник, где указаны мои имя и адрес и я готов заплатить штраф, если потребуется хоть полдюжины раз подряд, но не стану привязывать к ней один из этих деревянных ярлыков. Хотя у этого старого джентльмена не было детей, и он, и его жена, как ни странно, недолго любили животных. У них в доме не было даже кошки. Вследствие

чего я не встретил в нем ни сочувствия, ни поддержки. Однако я уведомил его, что если увижу, что кто-то покушается на мою собаку, то возьму правосудие в собственные руки и готов отвечать за последствия.

Некоторое время спустя ко мне прибежал мальчишка-рассыльный из конторы и сказал, что собачники схватили Нелл за оградой нашего двора и собираются ее убить. Я бросил перо и, как был - без шляпы, помчался к участку незаселенного дома для европейцев рядом с нашим. Там я увидел толпу детей и взрослых, среди которых было несколько собачников с дубинками. Когда я подбежал к ним, один из собачников отделился от толпы и бросился по улице. Думая, что он убил собаку и, завидев меня, решил удрать, я погнался за ним и настиг в самом конце улицы. Я был так зол, что не мог говорить, только схватил его за шиворот и за сиденье его штанов и быстро поволол обратно, потому что хотел точно знать, что случилось с собакой, прежде чем сделать что-то большее. Когда я притащил его туда, моя собака выскочила из толпы, виляя хвостом, целая и невредимая. Это был приятный сюрприз, но он поставил меня в неловкое положение. Я отпустил того человека и, чтобы разрядить ситуацию, задал собаке трепку за то, что она убежала со двора. Бедняжка Нелл умерла несколько месяцев спустя от глистов в сердце, заболевания распространенного среди иностранных собак в Японии.

Возможно, читателю уже довольно рассказов об этих мелких частных делах.

Новую шхуну окрестили "Отгосей" (морской котик) и она, если можно так выразиться, пошла по стопам своей предшественницы "Сноудроп" - задержки следовали одна за другой, и судно было закончено и спущено на воду лишь 25 июня, когда мы, наконец, смогли отправиться к местам промысла, потеряв почти три месяца охотничьего сезона. Мы прибыли к Итурупу 2 июля и в тот же день спустили на воду лодки и добыли двух каланов. Со мною был всего один хороший охотник, главным на третьей лодке был старый боцман-португалец, которого в Иокогаме знали как "Старого Джо-португальца". Он прежде ни разу не держал винтовку в руках. 9 июля мы встретили шхуну "Флаинг мист" с добычей в 53 калана. "Флаинг мист" сообщила нам, что потеряла трех матросов утонувшими. Их лодки возвращались после дня охоты к судну, которое стояло на якоре в бухте Роко. Погода было тихая и туманная, и им было трудно определить местоположение судна. Со шхуны стреляли время от времени из пушки. Две из

трех лодок обогнали третью и их подняли на борт. Гребцы в третьей стали спорить, откуда доносится звук сигнальной пушки. Слово за слово, началась драка, лодка перевернулась. Они были примерно в 500 ярдах от берега, и те трое, что умели плавать, пустились плыть в сторону пляжа. Один же плавать не умел вовсе и уцепился за киль лодки. Когда эта лодка не появилась, капитан шхуны отправил две остальные на поиски. Они наткнулись на перевернутую лодку, за которую в бессознательном состоянии цеплялся матрос, его пальцы намертво впились в киль. Его доставили на борт и после долгих усилий откачали. Поиски остальных продолжались, но найти их не удалось. Несомненно, они сдались стихии задолго до того, как доплыли до берега, ибо вода была очень холодная. Несколько недель спустя я оказался в бухте Роко и заметил, что орел на пляже что-то клюет. Я велел подойти поближе и высадился на сушу. Там лежал скелет человека без черепа и ступней. В ходе дальнейших поисков вдоль по пляжу я наткнулся на кости ноги и руки еще одного трупа. Не было никаких сомнений, что это останки двух матросов с "Флаинг мист". Мы похоронили их в песке. На "Флаинг мист" нам также сообщили, что пропала в "бухте Врасплох" шхуна "Бэннер", еще одно охотничье судно.

Однажды во время охоты вблизи Черных скал с нами случилось небольшая неприятность: мы "подняли" несколько каланов, и они бросились врассыпную. Предположив, что они поплывут в направлении моря, я отошел подальше от берега, подождал и не был разочарован, потому что две или три выдры показались между мной и двумя другими лодками, что были ближе к берегу. Одну я подстрелил и сделал несколько выстрелов в остальных. Затем мои лодки подошли поближе, одна находилась в 300 ярдах, как вдруг калан самка с детенышем появилась прямо на линии между мной и второй охотничьей лодкой в 80 ярдах от меня. Это была удобная мишень, и я рискнул, встав на прикрытие часть лодки, чтобы выстрел пришелся как можно ниже. У меня в руках была тяжелая винтовка Шарпа 45-90. После того как я выстрелил, с лодки, стоявшей на линии донесся вопль, поскольку заряд попал калану в голову, я не обратил внимания, но подплыл поближе и поднял мертвого зверя в лодку.

С другой лодки снова раздались крики, и это заставило меня подплыть к ней. Я увидел, что один из гребцов, очень побледневший, сняв брюки, обследует свое

бедро. Моя пуля, пройдя через голову калана, ударилась об воду, срикошетила, прошла борт лодки и чиркнула по верхней части бедра одного из матросов, ударила в ручку весла и только после этого упала. Рана была не серьезной 1\8 дюйма глубиной и в два или три дюйма длиной. Конечно, могло быть гораздо хуже, и, несомненно, всякий человек, кроме охотника на каланов, счел бы это отвратительной безответственностью. Но, боюсь, если бы охотники никогда не шли на подобный риск, они не могли бы похвастаться очень богатой добычей. Все охотники на каланов привычны к тому, что пули свистят совсем рядом. У них есть поговорка: "Та пуля, которую слышно - не опасна". Опасность уже миновала, когда доносится звук до ушей. 12-го, когда мы были на охоте, пришел туман и из-за того, что прилив сменился отливом, мы потеряли судно из виду, и не один час гребли не к нему, а от него. Около полуночи мы высадились на сушу, преодолев прибой и какие-то гниющие водоросли. Лодка старого Джо опрокинулась. Впрочем, к счастью ничто не было потеряно. Плотный мокрый туман покрывал все. Мы не знали, где мы. Было ужасно холодно, и мы пытались развести катер из плавника, который для того, чтобы он лучше разгорелся, настрогали на щепки. Он отсырел и никак не загорался. Потом у нас кончились спички, тогда мы попытались зажечь его при помощи куска ветоши из ружья - у нас были не только ружья, заряжавшиеся с казенной части, но и дульнозарядное оружие. Однако тряпка лишь тлела. Подумав, что некоторое количество пороха поможет делу, я высыпал чуть-чуть из своей пороховницы на лоскут лежавший среди наструганного дерева. Моему охотнику пришла такая же мысль, и он проделал то же самое. Причем из-за темноты ни один из нас не знал, чем занимается другой. Затем мы оба нагнулись над дровами каждый со своей стороны и подули на тлеющий лоскут. Последовала вспышка, и дрова разметало в разные стороны. Несколько минут я был ослеплен и думал, что навсегда лишился зрения. Потом до меня дошло, что я спалил себе брови, ресницы и один ус, а также слегка обжег щеку. К счастью, слепота оказалась временной. Дела у моего охотника обстояли примерно так же. Сходным образом и мы решили дальше не пытаться разводить костер. Рассвета пришлось ждать долго, ожидание было утомительным. Мы сидели, прижавшись друг к другу на большом бревне, выброшенном прибоем на берег, завернувшись в паруса нашей лодки. Но, в конце концов, рассвело, и, когда туман рассеялся, оказалось, что мы в

12 милях по берегу от нашей шхуны. Мы вернулись замерзшие, промокшие и голодные.

Несколько дней спустя мы пережили еще один неприятный опыт. Мы отошли в море миль на восемь, оставив судно на якоре у берега. С берега задул норд-вест, он быстро крепчал, нам пришлось повернуть прежде, чем случилось худшее, и примерно к часу дня мы оказались в двух милях от судна. Тут началось приливное течение, и у нас ушло шесть часов, чтобы пройти эти две мили. Нет нужды говорить, что мы промокли насквозь устали до крайности и находились не в лучшем расположении духа. Я не стал особенно церемониться со своим шкипером, которому, конечно, следовало бы поднять якорь подойти и забрать нас, как сделали у нас на глазах со своими лодками стоявшие неподалеку две другие шхуны. Этот опыт послужил мне уроком – нельзя слишком рисковать, когда на борту остается за главного такой человек. Люди в лодках перестают чувствовать уверенность в себе, если не знают наверняка, что вахтенный рулевой всегда зорко следит за всем и готов прийти на выручку в случае необходимости.

Каланов было довольно много. 23 июля мы натолкнулись на целую стаю голов из сорока и сумели добыть семь зверей, пока бриз не испортил нам охоту. С 5 по 23 августа погоды для охоты не выдалось. В это время мы имели несчастье попасть в сильный сулой в проливе между Итурупом и Кунаширом. Стоял мертвый штиль, и мы не могли выбраться из быстрины, бортовая качка была такая, что судно едва не ложилось на леера. На палубе было невозможно стоять, на камбузе - невозможно готовить. Сутки с половиною нам пришлось это терпеть, потом пришел небольшой бриз, и мы, наконец, выбрались к берегу и встали на якорь среди скал, радуясь, что можем отдохнуть и приготовить пищу. В этих проливах сулой бывают чрезвычайно сильными и опасными. Тот, кто этого не видал, в жизни не поверит, что вода может так кипеть водоворотами, волнами и бурунами без всякого ветра. Открытая лодка в таких зыбях обречена. 18 сентября мы стали в небольшой бухте, которую охотники прозвали Мельникова дыра, там же была и шхуна "Каролина". Огромный вал надвигался на нас - его поднял штормовой зюйд-ост, который только что стих, сменившись норд-вестом. В устье бухты протянулся риф, над которым было от 12 до 15 футов воды, проходящие валы разбивались на этом рифе на большие пенистые волны за исключением нескольких футов в центре. Якоря

"Каролины" запутались - цепь обвилась вокруг каких-то камней и, когда она поднялась на вале, обе якорные цепи натянулись и лопнули. Другого якоря наготове не было, поэтому команде пришлось поднять паруса и выбрать - подвергнуть ли себя опасности рифа и волн, или опасности быть выброшенными на берег. Находясь практически напротив самого удачного для прохода места, шхуна почти сумела выбраться, когда громадная волна захлестнула ее, смыв с палубы все, что можно, и залив рубку до половины. Однако «Каролине» хватило хода прорваться. Те из команды, что были на палубе, уцепились за снасти, когда увидели, что волна приближается, так что никого не смыло за борт. Судно привели к ветру, в каком-то состоянии оно и оставалось до следующего дня, а затем вновь вошло в бухту. Мы одолжили им якорь на время, пока они искали и вытаскивали свои.

15 октября мы оставили промысловые угодья и отправились к Шикотану, где намеревались тщательно проветрить шкуры, вычистить судно, и взять дров и воды перед отходом на Хакодате. Такова была наша обычная процедура в ту пору в конце сезона. В бухте рядом с нашей стояла «Каролина», занимаясь теми же приготовлениями. Однако «Каролина» направлялась в Иокогаму. Ее добыча составляла 183 больших и несколько маленьких шкур. Старик Джо хотел направиться не в Хакодате, а в Иокогаму, потому он сходил на «Каролину» узнать, не возьмут ли они его пассажиром. Ему сказали, чтобы он перенес свои вещи и был на борту вовремя, ибо они уходили рано утром. Он пустился в обратный путь, а по дороге заглянул в один японский дом, где его напоили сакэ. В результате старик упустил попутное судно, зато спас себе жизнь. «Каролина» ушла утром, мы уходили позже и вечером увидели ее на юге от себя - на всех парусах летела она при свежем бризе.

С тех пор ее никто не видал. Предполагали, что она слишком набрала ход под парусами, а затем, когда ее попытались поставить против ветра, она затонула. Ее капитан был известен своей беспечностью в обращении с парусами. Я видел как-то, что его шхуна, застигнутая шквалом у Итурупа, легла на борт так, что все ее паруса распластались по воде. Сильный ветер тем временем постепенно перерос в шторм, а затем в тайфун. Обгоняя его, мы зашли в гавань Мурорана и встали с подветренной стороны маленького островка, чтобы укрыться от бури. 22 числа

непогода утихла, и мы отправились в Хакодате, куда и вошли следующим вечером. Наша добыча составляла 64 больших и 24 малых калана. Учитывая, что наш сезон был коротким, и у нас не хватало охотника, это была очень хорошая добыча.

Бедняга старый Джо как охотник никуда не годился. Он не добыл ни одного калана за весь сезон, и тем не менее, мы почти сравнялись по добыче с другими судами, пока были в местах промысла. При том, что они сделали половину добычи прежде, чем мы туда попали.

Старый Джо, портрет которого здесь представлен, в свою пору был фигурой весьма колоритной. Он прибыл в Иокогаму в первые дни существования там иностранного поселения. Изначально оно располагалось в Канагаве. Он часто рассказывал историю, в своей причудливой манере, о том, как когда-то имел участок земли в Иокогаме. Участок достался ему, когда японцы раздавали наделы всякому иностранцу, буде он подаст о том прошение. Лучшие участки продавались, прочие же отдавались даром. Джо «засел» на своем участке и завел кофейный киоск на колесах. С ним старина Джо выезжал на хатоба («место высадки») и снабжал горячим кофе и булочками – а, может быть, и кое-чем покрепче в бутылках – моряков торговых и военных судов, которых те дни в порту всегда было множество. Старый Джо утверждал, что его консул выжил его с участка и заканчивал свою байку следующими словами: «А все ж таки он был ворюга проклятый, мистер Сноу. Все ж таки - разбойник!» Старый Джо ходил со мной в море еще несколько лет, однако, не как охотник, а как боцман. И боцман он был отменный. А кроме того, он был первоклассный моряк и знал свое дело от и до. Он не умел ни писать, ни читать, а свободное время проводил, занимаясь какими-нибудь моряцкими делами или ухаживая за шкурами, или, если делать было больше нечего, часами напролет плел линии. И никогда он не сидел праздно. Если налетал шторм старый Джо было в своей стихии, набив рот табачной жвачкой, он ставал к штурвалу и не отходил от него не только в свою, но и в следующую вахту, а то и, пока шторм не стихнет, если только не приходилось ложиться в дрейф. Он был на диво внимателен, как оно и требовалось, когда тяжелые валы били по судну заставляя его почти ложиться на борт. Когда его донимали тем, что дескать ему удалось спасти жизнь, напившись пьяным японского саке и пропустив отход «Каролины», он отвечал, что будь он на борту, он был бы за штурвалом, и судно

не погибло бы. Бедный старик умер не своей смертью. Он тогда ходил боцманом на одном американском судне, и как-то ему пришлось влезть на мачту. Много лет он не ходил на судах с прямым парусным вооружением, а было ему уже под 70. Оказаться на мачте стало для него чересчур - он упал с брам-рея на палубу и убится.

Томпсон построивший «Сноудроп» и «Оттосей» был из «углекопов» и поработал свой срок на сандерлендской судовой верфи. Он был первоклассным корабельным плотником и досконально знал свое дело, а кроме того, он был добрая душа, человек веселый, остроумный, музыкальный и по временам религиозный. Он поселился в Хакодате после того, как потерпел крушение у этих берегов. Парусник, на котором он плывал судовым плотником, прибыл в Хакодате в раннюю пору, когда иностранцев в нем было гораздо больше, чем нынче. Сюда часто заходили американские китобойцы, здесь были учреждены постоянные британское, американское, русское и датское консульства. Иностранцы военные корабли с базы в Китае пережидали в этом порту жаркие летние месяцы. Сегодня помимо миссионерского элемента здесь живет не более дюжины иностранцев. Томпсон был в Хакодате и во время скандала с айнским скелетом, который создал некоторую шумиху. Помимо того, что он управлял собственным делом, он еще исполнял обязанности консульского констебля и в этом качестве принимал участие официальное участие в этом деле. Равно как и в качестве частного лица. Томпсон был отличный рассказчик и мог припомнить немало занимательных историй. От него-то я и узнал подлинную историю упомянутого дела, которая несколько отличается от официальной.

В скандале вокруг айнского скелета оказались замешены некоторые из младших сотрудников консульской службы, и разоблачение принесло им неприятности и бесчестье. В ту пору анатомические музеи Европы и Америки не имели репрезентативных образцов черепов и скелетов народности айну, вследствие чего возник острый спрос, и за таковые предлагали хорошие деньги. Предприимчивые личности взялись доставить то, что требовалось и несколько скелетов, черепов и костей были тайно добыты при помощи неких японцев. Слух об этом достиг ушей консульского чиновника другого государства, который, как полагали, сам пытался получить подобные образцы, но не преуспел. Раздосадованный до крайности тем,

что его опередили, он довел дело до сведения японских властей. Айны живые или мертвые заботили японцев не больше, чем их собственные собаки, но предпринять что-то полагалось. В связи с чем британскому консулу были сделаны соответствующие представления. Он же учредил следствие и доложил об этом деле посланнику Ее Величества в Токио. Однако за скелеты каким-то образом следовало отчитаться и выяснилось, что те, у кого находились кости, опасаясь разоблачения, унесли их на гору Хакодате и сбросили со скалы в море. Это было признано неудовлетворительным, кости следовало представить и консульскому констеблю приказали попытаться их выловить. Разумеется, никаких костей там не было. В конце концов останки старого священника, который был похоронен недавно где-то в уединенном месте, тайно ночью вырыли из могилы, доставили в некие помещения на территории европейского поселения и, поместив тело в большой чугунный смолваренный котел, вываривали, пока плоть не отстала от костей. Затем их сложили в мешок вынесли ночью и скинули со скалы в море. И, разумеется, консульский констебль позже смог выловить достаточно айнских костей, чтобы удовлетворить японские власти. С их точки зрения на этом инцидент был исчерпан. Но этот эпизод оказал продолжительное влияние на карьеру молодого чиновника. Нет необходимости говорить, что настоящие скелеты айнов были ввезены и ныне находятся в укромных уголках некоего европейского музея. Раз уж я предался воспоминаниям о Хакодате, расскажу заодно и еще одну историю, привлекающую мое внимание. В былые времена поскольку буддисты неохотно отнимают жизнь у живых существ, беспризорные собаки очень расплодились почти во всех японских городах. Пожалуй, они приносили некоторую пользу как мусорщики, но чаще они были головной болью. Еще не так давно каких-то детей, что шли вдоль незастроенной полосы у железной дороги Иокогама-Канагава убили и сожрали полудикие бесхозные псы. Это привело к повальному истреблению этих вредных животных, и нынче на глаза попадает совсем немного бродячих собак. Однако же прежде собачья напасть не миновала и Хакодате. Хотя здесь в качестве падальщиков они были, пожалуй, более полезны, учитывая количество рыбных отходов, что лежит повсюду. Собакам помогали вороны, которые были чрезвычайно многочисленны и смелы. Было занятно наблюдать, как несколько ворон пытаются перехитрить собаку и завладеть

косточкой или другим «яством раздора». Обычно, чтобы похитить собачью находку, вороны собирались по трое - одна занимала позицию на какой-нибудь крыше или другом возвышении поближе к собаке, две другие с двух сторон подбирались к ней с тыла и при необходимости клевали в заднее место. Собака поворачивалась к своим мучителям, но косточку не бросала. Они же атаковали снова и снова, покуда наконец, разозленная, она не кидалась на них со всей свирепостью, тогда третья ворона, бывшая в дозоре, камнем падала вниз хватала пищу и взлетала с ней на соседнюю крышу, где к ней тут же присоединялись две ее сообщницы, и разворачивался еще один бой за то, кому еда достанется в конечном итоге. Во время визита императора в Хакодате ворона, пролетая над императорской коляской, настолько забылась, что совершила оскорбление величества. Жители Хакодате были очень рассержены и была назначена награда, но не за голову «господина Вороны», а за его ноги. Власти платили четыре цента за пару вороньих ног, доставленных в полицию. Я был в Хакодате зимой когда это постановление вступило в силу. Очень скоро они возымели эффект в части уменьшения количества ворон. Один японец сказал мне со всею серьезностью, что в очень холодные ночи вороны, расевшиеся на соснах, примерзают к ветвям и не могут слететь, покуда солнце не встанет и ноги не оттают. Он думал, что можно было бы устроить неплохой бизнес, ходить в те места, где они ночуют очень рано поутру, до того как они смогут улететь и ловить их в больших количествах. Мне не довелось узнать, попробовал ли он своей план.

В этой главе я как будто отклонился немного от главного предмета этой книги, то есть калана, и потому в завершение я перескажу еще одну из вернеровских баек; она дает яркое описание происшествия подобные которому, мне случилось пережить не раз: «Это произошло во время промысловой экспедиции у острова Итуруп. Наша шхуна два дня постояла на якоре между Каланьим островом и Островерхими скалами, а поскольку каланы были очень смирными, мы неплохо поохотились, не прилагая к этому больших усилий. Было еще только начало сезона, думаю, примерно двадцатое число мая. Последние несколько дней погода стояла сносная, и тот день не обещал быть исключением. Мы спустили лодки поутру и поплыли на северо-восток. В небе не было ни облачка, ни одно дуновение ветра не тревожило гладь океана. Барометр выказывал намерение упасть и капитан,

который также оставался и вахтенным рулевым, предупредил нас, чтобы мы возвращались на судно при первом признаке ветра. К северо-востоку от берега было сильное течение и, когда мы подстрелили первого калана, как, хорошенько погнавшись за ним с полчаса, то оказались порядком к востоку от Островерхих скал и на некотором удалении от берега. В три часа мы находились милях в десяти от нашего судна, и пора было возвращаться, потому что поднималось легкое волнение, хотя ветра еще не было. От горстки скал напротив того места, которое после того получило название «Найбо-Шэнти» мы заметили каланиху, которая безмятежно плавала на спине, держа у себя на груди маленького детеныша. Скоро мы оказались на расстоянии выстрела и подошли и два разом прогремевших выстрела дали ей знать, что враг рядом. Самка нырнула через голову в сторону берега, но поскольку ее отягощал детеныш, оставалась под водой недолго. Ее новое появление встретили еще два выстрела. На этот раз детеныш был ранен но по-прежнему прижимая его с своей груди она продолжала нырками продвигаться к спасительным скалам, которые теперь были близко. И все наши усилия выйти ей наперерез были тщетны. Два часа мы гонялись за этой каланихой между скал. Еще в первый час детеныш был убит, но она по-прежнему крепко держала его пока выстрел не попал ей в лапу, после чего на его выронила и, пытаясь снова его схватить, была ранена еще раз. Снова и снова она повторяла свои попытки, при этом издавая самые жалобные и печальные крики, но тщетно. К нашей величайшей досаде, однако, нам пришлось бросить погоню и удовлетвориться тушкой убитого детеныша, которую мы подобрали. В пылу погони за каланихой мы упустили из виду, что волнение быстро нарастает и уже приняло форму тяжелых волн с грохотом разбивающихся о скалы. Стало пасмурно, на горизонте громоздились черные тучи, что ясно показало нам, чего следует ожидать, если мы задержимся дольше в восьми или девяти милях от нашей шхуны. И хотя добыча была по-прежнему на виду, нам пришлось поставить погоню и возвращаться на судно. Солнце скрылось за островом и уже смеркалось, когда мы добрались до Островерхих скал. Особый свист, верный предвестник ветра, сказал нам, что времени у нас в обрез, и мы налегли весла изо всех сил, так что легкая охотничья лодка практически летела над водой. Проплыв уже порядочно, мы вдруг услышали прямо у себя под кормой самый сверхъестественный крик, какой только можно

представить. Он раздался столь неожиданно и был столь странен и пронзителен, что мы на мгновение окаменели. Покуда направление следующего крика не указало нам темный силуэт каланихи, которую мы преследовали. Теперь она следовала за лодкой, оплакивая потерю своего детеныша, и в этот же миг на нас налетел ветер. То был не шквал, но полдюжины шквалов, свитых в один - настоящая лавина ветра. Если бы наша лодка не шла носом к волне, она бы несомненно затонула. Собственно говоря, в течение примерно пяти минут наши жизни висели на волоске - под нами бурлила и кипела вода, вокруг нас металась плотная необозримая масса пены. Никакого признака другой лодки, никакого признака чего бы то ни было, только разъяренное и беснующееся море. А посреди всей этой вакханалии мы слышали то с одной, то с другой стороны от себя все те же страшные крики раненной каланихи, словно упрекавшей нас за жестокость с которой мы отняли ее дитя. Ожидая гибели в любой момент, каждый из нас в мыслях проклинал глупость, заставившую нас гоняться и гоняться за одним единственным каланом. Единственная надежда была в том, что капитан и кок, которые только и оставались на борту, успели встать под ветер, прежде чем шквал ударил по шхуне, и смогут вскоре придти к нам на выручку. Единственное, на что мы были способны, это держать лодку прямо против ветра и постоянно вычерпывать из нее воду, ибо ее поминутно заливало, и требовались все наши усилия, чтобы она оставалась на плаву. Нас быстро сносило кормой на скалы, и, в лучшем случае, через час нашу судьба была бы решена, поскольку продвигаться вперед против ветра и волн мы не могли. Страшные же крики продолжали тревожить нас, перекрывая даже рев стихий, и пронзительно и скорбно отдавались они у нас в ушах. Действительно ли мы слышим калана, или же это нечистый принял форму выдры, чтобы привести нас к нашему роковому концу? Наши чувства были возбуждены до крайности, и в каком-то помрачении я схватил детеныша и бросил туда, откуда доносились крики. Из пустыни вод последовал дрожащий вопль, и - все стихло.

Почти немедленно ветер унялся, летающие в воздухе брызги и колючая обжигающая, как льдистый снег, пена осели, сквозь мглу проглянула небесная синева, и жестокий шквал прекратился. Ветер сменился на западный и разметал остававшиеся тучи. Через десять минут на чистом небе сияла полная луна, освещающая

нам путь. Как тут не вспомнить о волшебстве лунной ночи над морем! Внезапная перемена нашей бедственной участи и неожиданное избавление от неминуемой гибели сделали эту картину в наших глазах во сто крат чудеснее, так что она навеки запечатлелась в нашей памяти. Волнение медленно улеглось, но длинные валы некоторое время продолжались и наша лодка, как пробка подпрыгивала них, когда мы гребли против волн в попытке отыскать шхуну. Мы наконец нашли ее, но пока добрались и поднялись на борт пробило уже одиннадцать часов. Мы были совершенно измотаны после дня такой работы, но благодарны за свое спасение. Мы невредимыми вернулись со шхуной к нашей стоянке, но на следующий день задул сильный штормовой норд-вест, и нам пришлось остаться на борту, что позволило нам получить столь необходимый день отдыха. Сомневаюсь, чтобы в этом нашем приключении было что-то сверхъестественное. Это было всего лишь одно из тех примечательных совпадений, которые бывают раз в жизни. Через два месяца после того мы подстрелили калана возле скалы в бухте Роко, у которого на одной из лап была открытая рана, и я почти уверен, что это была та самка, за которой мы гонялись, и которая потом так упорно гналась за нами во время шквала - если за нами гналась настоящая выдра, а не призрак».

Глава VIII

Я открываю новое лежбище морских котиков

В декабре 1877, не сумев договориться о постройке судна с гарантией того, чтобы в начале сезона 1878 года оно оказалось уже в районах промысла, я решил съездить в Иокогаму разузнать, что можно сделать там. Для этого я взял билет на старый парусник «Шарио». Во время нашего плавания мы попали в сильный шторм, который поднял огромные волны, разбивавшие крышки люков и иллюминаторы и заливавшие каюты и твиндеки, где спали японские пассажиры. Один из них совершенно голый выбежал на палубу и бросился на мостик к капитану, умоляя вести судно поближе в берегу, чтобы он имел шанс спастись - он был уверен, что судно пойдет ко дну. Палубные кабины на корме были залиты до нижних коек, но мне повезло занять верхнюю, так что я остался сухим. Прорейфовав часов шесть, мы продолжили наше плавание и своим чередом прибыли в Иокогаму. Здесь я не

столкнулся ни с какими затруднениями в получении желаемого и заключил договор с г-ном Х. Куком о постройке для меня судна с тем, чтобы оно было готово выйти в море к 15 марта. Оно должно было быть 61 фут в длину по килю, 18 футов в самом широком месте и с глубиной трюма 7 ½ футов. После того как все планы были составлены и утверждены, я вернулся в Хакодате. Киль шхуны заложили 5 января, на воду ее спустили 2 марта. 6 марта я снова отправился из Хакодате в Иокогаму. Все приготовления были завершены, и 9 апреля мы отплыли на север. Шхуну назвали «Отоме», что означает по-японски «барышня», кроме того, это и женское имя. Поскольку война между Англией и Россией была тогда уже неизбежна, на шхуне был поднят американский флаг. Мое снаряжение на этот раз было гораздо основательнее, и охотники у меня были много лучше. Мы прибыли к местам промысла 21 апреля, а впервые спустили на воду лодки 23-го. В начале июня я решил идти на север и попытать счастья на малых островах гряды. 19-е число застало нас у Шиашикотана, где мы увидели много каланов и решили, что останемся там, если найдем якорную стоянку. Мы бросили якорь примерно у середины острова со стороны Тихого океана. На следующее утро, хотя море было беспокойно, мы спустили лодки и двинулись на восток. На большом водорослевом поле мы увидели несколько каланов и стали окружать их, чтобы занять свою позицию. Я продвинулся вдоль берега на несколько сот ярдов, оказавшись напротив и недалеко от каких-то островерхих скал, соединяющихся со скалистой оконечностью берега плоским уступом. Мой рулевой все показывал на эти скалам, но, высматривая каланов в воде, я поначалу ничего не заметил, а затем взгляд мой упал на большое количество от 20 до 30 зверей на косе. Я знаками стал подзывать другие лодки, но они были заняты двумя другими каланами, которые по-прежнему то ныряли, то показывались вновь среди водорослевого поля. Я подплыл поближе к скалам, из-за их формы для того, чтобы попасть в море каланам приходилось идти на меня. Стояла сильная зыбь, с океана шла волна, и мою лодку сильно болтало, что мешало стрельбе. Я сделал несколько выстрелов, большинство из которых не попало в цель, но всего нам удалось добыть 9 каланов и мы вернулись на борт вполне довольные тем, как поработали в это утро. Именно тогда мне представился хороший случай понаблюдать, как выглядят и как двигаются морские выдры на суше. Описание это есть в Приложении 1.

На следующий день погода более подходила для охоты. Загоняя одну из выдр, мой охотник был задет срикошетившей пулей; моего второго охотника пуля чиркнула по краю левой брови и рассекла кожу до кости, но к счастью не причинила никакого серьезного вреда, это как будто подхлестнуло его, ибо из 13 каланов, что мы добыли в тот день, он подстрелил семь. 23-го мы взяли двух, 24-го – шестнадцать, 25-го - три и 26-го – десяток. Итого, за неделю 53 больших и несколько маленьких выдр. Их было столько, что мы не могли как следует обработать и растянуть на рамах шкуры для просушки, поэтому пришлось часть засолить. Вздумав затем поискать добра от добра, я покинул это место и перешел к Онекотану, где мы встретили еще две шхуны «Сигнет» и «Александр», последний снял с этих мест все сливки, мы же добыли три калана. Затем мы пошли на Макунашир и не увидели там ни одного зверя. 14 июля мы вернулись на Шиашикотан и обнаружили там «Сигнет» - пока нас носило попусту в других местах, «Сигнет» добыл 30 каланов. Однако затем он ушел, и остров вновь был предоставлен в наше полное распоряжение. К моменту, когда мы его окончательно покинули, были добыты еще тридцать или сорок каланов.

В пяти милях к западу от северной оконечности Шиашикотана лежит остров Экарма. Мы побывали там 6 августа, и, став на якорь с подветренной стороны берега, спустили лодки на воду и поплыли на север острова, где на водорослевом поле нашли стадо из примерно 20 каланов, один из которых был совершенно белый. Однако поднялся сильный ветер, началось волнение, и сделать хороший выстрел было нельзя. Мы не добыли ни одной выдры, один из моих выстрелов в белого калана, когда тот «встал», то есть высунул воды голову и шею, кажется, прошел его горло насквозь. Он немедленно ушел под воду в толщу бурых водорослей и больше мы его никогда не видели.

Пока мы находились у Шиашикотана нужно было пополнить запасы пресной воды, и мы встали на якорь у маленького водопада, который питался тающим снегом с горы, что находилась сразу за ним. В этот водопад не впадало ни одной, даже маленькой речушки; его образовывало слияние нескольких струек, текших по узким мелким руслам, напоминающим канавы, с крутого склона горы. Скала была приблизительно 90 футов высотой, вода срывалась с края и, пролетев 30 футов, падала на плоский уступ площадью около 150 квадратных футов, где образовывала

мелководный пруд, из которого торчало несколько камней, затем бежала дальше по очень крутому склону в море. После того как наши бочки были заполнены водой, некоторые из нас не без труда забрались на этот уступ и обнаружили, что в прудике полно форели от нескольких дюймов до фута в длину. Мы наловили два ведра руками. Как только эта рыба попала в столь неприступное место? В незначительных потоках бегущих сверху рыбы не было, а подняться снизу было нельзя.

В конце августа мы покинули Шиашикотан и отправились на юг, снова придя к Итурупу 14 сентября. Мы охотились до 25 числа, взяли еще шестнадцать каланов и затем отправились на Шикотан, чтобы привести судно в порядок перед Иокогамой. 24 сентября, когда мы были на охоте, налетел ветер. Думая, что он скоро стихнет, я решил высадиться и вытащить лодки на берег. На каменистом пляже, где мы хотели высадиться, бушевал прибой. Я первым попытался выбраться туда, к сожалению, вал крупнее обыкновенного перевернул лодку, когда я находился на гребне прибоа. Лодка перевернулась через нос, ее форштевень налетел на камень, и концы всех досок с одного борта были оторваны. Была разбита также одна доска в днище, но так как все, что было на лодке, мы прочно принайтывали, ничего не пропало. Мы вытащили лодку и, разведя костер и просушив на нем нашу одежду, принялись латать лодку. К счастью, я всегда брал с собой медные гвозди и нагели, а также молоток и другие инструменты, так что, закрепив концы досок и прибавив полосу парусины над расщепленной планкой днища, мы временно ввели лодку в строй. К вечеру мы смогли отчалить, но по дороге до шхуны нам пришлось немало потрудиться, вычерпывая воду. Остальные лодки вернулись на борт, не попытавшись высадиться на сушу. В Юго-Восточной бухте на Шикотане мы тщательно проветрили и просушили наши шкуры, заправились дровами и водой, провели приборку и покрасили судно и лодки. Погода стояла прекрасная, и мы поохотились на пернатую дичь и вволю нарыбачились. Мы отплыли в Иокогаму 4 октября, а прибыли туда 12-го со 150 большими и примерно 30 маленькими шкурами. Это была превосходная партия, покойный м-р Филипеус, известный специалист-меховщик, который на момент нашего прибытия был в Иокогаме, оценил ее по категориям следующим образом: 60 шкур - по номеру 1, 62 - номер 2,

18 - номер 3, 10 - номер 4, остальное были щенки и подростки. За эту добычу было выручено более 3000 фунтов.

Это плавание было столь же бедно событиями, сколь и успешно. Помимо обычных сильных штормов и случаев, когда мы чудом не налетали на скалы - ничего особенно волнующего. Для меня это плавание показалось интересным теми новыми местами, где я побывал.

В феврале 1879 я начал готовить следующий промысловый поход. В начале марта я решил съездить на острова Бонин, чтобы найти несколько охотников, и взял билет на парусник «Гоёсима-мару» мы прибыли в Порт-Ллойд, как тогда называлась эта гавань, утром 6-го. Острова Бонин лишь незадолго того перешли во владение Японии, но туда уже переехало около 200 японцев, и с нами плыло еще 165, часть из которых были осужденные. Прежде на островах жило лишь около дюжины семейств, в основном потомки европейских или американских моряков, которые женились на туземках или полукровках с некоторых островов Тихого океана. Они занимались разведением коров, выращиванием овощей и фруктов, и ловлей черепах. Их товары сбывались, в основном, на китобойцы, которые в прежние времена во множестве заглядывали в Порт-Ллойд каждую весну по дороге к северным промысловым местам. Охотясь на диких свиней, коз и оленей, водившихся на островах, местные юноши становились отличными стрелками, навыки же ловли черепах и рыбы с лодок и каноэ делали их ещё и отличными моряками. По этим причинам их охотно нанимали как охотников за каланами. Находясь на Бонинах, я ходил охотиться на черепаху с одним из юных Уэббов, который имел репутацию самого умелого ловца черепах. Мы погрузились в каноэ с углегарем и вышли в море, не сводя глаз с поверхности воды в поисках черепах. Не заметив ни одной, мы подошли к берегу, где была привязана в качестве приманки для противоположного пола черепаха-самка, и увидели ее в обществе черепахи-джентльмена, который оказывал ей внимание. Он был так занят любовными утехами, что не успел опомниться, как его захватили крюком за тыльную сторону шеи и накинули петлю на плавник. Его погрузили на каноэ вверх животом, и он лежал там беспомощный. Передние плавники ему связали вместе, вся эта процедура казалась очень простой. Плененные самки были привязаны как к якорю к большому куску камня или чушке чугуна, так чтобы у них оставалась некоторая

свобода передвижения. Они лежали на поверхности воды, и к ним подплывал самец, чтобы начать ухаживание. Пока они были погружены в любовные дела, к ним подбирались сзади и цепляли крюком за панцирь позади шеи, как было описано.

Если вылавливалось больше черепах, чем могло поместиться в каноэ тех, что отловлены, без опаски бросали за борт со связанными передними плавниками. Они не могли нырять, погружаться или уплыть далеко, и, таким образом за ними можно было вернуться, после того как первый груз бывал доставлен на берег. Тот же метод применялся, когда черепах ловили без помощи плененной самки - к ним подходили, когда они были заняты своими любовными делами, но здесь требовалась большая осторожность. Многих черепах-самок ловили, когда они выползали на пляж отложить яйца. В те дни черепахи были очень многочисленны на Бонинах, но сегодня их там сравнительно немного.

Острова Бонин лежат в 500 милях к югу от Иокогамы, климат здесь очень теплый, температура в начале марта, когда я там был, колебалась от 80 до 85 градусов по Фаренгейту.

Наняв двух охотников, я вернулся с ними на пароходе в Иокогаму. 29 марта мы вышли к местам промысла, а 6 апреля прибыли в бухту Юго-Восточную на Шикотане и заправились дровами и водой. На следующий день мы спустили на воду лодки и «согнали» двух выдр, одну из которых подстрелили. Мы ушли с Шикотана 8 апреля, потому погода была очень холодная, а в тот день и на следующий дул штормовой вест-норд-вест. 21-го задул штормовой зюйд-ост. Мы стояли в бухте Роко у подветренного берега и, прежде чем до нас долетел шторм, пошел огромный вал, при этом ветра не хватало, чтобы развернуться носом к нему. Грунт под якорем был плохой - цепь оплелась вокруг какого-то камня и лопнула, когда шхуну подняло на валу. К счастью, паруса были распущены и ветер подоспел как раз вовремя, чтобы нас не выбросило на берег. Ближе этого к крушению нельзя представить ничего, ведь мы были практически в полосе прибоя и, если бы оборвался второй якорь, это привело бы к роковому исходу. Мы, лавируя, вышли в море и привели судно к ветру на ночь и на весь следующий день. 23-го мы снова вошли в бухту Роко и забрали свой якорь. 24-го задул еще один штормовой зюйд-ост, и мы перешли в бухту Веха на охотоморской стороне острова, чтобы укрыться

от него. Здесь мы обнаружили останки шхуны «Дидона», которая была выброшена на берег около полуночи 21-го. 26-го мы дрейфовали в тех местах, когда капитан «Дидоны» приплыл к нам на лодке из Ветреной бухты, где люди с «Дидоны» нашли приют на небольшой стоянке. Он сообщил, что якорная цепь разошлась, когда он стоял в бухте Веха и он дал ход и вышел оттуда, но, так как ему пришлось стать против ветра из-за шторма, судно снова понесло к берегу и выбросило на камни. От переохлаждения уже на берегу погиб один из команды. Я отдал людям с «Дидоны» кое-какую одежду, провизию, запасы и книги и договорился, что возьму к себе на борт одного из охотников, уроженца островов Бонин.

27-го ветер с северо-востока посвежел и мы снова перешли в бухту Роко. Когда мы вошли туда, то увидели на пляже шхуну, в которой быстро узнали «Элизу». На берегу виднелось несколько человек, две или три лодки плавали неподалеку от места, где она лежала. Мы, лавируя, прошли в бухту и отдали якорь настолько близко, насколько позволило благоразумие. Там мы ждали, что кто-то из них прибудет к нам, что они сделали бы, если бы им нужна была наша помощь. Однако никто не прибыл, поэтому мы снялись и перешли на северо-восточный конец бухты, где встали на якорь. На следующее утро я велел спустить лодки, подплыл к точке, где было возможно высадиться, а затем пешком прошел к месту крушения. Здесь я обнаружил всю команду «Дидоны», нескольких айнов и японцев, и всех, кто остался от команды «Элизы». Эти люди рассказали мне, что «Элизу» вынесло на берег, когда она дрейфовала в густом тумане 24-го в четверг. Ее лодки были на охоте, на борту оставались лишь неопытные моряки, которые никогда не бывали в здешних местах, а, следовательно, ничего не знали о приливах, о течениях, о береговой линии, да, собственно, и вообще ни о чем. Когда вернулись лодки, они обнаружили шхуну на берегу. С тех пор они пытались вытащить ее на берег. Были вывезены и обозначены томбуями якоря, к ним присоединены цепи и тросы, которые затем были прикреплены к брашпилю на борту судна. Чтобы проделать это, тросы надо было доставить с судна через полосу прибоя к концам цепей, из-за мощного волн и сильного отката проделать это соединение было очень трудно. И, в конце концов, одна лодка, на которой были три охотника перевернулась. Все они были хорошие пловцы и попытались добраться до берега, но не смогли из-за отката. Тогда они прицепились к перевернутой лодке и держались за нее, пока

промерзнув насквозь, не утонули один за другим в нескольких ярдах от берега на виду у своих товарищей. Вторая лодка, по всей видимости, не могла оказать им никакой помощи, а после того, как они утонули, она развернулась и подошла к тому месту, где высаживался я, и здесь тоже была опрокинута прибоем; все, кроме одного, находившиеся на борту утонули. Один из этих бедняг был моим вторым охотником в два предшествующих сезона, другой был моим третьим охотником в первом плавании. 29-го и 30-го мы немного поохотились и взяли 4 каланов. За весь апрель вышло всего семь. Мы спускали лодки восемь раз, провели 62 часа в лодках, прошли на веслах 186 миль чаще всего в неблагоприятную погоду ради наших 6 выдр.

Май также оказался месяцем неудовлетворительным, только 14 каланов было добыто - ради них мы прошли 525 миль и выходили на охоту 21 раз. Наш самый длительный выход был 18 часов, а самый короткий 2 часа. 25 мая мы стали на якорь у северо-восточной оконечности Урупа и услышали громкие взрывы со стороны островов Черные братья, милях в 15 к северо-востоку от нас. 1 июня мы оставили Уруп, а 2-го, когда мы проходили Братьев, нас засыпало пеплом извергающегося вулкана. 2-го и 3-го мы были на острове Симушир и не увидели ни одного калана. 4-го мы стали на якорь в Рашау и обнаружили там шхуну «Норт-Стар». Капитан Джонсон прибыл к нам на борт и рассказал нам, что он только что вернулся с Матуа и Шиашикотана. На каждом из которых прошлой осенью он оставлял охотников и команду гребцов, чтобы охотиться зимой. Два охотника из шиашикотанской партии, как рассказывают, утонули, а три японца-матроса из партии, что была на Матуа пропали. В шиашикотанском деле было что-то нечисто. Японская команда лодки утверждает, что лодка перевернулась, когда они пытались высадиться на сушу, прибыв с охоты, а два охотника, они были братья, утонули. При том, что трое японцев благополучно выбрались на берег, лодка была цела и ничего не пропало.

Партии на Матуа пришлось туго, там были двое белых Гэннон, американец ирландского происхождения, и немец Неббе. Они разместились в какой-то заброшенной айнской юрте на маленьком островке (острове Тупика), что лежал примерно в миле от восточного берега Матуа. У них была охотничья лодка и маленькая шлюпка. Проведя на острове какое-то время, японские гребцы

зароптали и однажды ночью скрылись на охотничьей лодке, прихватив с собой и других припасов. Предполагали, что они ушли на главный остров. В это время Гэннон лежал больной. Неббе, дождавшись пока немного распогодится, перебрался на лодке на главный остров, чтобы попытаться найти и вернуть японцев. Он ожидал найти их в старой заброшенной айнской деревне на другой стороне острова. Ему удалось добраться туда благополучно, он вытащил лодку подальше от берега под скалы, а затем пошел на другую сторону острова (около миль 30), где нашел следы японцев, но ни одного человека, как и лодки, он не увидел. Он пошел обратно к месту, где высадился, но там оказалось, что его лодку разбило снежным обвалом. Ему ничего не оставалось делать, как вернуться в старую деревню и расположиться там. С собой у него была только винтовка и некоторое количество боеприпасов. Там он оставался несколько недель, пробавляясь моллюсками и водорослями. Иногда ему удавалось добыть какую-нибудь морскую птицу при помощи винтовки. Наконец, отчаявшись, он решил как-то добраться до острова Тупика на сломанной шлюпке. С огромными трудностями ему это удалось в тихий погожий день.

Войдя в юрту, вместо приветствия он услышал испуганный вопль своего товарища, который, поднявшись на постели, схватил ружье и наставил на него ствол. Но больной успокоился, когда Неббе убедил его, что он, а не призрак. Тому пришлось несладко - он ослабел и не мог двигаться. Вскоре после этого пришла шхуна и забрала их. Гэннон умер на борту через небольшое время. Японцы, сбежавшие с лодкой, так и не объявились нигде, вероятно, они попали в противное течение, пытаясь добраться до какого-нибудь другого острова. Шиашикотанская партия добыла 8 каланов, матуаская – 2. Эти десять выдр стоили жизни шестерым. «Норт-Стар» очень не повезло, на ней теперь был всего один охотник, от которого было мало проку. Лишний охотник, которого я взял с «Дидоны» перейти к ним не захотел, так что капитану пришлось плыть на Итуруп и попытаться дополнить свою команду людьми с «Дидоны» и «Элизы».

Вернемся к тому, что довелось пережить нам самим. В июне, июле, августе и сентябре наша добыча составила 10, 32, 8 и 6 каланов соответственно. Больше мы на охоты не выходили, и 7 октября застало нас на нашей старой стоянке в Юго-Восточной бухте на Шикотане, где мы проветривали шкуры и делали приборку

перед тем, как 10-го уйти на Йокогаму. Во время путешествия мы спускали лодки для охоты 81 раз и провели в них 670 часов, пройдя на веслах более 2010 миль, чтобы обеспечить добычу этих 80 выдр.

На охотничий сезон 1880 года мы вышли из Йокогамы 12 апреля и через 12 дней бросили якорь в бухте Роко на Итурупе, где мы высадили капитана Миллера и его команду плотников и рабочих с припасами и инструментами для ремонта и спуска на воду шхуны «Элиза», которая лежала на суше с прошлого года. В мае и июне мы добыли 23 и 31 калана соответственно, проплыв на лодках 789 миль.

12 июня мой третий охотник едва не погиб. Мы охотились у северной оконечности Рашау и "подняли" калана, который бросился к приливному течению, образовавшемуся за мысом. Плотный вал тумана надвигался на нас, и я подал своим лодкам сигнал зайти в скалы и переждать его там. Мой второй охотник последовал за мной в закрытую бухточку между скалами, но третий не появился. Вскоре мы услышали выстрел, а за ним один за другим еще несколько. Зная, что он находится у самого течения, мы поняли, что произошло нечто из ряда вон выходящее, поэтому поплыли на звук выстрелов и обнаружили лодку в зыбях до половины залитую водой. С трудом мы пересадили людей в наши лодки, а эту отбуксировали к берегу и там временно заделали повреждения. Оказалось, что охотник повел себя глупо и двинулся в течение за выдрой. Там, конечно, преследовать зверя было бесполезно даже я в ясную погоду. Из-за волнения моря он оступился в лодке и прострелил дыру в ее дне. Он пытался заткнуть отверстие и расщепленную доску, запихивая туда свои носки, но вода прибывала быстрее, чем ее можно было вычерпать, и тогда он стал стрелять, призывая на помощь. Счастье, что мы откликнулись так быстро, иначе вся команда лодки наверняка утонула бы. На Рашау мы выменяли 3 каланьих шкуры и 11 прекрасных лисьих шкурок на 8 фунтов пороха, 13 фунтов табаку, 7 коробок капсулей, некоторое количества свинца, старую одежду, сухари мыло и кое-что еще.

В июле на Итурупе мы слышали от местных, что рыбацкое судно из Сендай выбросило на берег в Медвежьей бухте на северо-восточной оконечности острова, и двое из его команды, составлявшей 12 человек, выжили, хотя и находятся в состоянии истощения. Это судно, по сути говоря, обыкновенный открытый рыбацкий сампан, унесло от побережья Сендай штормом в октябре и бедняги

девять месяцев пытались приплыть обратно на запад, живя лишь рыбой которую ловили, а для пополнения запасов пресной воды, уповая лишь на дождь. Все кроме двоих пали под натиском трудностей, выпавших на их долю. Эти же двое, когда они достигли суши были почти на пороге смерти.

Остаток сезона прошел без происшествий, наша общая добыча составила 80 больших выдр, 12 детенышей, 6 морских котиков и 12 лисиц. Чтобы ее обеспечить мы пробыли в лодках 529 часов, проплыли в них 1587 миль и спускали их на воду для выхода на охоту 70 раз. После нашего прибытия в Иокогаму, услышав о возможности добыть некоторое количество тюленей на островке в Охотском море, я послал туда 4 ноября шхуну. После 19 дневного плавания она не обнаружила ничего кроме мертвых туш тюленей, которые очевидно, были забиты второпях и оставлены на лежбище. Туши замерзли и 568 шкур, которые холод сберег от порчи, было добыто.

Сезон 1881 года начался под несчастливой звездой, вплоть до того, что я потерял своего второго охотника, уже готовясь выйти в море. Он сгорел насмерть при пожаре в пансионе, где жил. Потом я потерял около трех тонн соли из-за течи в лихтере, пока шхуну «откилевали» для очистки днища. После этого украли лодку, но ее вскоре вернули.

Мы отплыли 5 апреля. 16-го в Эдзо у мыса Еримо температура воды была 32 по Фаренгейту . Это показывало, что поблизости может быть лед. На следующий день мы наткнулись на ледяные поля и, чтобы их обойти, пошли на юг. 18-го мы почувствовали воздействие какого-то подводного возмущения. По судну прошла дрожь и послышался низкий рокочущий звук. Пройденные нами огромные поля бугристого льда протянулись на 30 миль от берега. 19-го мы оказались окружены толстым льдом, который простирался во все стороны, докуда хватало взгляда, но на следующий день мы вышли на открытую воду, держа курс на юг и юго-восток. Вечером мы изменили курс на северо-северо-западный, поскольку в той стороне море было чисто, и мы думали, что, наконец, ушли ото льда. Но около 2.30 ночи 21-го мы вновь вошли в бескрайнее ледяное поле. Мы делали добрых шесть узлов при ровном ветре на всех парусах, ночь была ясная, а луна в последней четверти стояла низко, так что лед не возможно было заметить, пока он не оказался совсем рядом. Хотя по большей части возвышался на 6-8 футов над водой. Помощник,

который стоял на вахте потерял голову, когда понял, что на полной ходу несется на как будто бы твердый лед и заложил штурвал не в ту сторону куда следовало. Шхуна вломилась в плавучий лед с таким грохотом, что те, кто были внизу, выскочили на палубу подумав, что судно налетело на камни. Кокпит, конечно, простучало, но течи не открылось. К счастью, лед вдоль кромки поля, хотя его и была масса, оказался рыхлым и ноздреватым; мы вошли в него с такой силой, что будь он плотным, мы непременно получили бы пробоины в носовой части, а, может быть, урон был бы и посерьезнее. Потребовалось несколько часов, чтобы выбраться из этого льда, и мы снова пошли на юго-восток, а затем на восток. На следующее утро мы увидели, как на северо-западе пронесся Шикотан. Часть нашей деревянной обшивки была едва ли не насквозь истерта льдом. Вечером мы были у Итурупа, местность была покрыта толстым слоем снега, все выглядело совсем иначе чем в это же время в прошлом году. 23-го мы зашли в бухту Врасплох, где нас посетил капитан Миллер, который зимовал на острове. Ему не удалось спустить «Элизу» на воду - она развалилась.

Курсируя среди островов 24 мая мы чудом избежали гибели у Шиашикотана. Мы стояли на якоре с тихоокеанской стороны у середины острова, вскоре после полуночи начался мощный накат с океана, ветер стал свежеть, и мы решили, что будет благоразумно встать носом к волне, ибо ветер дул прямо к берегу. Ночь была очень кромешно темная, а нам нужно было сделать два или три коротких галса, чтобы уйти от рифа который находился к югу от нас. При третьем галсе мы оказались как раз на внешней кромке прибоя у рифа, и площади для маневра у нас не было, положившись на удачу мы пошли между прибоем и окончечностью главного рифа. Мы проскочили по узком каналу ничего не задев, но те несколько минут, что потребовались нам, чтобы оказаться вне опасности были очень напряженными. При свете дня, при ровном ветре и даже при гладком море никто бы и не подумал пуститься на такой подвиг.

У Шумшира мы навестили живущих там местных. Их было всего 22, и они как будто жили куда побогаче, чем их товарищи на центральных островах гряды. У побережья Шумшира мы много ловили треску и заложили хороший запас соленой рыбы.

24 июня после обеда мы прибыли к скалам Среднего, что лежат между Ушиширом и Рашау. Это очень неприятное место, здесь полно скал, рифов и мощных быстрин. От Ушишира до Рашау простирается скалистая гряда, над которой от 3 до 16 саженой воды. Там и тут скалы показываются над водой. Два самых крупных утеса милях в трех от северной оконечности Ушишира называются скалы Среднего у этого рифа почти перпендикулярные стены промеры глубины показывают от 16 до 100 саженой и - лот не достигает дна. Течения, образующиеся в проливах между островами, подчас достигают пяти-шести узлов; они ударяются об эту гряду и возникает такая кипящая, бурлящая, вихрящаяся стремнина, что судно становится беспомощным без крепкого ветра. Вокруг этих скал над рифом лежат бескрайние поля водорослей, которые часто посещают каланы, но лишь около часа между приливом и отливом здесь можно безопасно охотиться. Мы сделали ряд попыток, но всегда уходили несолоно хлебавши.

В тот раз мы стали на якорь в водорослевом поле, спустили лодки и обошли самую крупную скалу, протянувшуюся на 200 ярдов. Море было гладкое, но с юго-востока накатывали валы, и там был сильный прибой. На камнях лежало от 7 до 8 тысяч морских львов, а проходя юго-восточную оконечность скал, я заметил в распадке небольшую стаю морских котиков. Это была неожиданная находка, и я сделал остальным лодкам знак подойти поближе. Высадка была затруднительна и рискованна, но соблазн был велик. Привязав свое ружье и другую амуницию накрепко, я решил перескочить просвет между скал на гребне прибоя - там лодка, если бы мы не опрокинулись, была бы в безопасности, и можно было бы легко высадиться. Велев остальным лодкам быть наготове на всякий случай, я зашел на гребень волны, правя веслом, и, к счастью, в нужный момент перескочил на лодке за камни, как раз когда волна разбилась. Мы были в безопасности, но на моих лодках подумали, что мы пошли ко дну, поскольку камни скрывали нас. Пока они размышляли, как нас спасти, мы показались на виду, когда плыли к стае котиков, вооружившись веслами вместо дубинок. Котики, почти все самцы, бросились в панике в море, некоторых из моих людей они сшибли с ног и перелезли через них, одного котик укусил за руку, однако нам удалось забить 56 зверей. Тем временем на других лодках люди не вдохновились моим примером - они обошли скалу с другого конца, там высадились в длинной узкой расселине и вытащили лодки на

камень. Лишь когда перевалило за 8 часов мы закончили свежевать и грузить тюленей на борт. Теперь мы были готовы на любой риск, имея перед глазами перспективу большой добычи котиков, поэтому бросили второй якорь и заняли позицию поблизости оттуда. На следующее утро около 5 часов мы высадились и оставались до полудня, добыв 58 котиков. Мой второй охотник, пытаясь забить крупного самца, промахнулся, и, котик, увернувшись от его дубинки схватил его за ляжку. К счастью на охотнике были длинные сапоги до бедер. Они была прокушена насквозь, равно как и брюки, и белье, снизу доверху от них была оторвана полоса кожи дюймов шесть шириной, однако нога получила лишь небольшую рану. 26-го мы добыли 63 котика, 27-го – 68, 28-го - 74 и 29-го – 18. Затем мы перешли к Ушиширу.

Морские львы очень помешали нам добыть побольше котиков.

Первый раз когда мы высадились все вместе (на второй день), мы атаковали их массу, крича и ударяя дубинками направо и налево. На скале в это время было около 8 или 10 тысяч животных и они сорвались в море, как лавина. Когда мы снова попробовали этот маневр большие морские львы стали на защиту своих владений и наскакивали на нас так, что мы были вынуждены уступить. К счастью, они не гнались за нами, как только мы покидали их владения (каждый самец со своим гаремом из четырех-восьми, а то и больше, самок занимает определенную площадь) они бросали преследование. Хотя эти морские львы огромные звери (самые крупные самцы весят, пожалуй, около 1500 фунтов) их легко согнать с камней в обычное время. Но сезон размножения - другое дело, тогда они жестоко дерутся между собой, ранят друг друга своими внушительными зубами, оставляя огромные борозды на коже обычно в районе шеи и холки. У них свирепые морды с маленькими злобными глазками. Они причиняли нам столько, что нам пришлось вытащить ружья и пристрелить тех, что были неподалеку от залежки котиков. Айны с Ушишира рассказывали мне, что однажды к скалам подошла лодка, чтобы добыть на пропитание несколько молодых морских львов. Когда охотники высаживались животные перепугались и в панике понеслись по камням в сторону лодки - лодка была разбита в щепы и все, кто там был, за исключением одного мальчика, погибли.

На 4 день нашей охоты на тюленей я повредил руку, пытаясь отогнать большого самца. Крики, кидание камней и попытки изобразить, что я вот-вот брошусь на него, оставаясь при этом вне его досягаемости, не дали эффекта, разве что рассердили его. Он сделал два или три скачка в мою сторону, вынудив меня отступить. В конце концов, я схватил увесистый обломок скалы и подпустив его поближе швырнул изо всех сил ему в челюсти сломав несколько зубов. Это была моя последняя попытка - на него она не оказала никакого влияния, но я так потянул мышцы плеча, пытаясь посильнее кинуть камень, что не мог следует пользоваться рукой весьма долго. Собственно я и до сих пор чувствую, как на мне сказывается тот день. Это положило конец моему участию в охоте на тюленей, я вынужден был теперь оставаться на борту шхуны. Позже во время охоты мне пришлось стрелять некоторое время с левого плеча.

Мы оставили острова Среднего в покое до 8 июля, поскольку погода была слишком плоха, чтобы туда соваться. 8 июля во второй половине дня мы вернулись и стали на якорь. Высадиться на берег из-за прибоя было невозможно, но мы подстрелили на водорослевом поле двух каланов. На лежбище мы видели огромное количество морских котиков, по меньшей мере, 2000 голов. На следующий день мы высадились и за последующие семь добыли 196 тюленей, как раз столько, насколько у нас хватало соли. 10 июля четыре или пять сотен шкур было испорчено зря. Будучи не в состоянии сам высадиться на берег я послал своего вахтенного рулевого, который, желая показать ловкость и побить рекорд нашей дневной добычи, вместо того, чтобы забивать по 100 голов за раз, чтобы успеть снять шкуры пока они не нагреются забил подряд более 700 зверей. Когда 350 туш было освежевано, остальные успели так нагреться, что мех пополз - его можно было снять, проведя рукой по шкуре. Если на тушу наступали, мех сдирался огромными клочьями. Всю эту добычу пришлось бросить – она пропало попусту. День был очень теплый и солнечный.

Мы отправились в Хакодате с намерением увезти нашу добычу и вернуться, взяв соли, еще на один заход. Плавание заняло две недели, две недели мы простояли в порту, а затем вернулись на острова Среднего к 27 августа. Там на лежбищах было еще больше морских котиков. За 3 дня мы взяли почти 1200, а затем пришлось отойти из-за погоды. Вернувшись 10 сентября, мы взяли еще почти 1200 за пять

дней. У нас опять вышла вся соль, не думая, что там может быть столько котиков я взял соли только на 2500 шкур и думал, что еще много останется. Оказалось, что я мог добыть еще на пару тысяч больше. Через день после отхода мы встретили шхуну «Хива Элизбет», идущую на север. Она добыла 1700 котиков на островах Среднего, благодаря тому, взяв в Хакодате несколько моих сбежавших матросов, которые рассказали ее капитану, где мы наши тюленей.

Перед тем как уйти с о-вов Среднего, я решил поймать пару взрослых тюленей и доставить их в Иокогаму живьем. У нас был невод на лосося, и с его помощью мы могли легко поймать котиков. Вынеся его на лежбище, мы выбрали самку лет 2-3 и вскоре она уже была за катана в сеть и доставлена на борт, где ее выпустили в трюм. Возвратившись на лежбище, мы поймали самца примерно того же возраста и поступили тем же манером. Мы также изловили пару трехмесячных тюленят.

На время обратного плавания несколько дней спустя мы достали тюленей из трюма при помощи сети и поместили их в большую запасную лодку на палубе, закрепив сверху доски так, чтобы звери не выскочили. Затем лодка была на три четверти заполнена водой и наши пленники были довольны. Маленьких тюленей мы кормили сгущенным молоком, но для больших у нас ничего не было. Впрочем, учитывая, что морские котики могут поститься, если находятся в хорошем состоянии, два или три месяца, я полагал, что мы сможем довести их живыми.

Переход до Иокогамы выдался довольно длинный и на 13 день самец издох. На 16 день мы купили с рыбацкой лодки у японского побережья несколько летучих рыб, и наша тюлениха съела 4 штуки, а несколько кусочков еще одной съели детеныши. По прибытии в Иокогаму я предложил тюленей в подарок зоологическому саду в Токио, если за ними пришлют, но на мое письмо не обратили внимания. Прождав более месяца, я продал большого тюленя японцу, который собирался показывать его публике. Малышей я роздал, но они прожили недолго. Несколько месяцев спустя, проходя по кварталу, где в японских городах размещаются увеселительные заведения, я увидел над одним из них огромную картину, изображающую морского котика, которого излавливают в бурном море японские моряки. Зайдя внутрь, я увидел в большой бочке с водой нашу старую знакомую уже совершенно ручную и очень толстую. Зрители платили несколько медяков за вход и могли купить маленькую рыбешку, чтобы ее угостить.

Когда мы везли первую партию шкур в Хакодате, мы захватили двух молодых диких гусей с Ушишира, где несколько пар расположилось для выведения птенцов. Мы кормили наших пленников диким сельдереем и прочей зеленью. Эти птицы стали совсем ручными и обнаглели. Они даже препирались с собакой из-за ее еды. Прежде, чем отплыть в Иокогаму мы зашли на Ушишир, чтобы подарить нашим друзьям-айнам всю нашу старую одежду и все, что у нас нашлось лишнего. Никогда прежде они не жили так богато. Мы были настроены благодушно из-за хорошей добычи и отдали им много запасов и предметов роскоши, не говоря уж об инструментах, боеприпасах, гладкоствольном ружье и прочем, чего у них от века не водилось.

В ночь 15 на 16 мы проходили извергающийся вулкан на юго-западной оконечности Симушира. Раскаленная докрасна лава, стекавшая струйками по склонам, придавала горе вид, как будто та увешена фонариками. У северо-восточной оконечности Урупа мы столкнулись с мощным штормовым норд-вест-вестом, поднявшим огромные волны и очень опасный сулой. Убирая кливер один из наших матросов упал за борт. Он держался на плаву пока мы не развернули судно, не подошли к нему и не бросили конец. Он схватил его, но не смог удержать и прежде чем мы смогли подойти к нему снова бедняга пошел ко дну. Снарядить и спустить лодку при таком волнении и быстрине было нельзя.

Мы прибыли в Иокогаму в последний день сентября. Когда мы, лавируя, шли по проливу Урага накануне ночью нам едва удалось избежать столкновения с императорской яхтой, которая невзирая ни на какие правила движения, чуть нас не переехала. Мы шли круто к ветру и этот пароход, едва появившись, стал вновь и вновь менять свой курс, чтобы «подрезать нам нос» как это было повсеместно принято у японских судов в те дни. И от каковой привычки они не избавились полностью и донныне. Чтобы нас не переехали нам пришлось в последнюю минуту, когда нас разделяло 12 ярдов, переложить руль на подветренный борт, отчего наша шхуна пошла рыскать к ветру. Как можно представить, мы обменялись парой ласковых с теми, кто правил яхтой. Если бы у нас на борту не было ценной добычи, я не упустил бы случай и дал бы себя переехать, придерживаясь своего курса, а затем поручил бы взыскать издержки, если бы судно затонуло или получило повреждения.

В сезон 1881 года в море вышли на промысел 11 иностранных шхун, большинство из них занималось не только добычей каланов, но и морских котиков. Общая добыча составила 3000 выдр и около 14000 котиков. Тот сезон ознаменовался тем, что некоторые суда заходили для охоты и в Берингово море. Три или четыре из них дошли до острова Беринга и взяли там несколько сот тюленей. Люди с американской шхуны «Диана» попытались высадиться у одного из лежбищ тюленей на острове Копер, но при подходе к берегу их обстреляли местные. Несколько матросов-японцев было убито, а остальные японцы и два охотника европейца серьезно ранены. Лодки с трудом подняли на борт и шхуна пошла в Петропавловск с тем, чтобы найти там лечение для раненных и сообщить о происшедшем. Русские власти конфисковали около 500 тюленей, которые по их утверждению были добыты в русских водах, но не забрали каланьих шкур, которых было 91. Их, как и тюленей, взяли у Курил и в других местах до прихода судна на остров Копер. По возвращении в Иокогаму в американском консульстве было устроено дознание по этому делу, кроме того, было доложено о нем в Вашингтон и сделаны представления о возмещении и компенсациях, но без всякого результата. Когда люди с «Дианы» пытались высадиться на остров Медный они были не вооружены, они знали, что там есть местное население и их целью было получить от местных несколько тюленей, если удастся договориться.

1882 году я побывал в Англии проездом через Соединенные Штаты и поскольку я открыл новое лежбище морских котиков и получил хорошую добычу, то удостоился гораздо большего, чем обыкновенно, внимания от тех, кого интересовал промысел котиков, как в Америке, так и в Англии. Прежде чем отплыть из Японии я сделал все необходимые приготовления, чтобы мое судно вышло в море, как только откроется сезон. Кроме того, я купил долю участия в еще одном промысловом судне, которое только строилось.

В тот сезон на промысловые места вышло 13 шхун, но добычей каланов сильно пренебрегали, из-за того почти все стояли неподалеку от лежбищ котиков в ожидании, когда животные появятся на них. Наконец, несколько судов заключили договор о том, что они отойдут на охоту за каланом, а остальные займутся эксплуатацией лежбищ, когда придут тюлени добыча будет собрана в общий котел и в конце сезона поделена. Они обменялись охотниками, чтобы те проверяли

количество добычи и разошлись каждое в свою сторону. Около 120 каланов в общей сложности было добыто. Шхуны из синдиката получили благодаря договору по 1050 тюленей и 16 выдр. Во время охоты на у юго-западной оконечности Урупа в сильном сулое погибли команды двух лодок

Тот сезон охоты на каланов оказался лишен каких-либо потрясающих происшествий, но до возвращения в порт несколько судов зашли на остров Роббен за тюленями, историю об этом я надеюсь рассказать в другом месте.

Глава IX

Пленник в руках у русских

5 мая 1883 года мы отправились из Иокогамы на «Отоме» в новое плавание. По пути мы чудом избежали беды, в густом тумане едва не налетев на скалы у восточного берега Эдзо. Несмотря на то, что велось исправное наблюдение, и периодически выбрасывался лот, мы вдруг оказались со всех сторон окружены рифами, скалами, пенистыми волнами прибоя. К счастью, была середина дня, волнения на море не было, ветер держался умеренный, и нам не составило труда повернуть оверштаг и избегнуть опасности. Мы дошли до Итурупа 17 мая и спустили лодки на следующий день, но не увидели каланов. Впрочем, назавтра мы подстрелили одного.

20 мая, находясь в 45 милях от северо-восточной оконечности Итурупа, мы услышали громкие звуки, похожие на взрывы и гром. Оказалось, бурно извергается вулкан на северо-востоке острова. Вскоре мы уже увидели огромное количество дыма, исходящее из кратера. Когда мы подошли поближе, густой туман закрыл обзор, а когда проплывали с подветренной стороны горы, нас засыпало тончайшим вулканическим пеплом. Проходя Симушир, мы увидели, что вулкан на юго-западе этого острова тоже недавно извергался, и исторг большое количество черной каменистой массы, которая сильно дымилась. Неподалеку от этого острова, к востоку от пика Превост, мы испытали воздействие некоего подводного возмущения - послышался рокочущий звук, который сопровождался сильным дрожанием судна.

У восточной оконечности Парамушира мы столкнулись с туземцами, которые прежде жили на Ушишире и соседнем острове, а в последнее время на

Шиашикотане. Некоторые из них поднялись к нам на борт и рассказали о японской шхуне, которая в июне приходила на Шиашикотан - люди с нее напоили их пьяными, похитили те несколько шкур, что у них имелись, и приказали им убираться с острова. Эти бедные айны ужасно боялись японцев, и потому они в спешке уплыли на лодках на север, готовые бежать даже на Шумшир или на Камчатку. Вплоть до того времени этот сезон был самым погожим из всех, что я провел до того на Курилах. Выпало не более 8 или 9 туманных дней на месяц. Каланов было совсем мало. В мае мы спускали лодки 10 раз, добыли 7 выдр, и 7 дней из 10 оказались пустыми. В июне мы выходили на охоту 19 раз, добыли 9 выдр, пустыми оказались 14 дней. В июле мы спускали лодки 6 раз до 17-го числа безрезультатно. Мы провели в лодках 217 часов и проделали 650 миль, получив всего 16 каланов. Этот ничтожный результат заставил меня решиться попытать счастья в Беринговом море. Поэтому, оставив Курилы, 17 июля мы пошли вдоль побережья Камчатки. 24-го мы встали на якорь к северу от мыса Кроноцкий, пополнили наши запасы и собрали дров из лежащего на берегу плавника. Там случилась занятная встреча с медведем, который внезапно появился вблизи от той точки, где матросы под командой второго помощника С. заполняли бочки водой. С. выстрелили в медведя, который побежал вверх по крутому склону высотой футов вероятно в сто или больше. С. и 3 или 4 матроса, последние с топорами и дубинками с качестве оружия, последовали за медведем и, когда они достигли вершины и вошли в низкорослый сосняк, который там рос, зверь внезапно встал на задние лапы всего в нескольких футах от них. Даже не вскинув винтовку к плечу, С. нажал на курок, и все они понеслись к краю скалы, где один из них кинулся за кромку, кубарем прокатившись по крутому склону сверху донизу. Я находился к западу по пляжу, но, услышав стрельбу, вернулся как раз, чтобы увидеть, как нечто похожее на ком тряпья скатилось с вершины утеса. Поняв, что медведь не преследует их, они осторожно повернулись и обнаружили, что он мертв. Выстрел наудачу, который сделал второй помощник, пришелся ему в горло и перебил шею. Мы вскоре после того убили еще одного медведя и видели еще несколько. Кроме того, около судна было замечено стадо моржей. На следующий день мы снялись с якоря и пошли к острову Беринга. 29 мы спустили

лодки, поплыли вдоль берега острова у его южной оконечности высадились и изловили двух молодых голубых песцов, которых забрали на шхуну.

Погода была очень туманная. Мы болтались у берега, продвигаясь на север, а затем - у северного берега острова. 3 августа, до нас донеслись запах и шум лежбища.

Спустив лодки, мы поплыли на звук и увидели необъятно огромное лежбище котиков, на котором их были десятки тысяч. Подойдя поближе, мы заметили толпу туземцев на берегу, вооруженных дубинками и винтовками. Они были, казалось, настроены недружелюбно, и мы вернулись на судно. Наши матросы очень испугались, что в нас начнут стрелять. Позднее я узнал, что топы мачт шхуны, которые виднелись над туманом, указали местным на наше присутствие.

Погода стояла по-прежнему туманная. 12-го подул небольшой зюйд, туман налетал волнами. Мы спустили лодки на воду, поплыли вдоль берега разведать обстановку и высадились примерно в миле от лежбища. Оставив команду своей лодки, я пошел по берегу в сторону деревни. Взобравшись на островерхую скалу, я увидел ниже огромное лежбище котиков, а за ним деревню туземцев. Ниже меня с ближнего края главного лежбища с нашей стороны утеса я увидел примерно с тысячу котиков "холостяков", лежавших на берегу. Казалось, это наш шанс, поэтому я поспешил вниз, вывел лодки в море и повел их к этому месту, прижимаясь к берегу, чтобы не быть замеченным. Вскоре мы принялись за работу, убили около 600 котиков и принялись их свежевать. Было около 4 пополудни, когда мы высадились на берег. Три лодки были оставлены среди низких скал ярдах в ста от места, где мы произвели "забой", и, когда свежевание было уже почти закончено, я велел подогнать две лодки, чтобы загрузить в них шкуры.

Мы уже поздравляли себя с успехом, как вдруг около половины девятого, когда уже порядком стемнело, кто-то крикнул: «Они идут сюда!» Подняв взгляд, я увидел человек 30 местных, идущих к нам. Началась общая паника. Большинство моих людей побежало к той лодке, что оставалась одна и дальше всех. Я побежал к своей лодке, которая была среди, тех, что пригнали, но, увы, никто из ее команды за мной не последовал. Сотни тюленей бросились к морю, из которого там и сям торчали камни, я вместе с ними кинулся в воду, и когда мне было уже по бедра, присел за одним из камней, надеясь, что в темноте меня не заметят. Однако кто-то, наверно, меня увидел, потому что человек подошел к кромке воды и крикнул, но я

сидел тихо, и он ушел. К тому времени было уже ничего не видно, и я пробрался к тому месту, где оставалась одна лодка. Но ее уже не было. Выждав немного, я осторожно вернулся туда, где были две лодки. Их уже не было тоже, но я нашел все шкуры там, где они были нами сложены, и ни следа туземцев. Я набрел на свежесваленные ножи, несколько бушлатов, принадлежавших нашим матросам, которые они сняли во время работы и оставили, когда побежали к лодке. Я свернул их в узел и закинул на плечи, поскольку знал, что у моих людей лишней одежды не богато.

Взяв направление, в котором стояла шхуна, я спустился вдоль берега, не единожды упав из-за бульжников и трещин в скалах, ибо ночь была очень темная. Лисы, которых на острове множество, таякали поблизости вокруг меня. И я подбирал куски камней по дороге и швырял на звук, когда они раздражали меня, подходя чересчур близко. По берегу было так неудобно идти, что я попытал счастья на холмах, но и там было не лучше. Я оставил одежду и снял свои высокие сапоги, но лучше не стало, и я был рад надеть их снова. Еще до рассвета я добрался до места, где, как я прикидывал, должна была быть шхуна и, когда стало светать, я ее увидел. Когда стало достаточно светло, я крикнул, надеясь привлечь внимание кого-то на судне. Ветер дул от берега и это могло мне помочь быть услышанным. На мой крик я с удивлением услышал отклик откуда-то неподалеку. Я юркнул в заросли каких-то высоких зонтичных растений у подножия скал. Никто не появился, я снова осмелился выйти и увидел дальше по пляжу одного из своих матросов. Он убежал в сопки вместо того, чтобы бежать к лодкам, когда появились местные. И, как и я, теперь пытался попасть на судно. Я снова попытался докричаться до шхуны, пришла лодка и забрала нас.

Когда я взошел на борт, то обнаружил, что все люди там, за исключением второго помощника С., который не появился; а также, что мой вахтенный рулевой побывал в винном погребе и мертвецки пьян. Затем я вызвал боцмана-японца, который был рулевым на моей лодке, и задал ему трепку за то, что он оставил лодку. Я был голоден, как никогда прежде и никогда потом, - съел все, что было готового в буфетной, и выпил дюжину чашек кофе и все-таки никак не мог наесться. Вместо того чтобы сняться с якоря, я отдал приказ оставаться на месте, на случай, если С. появится на берегу, и держать лодку наготове, чтобы его забрать. Затем

совершенно измотанный я лег спать. Я проспал не более часа или около того, когда старый Джо разбудил меня новостью, что из-за северо-западной оконечности острова вышел пароход и идет к нам. Я отвечал: «Пусть идет, если это «Александр», нам просто прикажут убраться» - и снова заснул. Час спустя меня разбудили снова докладом о том, что пароход стал на якорь рядом с нами и с него спущена шлюпка. Я встал - к нам на борт прибыли губернатор острова, лейтенант Грибницкий, два казака и капитан парохода «Александр» Сэндмен. Пароход был под русским флагом, хотя принадлежал он Аляскинской Коммерческой компании, американскому предприятию.

Нам было задан ряд вопросов и просмотрены судовые документы и договоры найма. Нас обвиняли в том, что мы были на берегу, и сказали, что туземцы изловили несколько наших и кое-кто еще прячется в горах. Меня удивило, что у них есть такие сведения, но позже узнал, что жители деревни посылали человека в Никольский, за десять миль через остров, где стоял пароход, и сообщили, что мы находимся на северной оконечности острова. Их несколько смутило, что количество матросов соответствовало судовым договорам. Шхуну обыскали, но ничего не нашли кроме полудюжины шкурок детенышей морского льва, принадлежавших морякам. Они были в замешательстве, не зная, как поступить с нами, и я попытался убедить лейтенанта Грибницкого, что сведения, которые он получил, должно быть, относятся к лодкам с другого судна. Наконец, они решили забрать с собой наши винтовки, судовые документы и меня. Я протестовал, но вообще-то счел, что это легкий выход из трудного положения. Так что, после того как капитан Сэндмен заверил меня, что со мной будут обращаться подобающим образом, я собрал кое-какую одежду и перешел на борт парохода. Прежде чем я покинул шхуну, рулевой услышал, что они намерены отвезти меня в Петропавловск и, если он желает снова заполучить меня на борт, он должен вести судно туда же. Я сильно сомневался, что он окажется настолько глуп, чтобы это сделать.

Действия людей с «Александра», по правде говоря, застали нас несколько врасплох, ибо это был всего лишь торговый пароход без особых полномочий. Мы могли бы легко уйти, если бы захотели, при том ветре, что был на тот момент и, учитывая, что «Александр» мог делать не более 8 узлов.

Оба судна подняли якоря. Шхуна пошла на запад, а пароход прошел в противоположном направлении и бросил якорь у лежбища и деревни. Здесь он взял на борт 13 000 тюленьих шкур, которые были засолены и свернуты для перевозки. Я расположился на борту со всем комфортом, мне предоставили место возле кают-компания, а ел я за одним столом с капитаном. На следующий день С. и две моих лодки были доставлены на борт, и мы отошли от лежбища и отправились в Никольский, главное поселение острова. Из-за плохой видимости в бухту мы не могли войти до самого вечера. Когда С. доставили на борт, он не узнал меня, а – его. Как я позже узнал, его поймали, когда он побежал обратно прямо в руки туземцев – потому что ему показалось, что он услышал, будто нужно оставаться возле шкур. Его отвели на ночь в деревню и заперли в старой юрте, откуда он попытался сбежать, устроив в ней пожар, но безуспешно. Я узнал, что туземцы стерегли, когда мы появимся день и ночь, но поскольку мы так долго откладывали высадку, они решили, что мы отказались от мысли о ней. И в тот день, когда мы высадились, лишь по чистой случайности наши лодки заметил кто-то из местных, шедших на другую сторону острова – они вернулись в деревню и рассказали об этом. Из Никольского мы отплыли в Петропавловский, куда прибыли через два дня. Меня попросили дать честное слово, что я не покину поселок без разрешения. Я дал слово. На следующий день я отправился по ягоды с группой местных девушек и моряков с кораблей, а вернувшись, обнаружил, что прибыл русский флагман «Скобелев» с Адмиралом на борту. Следующий день я провел на «Камчатке», одном из судов, стоявших в гавани, а вечером навестил г-на Малавенского, главного коммерсанта в Петропавловском. Он оказался франкмасоном, и, поскольку я сам отношусь к тому же братству, он не жалел никаких усилий, чтобы быть мне полезным. По его совету я отправился к адмиралу. 21-го я подал протест против действий лейтенанта Грибницкого, с просьбой доставить меня во Владивосток, а вслед за тем в Японию, на пароходе, который отплывал через день или два. Как я узнал позже Адмирал сделал Грибницкому выговор, за то что тот взял меня с моего судна, указав ему, что, если уж он предпринял какие-то действия, то должен был захватить судно. Ниже я привожу описание тогдашнего Петропавловского, посланное мною другу – я не думаю, что с тех пор это поселение сильно изменилось.

«В Петропавловском насчитывается около 350-400 жителей. Городок состоит из сотни бревенчатых изб и обшитых досками жилых зданий, складов, церкви и других строений, и расположен на северной стороне гавани. Все лучшие здания из виденных мною были построены Аляскинской Коммерческой компанией, включая церковь - ее компания преподнесла клиру в дар, за что, конечно, благотворители были удостоены благословения. В городе всего один магазин, не без претензии, где можно купить кое-что в любом роде. Его владельцы также занимаются пушной торговлей. Я видел множество крепких на вид пони, немало здесь и коров. Должны иметься хорошая говядина, молоко и масло. Как я понял, местным позволено брать и обрабатывать столько земли, сколько они пожелают. Многие из домов стоят посреди огородов, отданных, главным образом, под картофель и репу. Сено для того, чтобы кормить скот зимой заготавливают в большой долине милях в двух трех к северу от города. Сенокос начался после нашего отъезда. В горах множество ягод. Несколько видов их очень вкусны, из них получаются отличные консервы. В реках и бухтах изобилует рыба, в частности, лосось. Пока мы стояли у пристани лосось, сельдь, треска, камбала и другие виды рыбы в огромных количествах ловились рядом с судном. Край очень богат пушными зверями - на южном побережье ловят некоторое количество каланов, в северных частях края полно белых медведей и волков множество, тогда как бурые медведи, волки, лисицы, соболь, горностай, выдра северный олень и горный баран встречаются в большинстве частей полуострова. Есть медь и уголь. А также золото, но оно не разрабатывается из-за того, как утверждают, что находится вдали от поселений. Жители Петропавловского, похоже, добродушный народ и принимают жизнь очень легко. Подобно всем обитателям здешних мест удивительно любят водку. Женщины исполняют основную часть работы за исключением такого труда как загрузка и разгрузка судов. Что, конечно, бывает, но редко. На этих работах мужчины зарабатывают от полутора рублей до одного и трех четвертей рубля в день. В городе есть полицейский участок, но местные не слишком часто его утруждают. Хотя, как я видел, похоже, здесь считается скорее авантжным, если тебя заберут, и ты просидишь какое-то время. Ведь узнику разрешается ходить на воле и заниматься своим бизнесом или работой весь день. В участок же приходят, чтобы просто спать. За каковое неудобство им выплачивают 16 копеек в день на

пропитание. Один человек был «наказан» подобным заключением за небольшую неприятность с русским матросом - он полоснул его ножом по шее. Во время моего пребывания здесь я свел знакомство с доктором Дыбовским, джентльменом, который провел в этих местах много лет. Доктор работал усердно в интересах науки, собирая коллекции животных, птиц, насекомых, растений, минералов, окаменелостей и т.д. Камчатки. Также множество предметов в его коллекциях было из Манчжурии, с Сахалина, с Командорских островов и других мест. Он открыл много птиц и растений, дотоле неизвестных натуралистам. Кроме того, доктор уделял внимание различным местным языкам и диалектам; для нескольких из них он составил словари. К сожалению, он потерял множество ценных экспонатов во время кораблекрушения, когда они были перевозимы в Европу.

Впоследствии доктору Дыбовскому была предложена профессорская должность дома. И он оставил Петропавловский на судне «Владивосток» в компании с вышедшим в отставку губернатором. По случаю их отъезда был дан бал. В полицейском участке. Поскольку он был самым подходящим местом. На бал была приглашена вся деревня. Все приоделись в праздничные костюмы, несколько мужчин щегольнули даже фраками и крахмальными воротничками. Танцы продолжались далеко за полночь. Под аккомпанемент скрипки и аккордеона, который был способен лишь пикировать несколько нот, чтобы танцующие могли держать такт. Хотя большинство жрецов Терпсихоры были грациозны в своих движениях, почти как молодые слоны, они от души веселились. Что это за танцы сказать не смогу, но похоже на то, как если бы каждый танцевал все, что ему нравилось. Некая помесь между полькой и танцем шотландских горцев была особенно популярна. Промежутки между танцами заполнялись едой, питьем и курением. Водка текла рекой. И несколько отменных экземпляров камчадала на следующее утро были обнаружены лежащими вокруг в застывшем виде. К тому же пьянство не было прерогативой мужчин - дамы пили в свою меру. А один или два юнца лет не более двенадцати-тринадцати напились в мертвую. Я полагаю, во многих частях России местные известны своим экономным расходом воды, как в качестве внутреннего, так и наружного средства. Чашка или устричная раковина, сдается мне, обычное количество, в котором многие поданные царя имеют свое утреннюю ванну. Они, однако, и в подметки не годятся кое-кому из

петропавловцев. Конечно, парная баня как заведение существует здесь, как и в других местах России, и все пользуются ею, в большей или меньшей степени, но ежедневные омовения многих из местных жителей происходят следующим образом: некоторое количество воды набирается в рот, ладонки обеих рук подставляются к лицу, вода прыскается на них и растирается по тем местам, которые полагается вымыть. Это составляет двойную экономию, ибо избавляет от необходимости иметь умывальный таз и вода к тому же согревается без расхода топлива.

Гавань Петропавловского находится на восточной стороне Авачинской бухты. Ее образует высокий поросший лесом обрывистый берег узкого мыса в полмили длиной выдающийся в море в южном направлении. На оконечности этого мыса со стороны бухты есть плоский участок низины, покрытый галькой, на котором Аляскинская Коммерческая компания построила три склада и маленький причал. Глубина воды велика даже в нескольких футах от берега, и суда могут швартоваться и разгружаться здесь. В полумиле от берега, на противоположном конце гавани, начинаются пологие склоны холмов, достигающих в высоту более тысячи футов, ближе к вершине они покрыты большим количеством строевого леса. Под берегом по восточной стороне протянулся, почти прямым углом и едва ли не до середины гавани, естественный волнолом, низкая узкая галечная коса, с обеих сторон которой вода имеет большую глубину. Промежуток между оконечностью этой косы и лежащим напротив пляжем достаточно широк и глубок, чтобы во внутреннюю гавань, как ее называют, мог войти крупный корабль и встать здесь, как в доке. На холме были высажены деревья и воздвигнут чугунный монумент в память о поражении британцев и французов в здесь в 1854 году. За деревней под северной оконечностью утеса, который формирует западный край гавани находятся две большие насыпи, огороженные деревянным забором. Под этими курганами лежат останки многих из тех, кто пал во время сражений здесь в августе и сентябре 1854 года. 4 сентября в Петропавловском красный день календаря, день ликования и безмерного потребления водки. На одном из курганов стоит большой чугунный крест грубой работы с русской надписью. На других еще два креста: деревянный с металлической пластиной, на которой вырезано «Памяти офицеров, моряков и морских пехотинцев, которые пали в Петропавловске, август,

1854»; и - фигурный железный, с надписью «A la mémoire des marines Français tués au combat de Petropaulsky, le 24 Août, 1854.

Unis pour la victoire,
Reunis par la mort,
Du soldat c'est la gloire,
Des braves c'est le sort»

Есть также и большая мраморная плита памяти французских офицеров, и морских пехотинцев которые пали 11 сентября 1854 года. В распадке между утесами на западной стороне гавани воздвигнут большой деревянный крест памяти Лаперуза, последние известия о котором, как кажется, пришли из этих мест".

23 августа я поднялся на борт парохода «Владивосток» и договорился о проезде. Мы отплывали утром 25-го и когда мы отошли примерно миль десять от Авачинской бухты, я увидел почти дрейфующую шхуну, капитан парохода подошел ко мне и сказал: «Ваши люди на борту шхуны очень глупы, что пришли сюда». Я отвечал: «Не может быть, это не мое судно», но когда мы приблизились, все сомнения рассеялись.

На несколько минут мне показалось, что капитан не собирается останавливаться и, когда мы проходили рядом, С. закричал: "Проваливайте отсюда, разэтакие вы дураки!" Вахтенный рулевой, который был на палубе, поднял руку в ответ и на судне стали поднимать паруса и менять курс. Однако, было слишком поздно; пароход развернулся и встал под кормой "Отоме". Были посланы люди на борт шхуны и ее на буксире привели в Петропавловский. Это, конечно, было сумасшедшей радостью для нашего друга Грибницкого, который теперь имел на руках нечто осязаемое. Власти принялись распоряжаться на судне, и все матросы за исключением трех японцев и боцмана, были доставлены на борт парохода "Владивосток". На шхуне провели тщательный обыск, но ничего кроме снаряжения и запасов, двух молодых песцов, совершенно ручного ворона и множества образцов, которые я собирал в научных целях, не было найдено. Образцы же представляли собой шкуры и скелеты морских львов, тюленей и других животных некоторое количество птичьих шкурок и яиц а также несколько скелетов каланов 16 каланьих шкур которые добыли на Курилах, к счастью, перед походом в Петропавловский были сбыты с рук. Эти шкуры, обернув одеялами, заложили в

большую бочку, которую зарыли под грудой камней и сора у подножия скалы на мысе Шипунский. На следующий год они были вынуты оттуда в идеальном состоянии.

На борту у меня было много мышьяка и двухлористой ртути для консервирования образцов. Яды эти вызвали у русских подозрения - они вылили всю воду до капли из бочек и баков, выбросили за борт все мои образцы и вообще все, на что мог воздействовать яд. Они также конфисковали песцов и свернули ворону шею. Большая часть находившегося на борту была опечатана. Мои заметки, лоции и зарисовки Курил отняли со следующими словами: "Это мы забираем, чтобы вы впредь сюда не возвращались".

На борт "Отоме" прислали двух русских офицеров и шесть солдат с приказом доставить ее во Владивосток. Наш пароход вышел на следующий день и в назначенный срок прибыл во Владивосток. С., поскольку его поймали на острове Беринга, отправили под охраной казака. Проводы этого казака, дюжего здоровенного детинушки, представляли собой зрелище самое гротескное. Он был местным уроженцем и собирался всего лишь во Владивосток и обратно, но вел себя так, что впору было подумать, будто его шлют на казнь. Он и его друзья рыдали так, словно сердце вот-вот разорвется, не тихо роняли слезы, а ревели ревмя. 3 сентября мы пришли во Владивосток, но поскольку никто из чиновников не принял нас под свою ответственность, нас оставили на пароходе. Адмирал на "Скобелеве" отказался нами заниматься, тогда обратились к адмиралу порта, который исполнял обязанности губернатора города, он не взялся и передал нас губернатору области, который располагался в Хабаровке. Тот тоже ничего не стал делать и передал наше дело Губернатору Восточной Сибири в Иркутске. После того, как закончился обмен всевозможными телеграммами, сей чиновник отдал приказ высадить нас на берег и поместить под арест.

4-го я телеграфировал друзьям в Иокогаму, чтобы мне устроили кредит в банке, поскольку меня известили, что мне придется внести залог, гарантирующий, что я не покину город самовольно. Мистер Даттон из компании господ Кунста и Альберса, первых тамошних коммерсантов, прибыл на борт и выступил как переводчик. Он был чрезвычайно любезен и предоставил необходимый залог.

Утром 5-го матросов-японцев свели на берег и отправили в своего рода казарму, неподалеку от месторасположения японского торгового агента, под охрану вооруженных солдат. Позже флаг-адъютант Абаза, приписанный к губернаторскому штату, известил меня, что ему поручено заняться нами. Он идеально говорил по-английски, и еще на полудюжине языков. Он был одним из самых красивых мужчин, которых я видел в жизни, и он был столь же добросердечен, сколь и красив. С ним мы сошли на берег, моего шкипера и двух охотников разместили в неиспользуемом учебном классе при солдатских казармах. Покидать помещение без охраны им не позволялось. Лейтенант Абаза и мистер Даттон представили меня в Клубе офицеров Флота и Армии, где я в дальнейшем и столовался и получил все прочие привилегии. Комнату мне отвели в доме заведующего клубом, так что при данных обстоятельствах лично я устроился очень удобно. Более того, вскоре я обзавелся огромным количеством друзей.

Британский флот (Китайская эскадра), как было известно, находится неподалеку от порта, и его ожидали со дня на день. Мой друг доктор Д. сообщил мне об этом, а также о том, что власти обсуждали желательность отсылки нас из города с глаз долой прежде, чем придут британские корабли. Он предложил мне заняться письмом и обещал лично доставить его Британскому Адмиралу, если я пожелаю дать тому знать о нашей ситуации. Я написал такое письмо, где объяснил адмиралу, что произошло и просил его, в связи с тем, что во Владивостоке нет британского консула (консулы сюда не допускались), к которому бы я мог обратиться за помощью, по возможности оказать нам поддержку. На следующее утро, 5-го, пришел флот в его составе были "Одэшес" (флагман), "Клеопатра", "Кюрасао", "Пегас", "Дэйринг", "Линнет", "Альбатрос" и "Зефир". Поскольку нас не отослали, доктор принес мое письмо обратно.

На следующий день я уведомил лейтенанта Абазу, что желал бы навестись к британскому адмиралу, и, так как возражений не последовало, я поднялся на борт и за стаканчиком шерри с галетами изложил свою горестную повесть. Когда я кончил, адмирал сказал: "Что ж, я ожидал вашего визита. Я виделся с губернатором, который все рассказал мне об этом деле и весьма любезно отзывался о вас. Исходя из его слов, я полагаю, что, как только прибудет ваша шхуна, она будет вам возвращена, и вы сможете вернуться на ней в Японию".

Я сказал ему, что, судя по тому, что я слышал частным образом, этого не случится и, поскольку русская государственная машина работает медленно, пройдут, вероятно, месяцы, прежде чем дело будет улажено, в каком случае мы не сможем уйти до весны, ибо порт в начале декабря замерзает. Затем я спросил его, не мог бы он в дружеской манере использовать свое влияние, чтобы ускорить ход событий. Он отвечал, что не представляет себе, что он мог бы сделать, и пришел сюда лишь с визитом вежливости, а поскольку власти и местное население всегда встречали его и его корабли очень сердечно, и оказывали им самый радушный прием, было бы очень неловко с его стороны пытаться вмешиваться - и тому подобное. Чем мне и пришлось удовольствоваться - я откланялся. На следующий день я отправил на флагман своего шкипера, чтобы он потормошил адмирала. Но итог оказался прежним.

Тогда я написал энергичный протест и отправил его русским властям, письменное заявление обо всем происшедшем было отослано и британскому консулу в Иокогаме на "Зефире", который собирался идти в Хакодате. Британские корабли уходили 11-го. 13-го я явился к лейтенанту Абазе, который задал ряд вопросов о захвате "Отоме" и зафиксировал мои ответы письменно. 17-го я получил следующую телеграмму из Иокогамы: "Британский консул рекомендует игнорировать уведомление Пеликана; ставьте под вопрос полномочия "Александра"".

Это я уже проделал. Уведомление, о котором идет речь, было выпущено русским консулом в Иокогаме мистером Пеликаном по наущению компании, которая имела привилегированное право на промысел тюленя на русских островах.

Соответствующие русские власти не имели никакого отношения к этому документу и даже не санкционировали его, и, когда мое дело было представлено на рассмотрение властей в России, они объяснили, что оно касается соблюдения местных полицейских правил.

20-го "Отоме" пришла в порт под русским флагом, затратив на дорогу туда 23 дня. Три японских моряка были помещены вместе со своими соотечественниками, а "Старого Джо" отвели в казармы, где располагались шкипер и охотники. На следующий день шхуну раснастили, с нее было снято все и помещено на плавучий

склад, находившийся в гавани, Власти боялись, что кто-нибудь из нас может ночью пробраться на борт и угнать ее.

День шел за днем, и ничего не предпринималось. Я ничего не мог добиться от властей кроме уклончивых устных ответов на мои письменные обращения и личные запросы, чаще всего мне отвечали, что они не получили никаких указаний. В конце сентября я послал британскому послу в Санкт-Петербург телеграмму из 94 слов, где изложил все подробности захвата, сообщил, что мы уже месяц находимся во Владивостоке и нам не предъявлено никакого обвинения и не проводится никакого следствия, что мы не можем получить никакого возмещения и британского консула, к которому мы могли бы обратиться за помощью там нет. 3 октября я получил такой ответ: "Задержание судна и имущества вплоть результата суда нарушении Российских промысловых правил".

Я прождал еще две недели, в течение которых не делалось ничего, и вновь послал телеграмму в Санкт-Петербург: "Никакого суда по "Отоме" не происходит. Более чем за семь недель не сделано ничего. Утверждается, что власти не получили инструкций. Послал протест и предъявил 50 000 долларов иска незаконное задержание и заключение команды. Если не будем отпущены можно скорее, останемся зимовать из-за льда. Захват, отлагательства, заключение совершенно неправомочны, незаконны, несправедливы и серьезны. Мое присутствие срочно требуется Японии. Прошу использовать ваше влияние для нашей защиты и уведомить британское правительство".

На что я получил ответ: "Потребовал немедленного освобождения, известил Лондон".

28-го нам сказано было явиться в "Штаб" на следующее утро к 8.30. Моряков-японцев привели строем под конвоем из двадцати вооруженных солдат с примкнутыми штыками, и нас всех проводили в большой зал судебных заседаний. Здесь присутствовали генерал князь ... (известный как "Злой принц", по слухам он был отослан в Сибирь для исправления его морального облика), начальник полиции и мистер Даттон, который выступал в роли переводчика. Дело кончилось следующим: "Британская шхуна "Отоме" ее груз и все имущество владельца на борту были конфискованы русскими властями, но имущество и личные вещи капитана, охотников и команды должны быть им возвращены и все означенные

лица должны быть освобождены. Основания, что - судно было захвачено во время охоты в запретных водах с большим количеством тюленей и каланов на борту, и что - уведомление о запрете охоты в данных водах должно было быть известно судовладельцу, поскольку оно было опубликовано в Японии.

Я протестовал против этого решения как противоречащего фактам - судно не было захвачено в русских водах во время промысла, на борту не было никаких тюленей и каланов. Мне сказали, что протестовать здесь бесполезно и, если мне угодно протестовать, я должен это делать в другом месте, а им так было приказано и они должны были приказы выполнять. Тогда я спросил, что они теперь собираются делать с командой и с остальными. Их что выбросят на улицу без средств к существованию? На это мне ответствовали, что это не их дело. Затем конвоем было приказано "кругом марш" назад в казармы, а нам сказали, что мы можем идти. Я отправил японских членов команды к японскому торговому агенту, который заботился о них, шкипер обратился к властям с просьбой посодействовать им в возвращении на родину. В тот же день я написал решительный протест против такого заключения, привел обоснование и отправил в соответствующие инстанции. Назавтра после нашего освобождения, я отправил в Санкт-Петербург нижеследующую телеграмму: ""Отоме" конфискована без суда, все матросы выброшены на улицу без средств. Власти отказывают в пище, крове или проезде в Японию, но об этом договорено частным образом".

У меня было несколько хороших друзей среди «судейских» и, когда собственность и личные вещи капитана, охотников и команды возвратились к владельцам, конфисковывать было нечего кроме голого корпуса, парусов и лодок. Мы получили все свои запасы, боеприпасы, винтовки, ружья, навигационные инструменты, хронометр, барометр и другие предметы, и продали все запасы во Владивостоке, а остальное добро забрали с собой, за исключением одной винтовки Винчестера и некоторого количества снаряжения к ней, отошедших начальнику полиции. Мы отплыли из Владивостока на паруснике «Байкал», 1 ноября и, таким образом наше пребывание в этом порту продлилось без двух дней два месяца.

5 ноября мы прибыли в Нагасаки, где шкипер и охотники отправились к британскому консулу, который занялся ими как британскими моряками в бедственном положении и отослал их в Йокогаму. Моя цель здесь, как и в других

моих действиях, состояла в том, чтобы как можно более заинтересовать этим случаем официальных британских представителей, чтобы дело получило рассмотрение в правительстве нашей страны. 10 ноября я прибыл в Иокогаму и на следующий день получил письмо от британского поверенного в делах мистера Тренча, где он просил меня с ним встретиться. Что я сделал безотлагательно. Он попросил меня дать ему полный письменный отчет о деталях происшедшего, сказав, что он собирается поставить этот вопрос перед правительством на родине, и лично сделает все возможное, как только будет в Англии, что ожидалось вскоре. Я составил претензию за потерю судна и пропущенный сезон компенсацию капитану, охотникам команде и т.д. общей суммой до 50 000 долларов. Ее соответствующим образом представили и некоторое время между двумя правительствами велась переписка по данному вопросу. Наконец мой агент в Англии, судебный юрист, который в прошлом служил в британской дипломатической миссии в Токио, написал мне, что чиновники правительства известили его, что существуют политические причины, по которым настаивать на моей претензии нельзя, и частным порядком, порекомендовали мне, передать дело в Санкт-Петербург. Это я делать не стал, поскольку посчитал пустой тратой времени, на чем дело и кончилось.

Владивосток на момент моего там пребывания был совершенно не тот, что ныне. Тогда там было всего 10 000 жителей. Дома главным образом бревенчатые, беспорядочно рассыпались по склонам холмов мили на три по северному берегу гавани, никакого очевидного порядка в планировке не просматривалось. Ни приличной гостиницы, ни лавки мясника, ни аптекаря, ни портного, ни скобяной лавки, ни банка. Но имелось два или три универсальных магазина, главный из них принадлежал господам Кунсту и Альберсу, которые выступали во всевозможных областях бизнеса - и как коммерсанты, и как банковские агенты, и как страховые агенты, и как агенты пароходств, и как содержатели складов и магазинов, и как правительственные подрядчики и т.д. Лично я очень приятно провел там время, завел множество друзей, наслаждался верховой ездой, катаниями и стрельбой – лейтенант Абаза, добился для меня возвращения моего ружья и боеприпасов. Фазаны, вальдшнепы, пернатая дичь и бекасы водились там в изобилии. Однажды у меня выдалась горячая охота на бекаса, и я уже добыл с полдюжины пар и пять

птиц были на земле, когда я заметил троих полицейских, которые перебежками подбирались ко мне с разных сторон. «Что случилось?» - подумал я. Все они добежали до меня одновременно и принялись при помощи горячей жестикуляции, русских слов и угрожающих поз показывать мне, что здесь охота запрещена, и я убрался оттуда поскорее, даже не прихватив с собой некоторых из убитых мной птиц.

Те же, кто был ограничен в передвижениях учебным классом и территорией казарм, не знали, как убить время, и развлекались, рисуя мылом на окнах комнаты, где они были расквартированы, карикатуры на своих тюремщиков и на лейтенанта Грибницкого, с подписями, которые кое-кто из русских принял всерьез. Когда их выводили на прогулку под конвоем, они устремлялись в разные стороны, чтобы заставить свою охрану поплясать. Однажды среди японских матросов вспыхнул мятеж, они напали на охранников, разбили кое-кому из них головы бутылками и отняли у них оружие. Прибыло подкрепление, бунт был подавлен, после чего охрану удвоили. Причиной возмущения оказалось то, что им положено было шесть с половиной копеек на покупку еды, и с этого скудной суммы охранники умудрялись снимать пенки, из-за чего люди были голодны, и это привело их в отчаяние. Я сообщил об этом происшествии моему другу лейтенанту Абазе, который немедленно принял меры, и охранники были наказаны, а содержание моряков было увеличено до тридцати шести копеек в день.

Через некоторое время после моего возвращения в Йокогаму на обеде, который давали мои французские друзья, я встретился с русским адмиралом и некоторыми офицерами со «Скобелева» и был им представлен. Нечего и говорить, что мы и словом не обмолвились о нашей предыдущей встрече в Петропавловском!

Глава X

О чудесных спасениях

Пароход, который я заказал в Англии в 1882, вступив в долю с двумя своими приятелями, прибыл в конце 1883 года, но поскольку для промысла он не годился, то был отправлен на рейсы вдоль побережья Китая. Судно оказалось невезучим

сначала и до конца. Сперва разорились наши агенты в Англии, что повлекло некоторые потери для нас, затем обанкротились судостроители, с которыми мы заключали контракт, и нам пришлось забрать судно и доводить его самим, таким образом, мы потеряли еще некоторое количество денег. К тому времени, когда пароход прибыл на Дальний Восток, он стоил вдвое против того, на что мы рассчитывали изначально. Этим полоса несчастий не закончилась, потому что первые два фрахтователя, китайцы, столкнулись с трудностями и мы не получили всех денег по чартеру. Затем некоторое время судно себя окупало, но, в конце концов, было поставлено на прикол и продано с большим убытком.

Даже при его продаже нас ожидали новые несчастья. Когда передача оформлялась, выяснилось, что юридическая фирма в Лондоне, которая готовила документы, допустила ошибку в имени одного из партнеров, и из-за проволочек, вызванных этой ошибкой, продажа расстроилась. После того, как все было приведено в порядок, на что ушло, разумеется, несколько месяцев, судно продали по цене гораздо более низкой чем, та о которой был уговор вначале. Затем мы купили русскую шхуну «Немо», которая продавалась по распоряжению русского консула, чтобы выплатить жалование команде и прочие долги. Мы снарядили ее для промыслового сезона 1884 года и отправили в рейс, я же остался в Иокогаме, чтобы приглядывать за бизнесом, пока мой партнер ездил на родину.

Этот год показал дальнейшее снижение интереса к добыче калана, большинство шхун больше внимания уделило охоте на тюленей. Некоторые решились зайти в Берингово море и посетить острова Прибылова. «Немо», после того как она зашла на мыс Шипунский, и забрала спрятанные там в прошлом сезоне шкуры, как уже было описано, присоединилась к ним. Она вернулась в конце сезона с 19 шкурами калана и 500 шкурами тюленей, но без двух охотников, которые перешли на другое судно, «Адель», и были захвачены американским таможенным катером. Их вместе с судном отправили в Сан-Франциско, где после допросов они были освобождены и вернулись в Японию, судно же было возвращено его владельцу в Иокогаме.

К ноябрю 1884 года я свалился с брюшным тифом, врачи считали мое положение безнадежным. Однако благодаря неусыпной заботе тех, кто меня выхаживал, я выкарабкался. Вслед за этим произошли новые потери в бизнесе, и у меня осталось ровно столько денег, чтобы выкупить «Немо» и снарядить ее для сезона 1885 года.

Который мы начали поздно, задержавшись в порту до 23 мая. Примерно за две недели до отплытия случился тот сенсационный инцидент, когда русский Адмиральский корабль «Владимир Мономах» стоя на якоре у Иокогамы сыграл боевую тревогу и направил свои орудия на корабль Ее Величества «Агамемнон» вышел с ним на одну линию, заходя на якорную стоянку в сопровождении «Сапфира» и «Свифта». В это время отношения между Англией и Россией были очень напряженными. И британские корабли тенью следовали за русскими, где бы те не появились. Что очень сердило русских. Британские корабли загрузились углем и снова стали на рейд в тот же вечер, готовые последовать за русскими, будете покинут Иокогаму. В течение дня японцы поставили на якорь один из своих военных кораблей параллельно «Владимиру Мономаху», в качестве своего рода протеста против угрозы нарушения нейтралитета порта. Я в тот момент был на борту «Немо» и наблюдал за тем, как входят британские корабли, но довольно далеко от «Владимира Мономаха» и не видел, что в действительности происходит у него на борту.

Мы прибыли на промысловые места в начале июня, но охоты не было пока мы не прибыли на Итуруп. Там мы выходили на лодках трижды, прежде чем забили нашу первую выдру. В том месяце мы 9 раз спускали лодки и прошли 225 миль ради четырех каланов. Июль и август оказались хуже, подходящая для охоты погода бывала редко, а когда выдавалась, каланов мы не видели. Часто налетали штормы, мы чудом избежали крушения и потеряли несколько якорей и часть якорной цепи. Видя, что выдр так мало, я решил отправиться к Шикотану починить паруса, заправиться водой и дровами, а затем снова идти на север и попытать счастья с тюленями. По пути к Шикотану у юго-западной оконечности Итурупа наблюдался странный феномен. Около 9.40 вечера 4 сентября дул очень легкий неровный юго-западный ветер и на море было некоторое волнение. Было облачно в связи с тем, что был четвертый день новолуния луна не светила. Мое внимание было привлечено к яркому свечению на юге, которое, как казалось, приближается к судну. Поначалу издали это походило на яркий свет луны сквозь прогалину в низких облаках. По мере приближения, на значительной скорости стремительными рывками свечение приняло облик светящегося облака протяженностью около 100 ярдов - нечто вроде гигантского ignis fatuus . За удивительным облаком света с

тревогой следили те, кто находился на палубе, люди в некотором трепете и беспокойстве гадали, какой эффект произведет объект столь жуткого вида при столкновении с кораблем.

Он налетело и внезапно охватило всю шхуну – его свет был настолько ярк, что я мог определить время по своим часам. Этот феномен, чем бы он ни был, похоже, двигался независимо от ветра. Через примерно восемь минут оно вернулось и прошло мимо корабля на маленьком расстоянии в обратном направлении. Я думаю уместно будет заметить, что восемь лет спустя, при возвращении с промысла тюленей, палубная вахта наблюдала нечто похожее 3 октября, когда мы находились примерно в том же районе. В этом случае моя каюта находилась на корме неподалеку от трапа, который вел наверх в кокпит. Я лежал на своей койке и слышал, как двое охотников обсуждают появление света, который они заметили в некотором отдалении. Один сказал: «Здесь нет поблизости маяков». А второй «Это больше похоже на то, как корабль горит в тумане». Я соскочил с постели и пошел на палубу. Увидеть свет я опоздал; они рассказали, что он находился на востоке и к судну не приближался. Никто на борту не знал, что я уже был свидетелем такого зрелища за несколько лет до того. Кларк Рассел в своем романе «На необитаемом острове» описывает сходный феномен.

Добравшись до Шикотана, мы встали в бухте Анама, красивой, закрытой со всех сторон гавани на северо-западном берегу, там мы оставались 11 дней, немного рыбачили и охотились на берегу, основательно починили наши паруса и такелаж, вновь подготовившись к путешествию на север, где мы ожидали встретиться с суровой погодой. Мы не обманулись, ибо нас едва не выбросило на берег на северо-восточной оконечности Итурупа при сильном штормовом ветре 19-20 сентября. 28 мы наведались на скалы Мушир и добыли 212 тюленей. 1 и 2 октября мы снова попали в сильный шторм, который закончился снегом. До тех пор сезон был очень плохим, и я решил снова проведать наших друзей на острове Беринга. 11 октября мы подошли к этому; прямо перед нами лежало южное лежбище котиков. К нам приблизилась лодка с полудюжиной людей, они предлагали сменять тюленьи шкуры на одежду часы провизию и табак. Мы подошли к берегу и бросили якорь. С. и еще три человека на нашей лодке высадились на берег. Трое местных, среди них и их вожак, остались у нас на борту в залог добрых их

намерений. Они оставались всю ночь. Барометр упал до 28,85 дюйма , и это заставило меня ожидать сильной бури.

Наш гость, вожак прибывших, видя, что я постоянно изучаю показания барометра заметил: «Одна черт, мало-мало ветер сильный будет, сейчас хорошо. Завтра ночь много дует, много звезды». При этом он быстро сжал и разжал ладонь, изображая мерцание. Около 4 утра началось волнение и ветер, так что мы снялись с якоря и отошли от берега. Затем снова подошли к берегу и высадили еще двух местных, по их совету оставив на борту вожака. Он в это время спал, а когда проснулся и обнаружил, что он в море и надвигается шторм, его это несколько встревожило. Мы договорились, что к вечеру мы снова подойдем к берегу - высадим его и закончим наши дела, если погода позволит. Но ветер усилился до штормового, и ночью мы обошли южную оконечность острова в надежде выйти на малые глубины и встать подветренной стороны берега, пока шторм не уймется. Барометр теперь показывал 28, 85 дюйма. К востоку от острова ветер срывался с гор с ураганной силой и, несмотря на двойные рифы, нас бросало так, что судно ложилось на борт. Нам пришлось спустить все паруса и некоторое время идти по ветру на голых мачтах, в конце концов, мы подняли сильно зарифленный фок. Наш алеутский гость был в очень плохом состоянии - он боялся, что корабль погибнет. Он рассказал что в подобный шторм американская шхуна перевернулась неподалеку от берега и затонула. Я попытался его ободрить, но он продолжал молиться Пречистой Деве (эти туземцы исповедуют православие) и когда ветер стих это стоило ему уже тринадцать с половиной рублей, как он мне сказал, за свечи которые он поклялся поставить в своей церкви, если останется цел. К лежбищу мы смогли вернуться только 15-го. Тюленей там осталось немного, мы получили только 235 шкур от местных. Наш гость высадился и тут же запряг своих собак, чтобы ехать в далекий – 25 миль отсюда - поселок Никольский, чтобы исполнить свой обет. Мы отдали нашим алеутским друзьям всю одежду и все припасы которые могли выделить. Они не принимали денег – боялись, что это их выдаст. Мы договорились что в это же время на следующий год мы их снова навестим, составили список их просьб и пообещали все привезти. Погода по-прежнему стояла ненастная, и по все признакам стоило ожидать нового сильного

шторма, больше сделать ничего было нельзя и после обеда 20 октября я взял курс на Курильские острова.

Пока мы были в море с нашим алеутским гостем С. переживал приключения на берегу. Первым делом, когда он поселился у местных, они убили тюленя и натерли его кожей всю одежду С., это, как они сказали, нужно было для того, чтобы его узнавали собаки. Они стали бы лаять и тревожиться если бы он пах не так как они. Тюленьи шкуры, особенно шкуры крупных самцов, обладают сильным мускусным запахом, очень вьедливым. И повозившись со свежими шкурами, приходится не раз вымыть руки, пока не отойдет. Он не неприятный. В итоге: на следующий вечер после того как мы ушли в море собаки дали знать о приближении визитеров, которые как алеуты сказали С. прибыли наверно из Никольского на собачьей упряжке и ему пришлось скрываться и прятаться в сопках пока они не уехали. По тамошнему климату это означало померзнуть как следует. Но деваться было некуда, и С. провел невеселые семь или восемь часов на открытом воздухе.

Приехавший оказался казаком, который направлялся в маленький поселок милях в двадцати или тридцати оттуда. Он оставался там до рассвета и уехал, ничего не заподозрив, алеутам удалось как-то отчитаться за отсутствие своего главного.

Когда главный алеут поднялся на борт возникла несколько комическая ситуация. Он постоянно обращался ко мне "капитан Майлз", хотя как ему пришло в голову это имя, я понятия не имею. Один из первых вопросов, которые он мне задал, было - откуда мы. Мы отвечали, что из Японии. Следующий вопрос был: Знаком ли мне капитан Сноу? Я ответил, что отлично его знаю, и в свою очередь спросил, отчего его это интересует. Он сказал «О! Он негодяй! У него пароход и две шхуны, он сюда приходит тюленя бить». Я сказал ему, что, по-моему, это не совсем правда. Он сказал: «Я савез – я знаю. Мы его поджидаем. Ты ничего – ты очень хороший человек. Капитан Сноу – негодяй!» Как можно себе представить, мы с большим трудом удержались от смеха. Следует заметить, что прежде, чем мы вышли из Иокогамы, в газетах появились телеграммы о том, что англичанин по фамилии Сноу снаряжает пароход и две шхуны для промысла тюленей в Беринговом море. Судя по всему, новость эта долетела до Камчатки и Командорских островов, и туземцев предупредили, чтобы они были начеку.

26 октября мы снова были у скал Мушир, там на залёжке мы нашли некоторое количество тюленей, но высадиться не дала бурная погода. Однако на следующий день не без сложностей мы добрались до скал и были вознаграждены добычей в 172 отличных тюленя. Затем с попутным ветром мы пошли на острова Среднего, прибыли туда 12-го и добыли 12 тюленей. Здесь случилось небольшое происшествие. Нам пришлось бить некоторых тюленей из винтовки, и пуля, выпущенная С., прошла мимо и, ударившись о камень, попала в бедро одному из людей; она глубоко вошла в плоть, но не задела кость. Я попытался вынуть ее щупом, но мне это не удалось, так что забинтовал рану, которая быстро затянулось, и раненый опять стал, как новенький. Затем я решил взглянуть на остров Робен, на другой стороне Охотского моря, у Сахалина. Мы прибыли туда 2-го ноября и нашли там на якоре три шхуны, «Розу», «Феликса» и «Пенелопу», на каждой по 420 тюленей. Еще одна, «Оцега», только что отошла, имея на борту 500 тюленей. В воде было много тюленей, но на залёжку они не собирались. Поскольку шансы добыть что-нибудь были невелики, я снова при легком ветре направил судно на восток. 5-го с юго-востока налетел шторм, барометр упал до 28,68 дюймов. Ветер дул с ужасающей силой нам пришлось встать против ветра, взяв двойные рифы на фокке. Когда мы попытались при перемене ветра лечь на другой галс, парус порвало по второму рифу из-за небрежности помощника, который не выбрал его как следует прежде, чем переложить на другой борт.

Теперь мы дрейфовали с полностью зарифленным фоком, а ветер переменял направление на юго-восточное и дул с ужасной штормовой силой весь день 6-го. Около 4 часов дня мы заметили верхушку Итурупа на юго-востоке. Во время ночной вахты, после полуночи 7-го, на борт обрушилась большая волна сорвала одну из наших лодок с найтовов и выбросила ее в море. К полудню ветер стал умеренным. Судя по приборам, мы находились в семидесяти милях к северо-востоку от нашего счислимого места, так что спустились под ветер, чтобы пройти северо-восточную оконечность Итурупа. На следующий день ураган стих и мы поставили на запасной фок. Во время этого урагана погибли «Феликс» и «Оцега» со всеми своими экипажами. Обломки последней были найдены на северо-восточной оконечности Итурупа. Но от «Феликса» не осталось и следа,

предполагали что он опрокинулся. «Пенелопе» и «Розе» пришлось очень несладко, но, к счастью, они пережили шторм без особого ущерба.

С этого момента и до того как мы вошли в порт, ветра у нас было все время больше чем нужно, но он был попутным, и мы прибыли в Йокогаму 14 ноября. Таким образом, закончился сезон 1885 года. Общая добыча наша составила 674 тюленя и четыре выдры.

1886 год начался неудачно – человеку, которого я нанял в качестве вахтенного, случайно прострелил горло один из охотников, и он скончался от последствий этой раны. Я взял другого и мы отплыли 20 апреля. Приблизительно на 38° 54' СШ и 142° 6' ВД мы оказались близко от некоего подводного возмущения. С судна это выглядело, как кипящий ключ посреди окружающих вод. Море на участке диаметром около 70-80 ярдов обратилось в мятущуюся, пузырящуюся, клокочущую массу, вздымающуюся над остальной поверхностью воды. Чувствовался легкий сернистый запах. Мы прошли в ста ярдах от этого возмущения, но скорость наша была слишком высока, чтобы сделать какие-нибудь замеры.

29 апреля мы подошли к Итурупу и добыли одного маленького калана. Через три недели добыли нашего второго. 22 мая, стоя у северной оконечности Кетой, мы замечательным образом избежали крушения. Место, где мы встали, имело плохой грунт – дно было покрыто округлыми камнями размером с человеческую голову. Возвышенность берега поблизости составляла большой полукруг из почти отвесных скал, несомненно, часть древнего кратера, с низким плоским участком суши, заполняющим впадину, и береговая линия была почти идеально прямой, в отдалении вздымались высокие горы. Ночью с севера пошла крупная волна напрямиком в сторону берега и при этом не было ни малейшего дуновения ветра, которое дало бы нам развернуться ей навстречу. К утру волнение еще усилилось и было видно, что снаружи сильно подувает, но до нас по-прежнему не долетало ни ветерка – из-за своеобразной формы берега ветер не отражался в нашу сторону. Мы стояли на двух якорях при цепи, вытравленной на 75 сажений, но нас постепенно потащило к берегу, и мы оказались почти в полосе прибоя. Все паруса были поставлены, якорные канаты были подготовлены для расклепывания, с линем, пропущенным через корму; чтобы обеспечить правильное положение судна в

момент маневра, когда мы сумеем поймать ветер. Это было очень напряженные минуты. То и дело на судно обрушивалась волна, прокатываясь от носа до кормы, и нам приходилось цепляться изо всех сил, чтобы не погибнуть. Одна из волн, необычайно крупная, наполнила водой нашу лодку, которую мы держали на палубе, и вышибла световой люк в каюте. Судно при этом потянуло назад с такой силой, что едва не лопнули тросы; затем, когда эта волна прошла, из-за отсутствия ветра вес цепей и их натяжение заставили судно нырнуть вперед и врезаться в следующую волну, которая, разбившись о нос, накрыла нас всех.

Мой вахтенный, старый моряк, плававший прежде на крупных глубоководных судах, сказал, что возможности спасти шхуну нет, и велел кое-кому из команды вооружиться топорами, чтобы рубить мачты - чего я, конечно, не позволил. Но вот налетел легкий порыв ветра, затем еще один, и я понял, что ветер поднимается. Все были наготове. И даже стаксель был закреплен на грот-стеннге, чтобы в нужный момент быть поднятым. Поскольку команды у нас была очень большая – двадцать пять человек – для такого маленького судна, можно было одновременно совершать все необходимые действия. И через несколько минут без всякого промежутка налетел бриз, в нужный момент тросы были выпущены, стаксель на грот-стеннге поднят; паруса наполнились и шхуна вылетела в море, громкое «ура» послужило некоторой разрядкой для наших порядком взвинченных нервов. Пройдя оконечность острова, мы были вынуждены стать против ветра, настолько ветер был сильным. Теперь нам недоставало якорей, и у нас остался только швартовый трос и 30 сажений цепи. Поскольку вдобавок к двум якорям и цепям только сброшенным мы оставили за два дня до того дальше по берегу еще один и 45 сажений цепи. Два дня спустя мы вернулись и забрали цепи якоря – прежде чем отпустить мы прикрепили к ним буи. Ни к чему и добавлять, что больше я там на якорь не становился. Во время охоты в этих местах приходится идти на риск. Хороших якорных стоянок не существует. Есть, конечно, места получше остальных, но не всегда возможно до них добраться. И чтобы не нас не унесло, и мы могли поохотиться, мы «втыкали свой крюк» там, где промеры показывали, что это возможно. Нет нужды говорить что наши суда не застрахованы. Ни одна страховая компания не пошла бы на такой риск, разве что если бы страховые взносы были бы неприемлемо высокими.

Ближе к концу мая мы встретили другие шхуны и узнали об аресте капитана шхуны «Арктика» и казначея американского военного корабля «Оссипе», который был его пассажиром. Вышло так, что казначей был арестован на борту своего судна в гавани Йокогамы за незаконное присвоение доверенных ему средств. Кое-кто из его дружков на берегу, вероятно, при попустительстве некоторых членов команды, подготовил ему побег. Ночью к кораблю подошла лодка, взяла казначея и отвезла его на борт охотничьей шхуны, которая уже вышла из порта и стояла на рейде, готовая отплыть на промысел на север. Шкипер, который командовал шхуной поддался на уговоры и согласился за определенную мзду взять казначея на борт пассажиром. Все прошло гладко, но через несколько дней после отплытия шхуны кто-то из участвовавших в вызволении казначея выдал сведения о том, куда тот делся, и также донес властям, что шхуна, вероятно, зайдет на Шикотан по пути на север. Опираясь на эту информацию, два или три американских корабля пошли на север, чтобы взять беглеца. Тем временем «Арктика» зашла в залив Анама Шикотане. Когда она стояла там на якоре, при входе в бухту появилось несколько военных кораблей под русским флагом. В то время американские корабли на базе в Китае были еще старой постройки и выкрашены в черный цвет, как и русские, и было легко принять одни за другие. Однако казначея обмануть не удалось, он знал эти корабли, и, поспешно высадившись на берег, ринулся в горы. Один из кораблей зашел в бухту с него на шхуны отправили людей и учинили дознание, но ничего не добились. В эту же ночь остров сотрясло сильное землетрясение. Тяготы ночи проведенной под открытым небом и страх внушенный ему землетрясением заставили казначея на рассвете выйти на берег и сдаться. Он, шкипер «Арктики» и найденные на борту 3000 долларов были доставлены обратно в Йокогаму. Шкипер предстал перед консулом США и был приговорен к шести месяцам заключения. Казначей был отправлен в Штаты, где благодаря влиятельным заступникам ему удалось выйти сухим из воды, впрочем, службу ему пришлось оставить.

Перед отплытием из Йокогамы меня спрашивали нет ли у меня на борту места для пассажира, некоего мистера С., который желал бы прокатиться на север. Мне сообщили что его отослала его семья поскольку стоило ему добраться до алкоголя как он принимался беспробудно пить, без доступа же к алкоголю был отличным компаньоном и славным малым. Он явился ко мне, и я согласился его взять,

поскольку у меня была свободная каюта. Я довел до него что буду распоряжаться всем вином и любым спиртным которое он вздумает распорядиться доставить на борт, и буду ему позволять выпивать ежедневно лишь определенное небольшое количество. Этого-то он бы и хотел, отвечал он. Я нашел в нем приятнейшего, хорошо образованного спутника и вел он себя безупречно. Он оставался со мной до 18 августа. За день до того мы встретили другие промысловые суда во время визита на них ему предложили выпить и он яростно последовал приглашению, стремясь наверстать упущенное за время воздержания. На следующее утро, протрезвившись и узнав, что одна из шхун идет на юг, чтобы доставить своего владельца в Иокогаму, также решил туда отправиться. Я попытался убедить его остаться, ибо это ему будет полезнее, но мне это не удалось. Он добрался до Иокогамы и поселился там в одной гостинице, но вскоре был вынужден оттуда съехать из-за своего пьянства. Он перебрался в другую, хозяйка которой была дама с прошлым и широко известная. Однажды он явился в обеденную залу без сюртука, дама выразила ему свое возмущение. Он отправился в свою комнату, а через некоторое время раздался выстрел и его обнаружили мертвым, его голова была прострелена револьверной пулей. Мы спустили лодки на воду сорок раз прошли на веслах 600 миль и добыли всего 17 выдр. Также мы добыли 200 тюленей для того времени что мы провели в море добыча очень небольшая.

В начале октября я подготовился к отплытию на остров Беринга, чтобы сдержать свое обещание нашим тамошним друзьям и привезти им вещи, о которых они просили в прошлом году. После короткого плавания на север мы в четыре часа пополудни 10-го увидели небольшое лежбище котиков. Ветер был попутный, и мы подошли совсем близко к берегу, дали условленный сигнал, выбрали стаксель против ветра и позволили судну постепенно отдрейфовать. Мы видели несколько тысяч тюленей на залежке. Несколько местных вышли из домов но нужного сигнала в ответ они не подали и ничем не показали, что собираются подойти к шхуне. Мы прошли на второй заход и повторили те же действия. Мой старик вахтенный пришел в сильное возбуждение, увидев столько тюленей, и хотел спустить лодку и подойти к берегу. Он сказал что ничего не боится. Но я этого не позволил и посоветовал ему подождать. Мы снова подошли и подали сигнал тут явились двенадцать человек вооруженных винтовками и заняли позиции за

насыпью. Я сказал старику спустить лодку и отправиться на берег если ему угодно. Но не т нужды говорит что теперь ему так же не терпелось убраться в море как прежде оказаться на берегу. Мы дали парусам набрать ветер, встали на галс, отсалютовали людям на берегу, приспустив флаг, – вежливость великое дело! – снова пустились к Курилам.

Где-то через год я узнал, что весть о нашем прошлом визите разгласила женщина. Во время нашего пребывания там была только одна, она и С. (дюжий парень) завели очень тесные отношения во время его краткого пребывания на берегу, пока старшина местных был с нами в море. По дороге назад на Курилы два дня нас трепал сильный шторм и бросали огромные волны. Примерно в это время мой японский боцман, отличный моряк и один из лучших членов команды за все время моих плаваний, свалился с серией судорожных припадков и перестал подавать признаки жизни – перестал дышать и, насколько я мог определить, его сердце не билось. Я всыпал ему в глотку нюхательной соли и принялся его возвращать к жизни с помощью искусственное дыхание. Прошло немало времени, и, наконец, он стал оживать и постепенно поправился. 26 октября мы дошли до Райкоке и, подойдя к лежбищу, увидели на берегу около 600 котиков но на этой стороне острова высадка была невозможна. Райкоке, это погасший вулкан около 2000 футов и диаметром в милю. Обойдя его кругом с подветренной стороны, я высадился на берег и взобрался на гору, до края кратера. Восхождение это было очень нелегким склоны оказались очень крутыми и их покрывал сыпучий шлак. Пять дней мы простояли там, то подходя ближе, то отходя от берега. В надежде что нам удастся высадиться но ветер и волнение были слишком сильны. Разочарованный, что на Райкоке нам не удалось взять ни одного тюленя, я решил отправиться к острову Роббен. После хорошего перехода мы прибыли туда утром 3-го ноября, высадились на берег и нашли там тысячи туш среди которых было много неосвежеванных, как будто кто-то очень торопился побыстрее убраться. Неосвежеванные тюлени были испорчены. Больше тюленей на залежку не выбиралось. Да и в воде их было немного. Еще одно разочарование! И тогда я предложил охотникам выбор или идти снова на Райкоке или возвращаться в Иокогаму. Ответом мне было: «Поступай, как считаешь нужным». «Тогда возвращаемся на Райкоке», сказал я. «Выпало много снега и все тюлени ушли».

«Под конец сезона погода будет слишком плохая!» и так далее. Однако я все же пошел на Райкоке. Переход был отличный всю дорогу мы делали по 9-10 узлов и 5-го ноября мы снова оказались вблизи лежбища, где, похоже, стало еще больше тюленей. Ветер и волнение были по-прежнему ужасны на остров было совсем нельзя высадиться, разве что на скалистом берегу на противоположной стороне. Я решил там высаживаться а затем, перевалив через гору выйти к лежбищу набить тюленей и попробовать вытащить шкуры в лодки чрез прибой линиями. Для этого их нужно было дотащить до угла который образовывал утес - неподалеку отсюда была большая скала, которая могла обеспечить хотя бы некоторое укрытие от волн. Рано утром на следующий день я предложил двенадцати добровольцам пойти со мной. На берег высадились один охотник двенадцать человек и я. Прихватив с собой сытный обед, некоторое количество пищи и воды чтобы оставить на месте высадки на случай если судно несет в сторону. Я планировал подняться прямо к кратеру и спуститься с другой стороны – это был самый короткий и вероятно самый быстрый путь. Пройти по пляжу было невозможно поскольку его загромождали высокие скалы. Мои люди не сумели преодолеть подъем, куски шлака прорезали их обувь, в кровь изранив им ноги. Тогда нам пришлось обходить гору по склону, не пройдя и полпути до вершины. Я и еще шестеро добрались до противоположной стороны примерно через полчаса после полудня. Рядом с нами оказалось небольшое стадо тюленей голов в тридцать и к тому времени как, порядком измотанные, подспели остальные, мы уже забили и освеживали большую часть зверей. Отдохнув, мы решили взяться за большое стадо, оно однако находилось в неудобном месте, среди огромных валунов, и мы никак не могли туда добраться, кроме как, спустившись с уступа высотой около 50 футов. Было необходимо отрезать им путь к воде, иначе большая часть ушла бы от нас. Поэтому меня и еще одного человека спустили с уступа, нам удалось отвлечь три четверти стада, а остальные тем временем обошли тюленей с тыла. Нам удалось забить около четырехсот зверей. Вытащив и разложив их, мы начали их свежевать, и успели справиться с сотней.

Наступала темнота, мы снялись и направились к уже упомянутой скале.

Нависающий край ее создал там нечто вроде пещеры. Там мы провели тягостную ночь без еды, воды и сна. Тринадцать часов темноты показались бесконечными.

Наконец рассвело и мы снова принялись свежевать туши и к полудню управились еще с полутора сотнями. На большее люди остававшиеся так долго без воды и пищи были не способны и я собрал их и двинулся в обратный путь вверх по склону. С этой стороны подъем были легче, поскольку мы могли подниматься по старому лавовому потоку, там был более твердый грунт. Мы прошли по кромке кратера. Спускаться по той стороне было сравнительно легко. Я и еще два охотника первыми прибыли к нашей лодке. Как следует, напившись и перекусив, мы поплыли к шхуне которая стояла под ветром совсем недалеко.

Нам была очень нужна ночь хорошего сна, и мы ее получили. На следующее утро, взяв с собой новую команду из девяти человек, я снова пустился в путь. Ветер поменялся, стал нордистее, но нам удалось - не без некоторого риска, впрочем, - высадиться дальше по острову. Что сэкономило нам некоторое количество пути по склону до лежбища. Вторая лодка под командой С. сопровождала нас и стояла поодаль на случай если нас перевернет в прибое при высадке. Мы успешно высадились и вытащили свою лодку. Оставив, как и в прошлый раз, запасы воды и еды возле лодки, мы пошли в гору и, добравшись до лежбища, освежевали остаток тюленей. Свежевание было долгой и трудной работой из-за того что звери были крупные и лежали неудобно между больших валунов. Уже стемнело когда мы подняли шкуры на уступ откуда надо было доставить их в пещеру. Мы провели под скалой еще одну неприятную ночь. Периодически шел снег. На рассвете мы оттащили шкуры в пещеру и по склону горы вернулись к нашей лодке. Боцман и мой рулевой не вернулись с нами они вызвались провести там еще одну ночь чтобы по прибытии лодки вытащить шкуры когда на следующее утро придет лодка. Я прибыл к месту где мы оставили пищу и воду около двух часов и к своему удивлению обнаружил что части еды недостает. Шхуна едва виднелась милях в десяти на юго-востоке, под одним только стакселем. Пока я пытался сообразить, кто мог поживиться нашей едой, появилась лодка, которая сопровождала нас накануне, завернула за мыс и подошла к нам. Они рассказали, что вахтенный поднял парус и ушел в море, не забрав их, и им пришлось вернуться на остров и провести здесь ночь. На многих не было шапок, а один и вовсе был в рубашке. Они провели на камнях ужасную ночь. Я спросил почему они не поплыли к шхуне утром когда ее уже можно было увидеть со спущенными парусами с верхушки

скалы. Они сказали что не хотели рисковать из-за обратных течений и снежных шквалов - они могли упустить ее опять, если вахтенный снова поднял паруса. Поскольку надо было что-то делать я предложил, чтобы пять добровольцев поплыли со мной. Вскоре мы уже гребли в пять весел в направлении шхуны. Перед тем, как отплыть я велел С., если шхуна придет без меня искать нас на ближайшем острове, на Матуа, потому что я не стану пытаться вернуться на Райкоке против ветра. Пока мы гребли, ветер ослабел до легкого бриза, иногда налетали снежные шквалы. После почти трех часов изнурительной гребли мы, наконец, добрались до цели и, как можно себе представить, я был не в лучшем расположении духа. Едва мы оказались на палубе, я, боюсь, разразился весьма крепкими выражениями и, схватив вахтенного за шкуру и за сиденье штанов, отволол его в его каюту и велел оставаться там до конца рейса. Затем мы поставили паруса, чтобы идти к острову. Мы добрались туда на рассвете, и наши люди поднялись на борт. Волнение улеглось, ветер был небольшой, мы наскоро позавтракали, а затем наша большая запасная шлюпка и еще одна лодка поменьше, под командой С. вышли к месту, где хранились наши шкуры. Лодки подошли близко, и вскоре все шкуры были на борту. На шхуну команда возвратилась около полудня. После чего мы взяли курс на Йокогаму, очень довольные своими успехами. Это, однако, было не самое тяжелое из подобных предприятий, в которых мне довелось участвовать.

На следующий день 11-го ноября вахтенный умолил меня позволить ему вернуться к исполнению его обязанностей. И поскольку, имея теперь 733 тюленьих и 17 каланьих шкур, я был в более милостивом настроении и уступил. Несколько дней дул легкий ветер, и потому переход наш был небыстрым. Ночью 18-го поднялся крепкий норд-ост, после полуночи он превратился в шторм. Мы шли при таком ветре под зарифленными парусами пока это не стало слишком опасно. Около 5 утра когда мы были заняты приготовлениями, чтобы привести судно к ветру, рулевой, испугавшись огромных попутных волн, выпустил штурвал, шхуна развернулась лагом к волне, и рулевого с огромной силой швырнуло на леер. Судно развернуло с огромной скоростью и круто накренило на наветренный борт, такелаж грот-мачты лег на огромную волну, от этого с подветренной стороны сорвалась со шлюпбалок лодка. Больше мы эту лодку не видели. Фок полоскался с оглушительным шумом, но вскоре нам удалось его свернуть, штурвал выправили и

привязали. И шхуна пустилась по волнам, как утка. Мы дрейфовали десять часов, потом ветер несколько стих, и мы снова распустили паруса. До Июкогамы мы добрались 23-го, потратив на дорогу от Райкоке тринадцать дней.

Глава XI

Насыщенное путешествие

10 апреля 1887 «Немо» снова пошла к Курилам. Переход на север был отличный – всю дорогу дул крепкий попутный ветер. На третий день плавания ветер дул даже слишком крепко, начался шторм, поднялись очень высокие волны, которые шли прямо нам прямо в корму. Одна из них нас захлестнула, смыла рулевого с ютовой надстройки на главную палубу, сильно повредила одну из лодок, разбила световой люк и залила каюту по колено водой. Волна пришлась так точно в корму, что судно понеслось прямо вперед, и это дало нам время снова овладеть штурвалом, прежде чем шхуну развернуло лагом к волне. Волна накатила на судно, потому что мы несколько утратили ход – ветер ослабел на мгновение в ложбине между двумя громадными длинными волнами, где мы оказались; так что волна, шедшая сзади, успела нас настигнуть, как раз перед тем, как обрушилась.

Мы держались на курсе, отдавая рифы. Все тот же попутный ветер донес нас до северо-восточной оконечности Урупа, где мы ненадолго стали на якорь и спустили лодки, но каланов там мы не нашли. Снова вышли в море и взяли курс на Ушишир, где бросили якорь и добыли первую выдру. На следующее утро мы перешли к Рашау и там подбили еще четырех; снова отошли от берега и подались на северо-восток к Камчатке; у ее берегов мы оказались посреди обширных ледяных полей, которые непрерывный юго-восточный ветер вынес на северо-запад к Оясио, холодному течению, идущему на юго-запад вдоль Курил. Всего за две недели мы дошли от Июкогамы до Камчатки, заглянули на четыре острова и добыли пять выдр. Это было неплохое начало. Из-за того льда у мыса Лопатка нам пришлось вернуться к Малому Курильскому проливу. На следующее утро мы снова взяли курс на северо-восток и, пробираясь через проходы между ледяных полей, добрались до берега и встали на якорь в шести милях от мыса Лопатка. Здесь на

пляже мы увидели несколько больших медведей, но, имея в видах добычу более ценную, не стали их трогать. Мы спустили лодки и нашли несколько каланов, однако в тот вечер нам не удалось взять ни одного. Назавтра мы подстрелили трех, послезавтра – восемь, на следующий день – четырех, и еще на следующий – одного. Этот последний спал на большой льдине. Вода была изумительно спокойная, благодаря тому, что нас прикрывали льды.

1-го мая пошел снег, задули ветры с востока и, чтобы нас не заперло льдами, мы решили перейти к Малому Курильскому проливу и пополнить запасы дров и воды. Отходя, мы потеряли якорь и с ним часть цепи – якорь зацепился за камни. 6-го нам удалось взять еще трех каланов у Шумшира. 10-го мы вернулись к берегам Камчатки и достали потерянный якорь – к нему был прикреплен буй. В следующие два дня мы добавили в свою копилку еще четыре калана. Такая полоса везения не могла продолжаться долго, и 16-го мая, когда мы отходили при высокой зыби, сломались оба наших брашпильных стопора, потому что якорь опять застрял между камней. Поскольку брашпиль вышел из строя, я решил оставить всю промысловую команду на берегу, а сам пойти на шхуне в Хакодате, чтобы его починить. На берег свезли запасные паруса, чтобы использовать их как палатки, большое количество спальных принадлежностей, теплой одежды, провизии и боеприпасов, и мы отошли при свежем попутном ветре. За день до того мы говорили с людьми со шхуны «Роза» (она добыла трех каланов). Нам рассказали, что американский китобойный барк «Европа» вынесло льдами на берег Кунашира, и он полностью разбит. Льды несло на юг и прижимало к берегу ветрами восточных направлений.

Мы прибыли в Хакодате 27-го мая. Там нам попыталась создать неприятности таможня, арестовав наши шкуры под тем предлогом, что вышел приказ, запрещающий ввозить в порт шкуры каланов, за исключением особо оговоренных случаев. Эти правила были абсурдны и, в любом случае, не относились к иностранным судам. На следующий день я обратился к британскому консулу, по требования которого арест был снят, и я упаковал наши шкуры в ящик для отправки в Иокогаму. Однако же таможня отказала мне в разрешении на отправку и выдвинула против судна, через Британское консульство, обвинения в нарушении правил, я же в свою очередь выдвинул контробвинение против таможни. Консул

счел, что оснований обвинять «Немо» в чем-либо нет, и потребовал от властей не чинить дальнейших препятствий коммерческой деятельности судна. Я получил уведомление, что вопрос исчерпан и шкуры можно переслать. Мы смогли покинуть Хакодате только 5 июня, а через два дня вернулись из-за встречного ветра. 8-го я снова пустился в путь и пошел на запад, а затем поднялся по проливу Лаперуза и пересек Охотское море, все время при легком попутном ветре. 20-го мы бросили якорь у нашего лагеря и забрали людей и имущество. За время нашего отсутствия там добыли всего пять выдр. За июль мы подстрелили еще пятнадцать.

20-го июля, проходя на веслах вдоль камчатского берега, примерно в 15 милях севернее мыса Лопатка, мы увидели у пляжа пять северных оленей. Я, подойдя на лодке поближе к ним, выстрелил в одного еще до того, как высадился на берег.

Вода была идеально спокойная, прибой не было, я вывел лодку на берег и выскочил из нее, стреляя в другого, пуля попала ему по затылку, и он понесся вдоль подножия сопки. Вторая лодка подбила на подходе еще одного. Остальные два ринулись вверх по косогору. Когда один из них уже почти перевалил за вершину так, что виднелись лишь макушка да лопатки, я снова выстрелил, но не знал, попал ли. Затем мы выпотрошили туши и отнесли их в лодки. Животные были жирные в отменной кондиции. Подумав, что возможно подстрелил и последнего я послал матроса на сопку, где он и нашел убитого оленя – моя пуля перебила тому хребет как раз между лопатками. Вкуснейшее мясо этих оленей составило отличное дополнение к нашему рациону. Затем мы спустились к мысу Лопатка и по дороге увидели несколько медведей и одного медвежонка, но оставили их в покое, опасаясь распугать выстрелами каланов. У мыса мы добыли четырех каланов, после чего нам пришлось долго грести тринадцать миль обратно до шхуны против сильного течения, и мы добрались до судна только к 10 часам вечера. Учитывая, что мы встали, чтобы позавтракать в два часа ночи, мы очень устали проведя в лодках 19 часов.

Август выдался неурожайным на калана – мы добавили к нашей добыче только еще четырех. В прочих же отношениях месяц выдался весьма насыщенным событиями. Мы много рыбачили, вволю наловились трески, палтуса, лосося и форели. Тамошние воды просто кишели рыбой. Иногда в малых речках во время «хода» лосося и симы рыбы бывает больше, чем воды. Я иногда заходил в речку и

ногами выбрасывал на берег лосося дюжинами. Вот когда раздолье медведям - они обжираются рыбой, что дурно влияет на их мясо с кулинарной точки зрения, потому что это придает ему гадкий рыбный запах, отнюдь не возбуждает аппетита. В остальное время, когда медведи живут ягодами и кореньями, медвежатина очень вкусна.

Разумны ли животные? Исходя из того, что я видел сам, я склонен думать, что до некоторой степени да. Я могу сослаться на пример своей собаки Нелл, это был почти чистокровный суссекский спаниель с хорошей родословной, - всего восьми месяцев от роду, без всякой тренировки, она, тем не менее, ходила на охоту и приносила подбитую дичь и всегда была вне себя от радости, когда ей приходилось сходить на берег со мной, чтобы поохотиться. Однажды мы высадились на Шумшире, где в бухту Майруппо впадал мелкий ручей, чтобы наловить немного лосося – как раз начинался «ход». Ручеек был настолько маленький, что кое-где рыба, преодолевая мели, высывалась спиной из воды. У некоторых из нас были остроги, на которые мы пытались насадить рыбин, когда те появлялись по одной или по две. Мы взяли уже с полдюжины, а собака, хотя и видела, как рыба прорывается вверх по течению, не выказывала ни малейшего интереса к тому, что мы делаем. Ей не терпелось пойти со мной на болото, где я стал бы стрелять дичь, и она терлась об мои ноги и заглядывала мне в лицо, в это время я поддел острой рыбу и выкинул ее на берег. Этого собаке хватило, она как будто сразу поняла, что требуется рыба, а не птица и, пробежав к ручью, где на отмели над водой виднелись извивающиеся спины проходящей рыбы, она начала по собственному почину ловить ее, и наловила 19 штук, больше, чем мы все вместе взяли. Она стояла на берегу напротив мелкого места и, как только лосось пытался прорваться, через него бросалась к нему хватала за спину и вытаскивала. Рыбины были весом фунтов по семь.

В другой раз я вышел пострелять и прилег на пригорок, чтобы полакомиться ягодами, которые росли там в изобилии. Через некоторое время ко мне подошла моя собака, потыкалась в колени и в ладони, как бы для того, чтобы понять, чем я занят, я несколько раз отпихнул ее в сторону и продолжал есть ягоды. Наконец, я дал ей одну - она съела угощение и тут же принялась сама их искать и жевать. В ее действиях было нечто большее, чем инстинкт, в этом я уверен. У нее был

единственный недостаток – она очень ревновала к маленьким детям; если они пытались ее погладить, она толкала их носом, так что зачастую сваливала с ног, но, впрочем, никогда их не кусала.

Медведей было множество. 29-го августа двое моих охотников и я высадились на берег, чтобы поохотиться на суше. Мы прошли мили с две вверх по течению маленькой речки, полной лосося и увидели огромное количество диких гусей, куропаток и больше двадцати медведей – двух из них мы подстрелили и сняли с них шкуры, но они были не лучшего качества. Мы отрезали их лапы до колен и взяли с собой на борт. Мясо оказалось хорошим, и я послал на берег за ляжками, но мясо с них оказалось вонючим и совершенно непригодным в пищу. Явно, пища, которую ест зверь, в последнюю очередь влияет на его конечности. На следующий день мы снова пошли на берег и увидели десять медведей, одного из которых подбили.

Затем мы навестили остров Алаид, вслед за ним Парамушир, но каланов не увидели. 3-го сентября мы потеряли боцмана. Около одиннадцати часов вечера мне доложили, что у него припадок. Я немедленно пошел к нему и застал его без сознания, ни дыхания, ни сердечной деятельности не наблюдалось. Я попытал те же средства, что и в прошлом рейсе, когда его свалила такая же болезнь, но без успеха. Спустя три часа я пришел к выводу, что ему не уже ничем помочь, и приказал плотнику сделать гроб. Мы похоронили его высоко над водой, в горах на южном конце Парамушира.

Боцмана любили все, и вся команда пришла на похороны. Мы поставили гроб в лодку, накрыв его британским флагом, и отбуксировали его к берегу. Опустив гроб в могилу, мы дали три залпа из винтовок, а затем матросы забросали его землей. Не было сказано ни слова - у всех было слишком тяжело на сердце, и все мы разбрелись в разные стороны по англосаксонскому обыкновению, чтобы не выдать то естественное чувство, которое каждый в таких случаях, но показывать которое, справедливо или нет, считается признаком слабости. Короткий тяжелый деревянный крест был поставлен на могиле, а могильный холм заложили тяжелыми осколками камней. На кресте была прибитая медная пластинка, на которой шилом были пробиты следующие слова:

Здесь лежат останки

ТАКАХАСИ ЮКИОХИ

В течение нескольких лет боцмана британской шхуны «Немо». Он умер на борту этого судна у берегов острова Парамушир 3 сентября, 1887, в возрасте 35 лет.

Разносторонний, во всех отношениях хороший человек – его высоко ценили и о нем глубоко скорбят те, кому он служил, и все на судне.

Хотя бедный Юкити лежит в неприветливом пустынном уголке, над его могилой высится великолепный надгробный камень – пик Фасс, огромный конус вулкана, высотой около 7000 футов, напоминающий формой прославленную японскую Фудзияму.

После похорон мы вышли в море и Старый Джо, о котором я уже упоминал, кладезь всех морских суеверий, заметил мне, что теперь, после смерти моряка, непременно разразится шторм. Его предсказание сбылось – той же ночью налетел сильный шторм и несколько повредил наши паруса. Мы прошли к югу вдоль островов до Среднего, но не нашли каланов, и я решил идти в Хакодате через пролив Лаперуза, отослать шкуры и вернуться на север попытать счастья с тюленем. 15-го сентября рулевой моей лодки, который уже несколько дней как слез с чахоткой, был найден мертвым на своей койке и мы похоронили его в море. В полном согласии с суевериями Старого Джо последовал еще один сильный шторм, но никакого ущерба он нам не причинил.

Мы пришли в Хакодате 16-го сентября и снова вышли в море утром 27-го, взяв курс на восточное побережье Сахалина. Туда мы прибыли 2-го октября. Мы ходили в окрестностях мыса Терпения до 15 ноября в надежде взять сколько-то тюленей на острове Робен, после того как русские уйдут. С судном, которое должно было их забрать, случилась какая-то неприятность, и они остались там до последних чисел ноября, соответственно, наше предприятие провалилось. В день своего ухода, проходя мимо островка, мы приспустили флаг, чтобы поприветствовать русских, они ответили на это, приспустив свой. Находясь у берегов Сахалина, я неоднократно высаживался на берег и видел множество местных, главным образом, айнов, которые жили неподалеку от мыса. Они рассказали мне, что им порой досаждают беглые русские заключенные, к которым они испытывали самые неприязненные чувства, и что беглые даже убили несколько айнов. Русские власти

позволили им убивать беглых, буде те появятся, при условии, что они затем выдадут их тела. Это условие, как они сказали, они никогда соблюдали, поскольку с этим слишком много мороки, и всегда закапывали тела, чтобы скрыть все следы. Там-то на мысе Терпения я увидел, как местные очень ловким способом добывают морского леопарда (*Phoca vitulina*), которых там огромное количество. *Modus operandi* был следующий: большое бревно футов 15 длиной в 70-80 ярдах от берега с обоих концов «ставили на якоря». На него взбирался тюлень и засыпал в полупогруженном положении. За бревном следили и, как только замечали, что зверь с удобством расположился, к нему, по колена в воде, подходили два человека и подводили к нему длинное сочлененное, как удилице, копьё, секции которого были очень точно и надежно пригнаны друг к другу. Зазубренное острие копья, крепилось к куску дерева необычной формы размером с ладонь, скошенному с обеих сторон таким образом, чтобы копьё, по мере того как оно подходит, оставалось на прямом курсе к объекту, на который оно нацелено. Острие копья было съёмным, к нему крепилась длинная леса из шкуры морского льва. Зная точное расстояние до бревна, охотники также знали, когда сделать рывок, который воткнет острие копья в тюленя. Когда острие втыкалось, тюленя держали на лесе и водили, пока он не выбьется из сил, затем вытягивали его на берег, где и приканчивали. Сомневаюсь, чтобы этот метод был в моде в других частях света. Во время плавания вдоль этих берегов мне случилось быть свидетелем нападения стаи касаток (*Orca gladiator*) на самку горбатого кита и ее детеныша. Китиха защищала своего детеныша, держа его на спине, она плыла на такой глубине, чтобы он оставался все время наполовину над водой. Касатки ни на минуту не прекращали своих нападений, и бедная самка, казалось, была на грани истощения и двигалась очень медленно. Мы проплыли в нескольких ярдах от схватки – не знаю, чем она кончилась, весьма вероятно, мать и детеныш погибли. Судьба распорядилась так, что нам не удалось закончить сезон без третьей смерти, на этот раз от утопления. Налетел мощный ветер, поднялось неприятное, сильное и беспорядочное, волнение - мы убавляли паруса, и пара матросов убирала стаксель. Вдруг один из них, очень толстый, по прозвищу "Слон", не удержался и упал в море, и судно прошло прямо над ним. Он показался в 20 ярдах за кормой, и я бросил спасательный круг и сейчас же приказал спустить шлюпку. Несмотря на

сильное волнение, это было сделано быстро, и шлюпка пошла к нему. Я видел, что он находится высоко над водой, на самом деле, в какой-то момент даже казалось, что он сидит на ней. Люди в лодке рассказали, что, когда они подходили к нему, он снял свой плащ и сапоги и поплыл в их сторону. Один из гребцов положил свое весло на дно лодки и ждал наготове момента, когда сможет его схватить, но в двух корпусах между плывущим и лодкой обрушился гребень высокой волны, а когда волна схлынула, от человека не осталось ни следа.

Все случаи, когда человек тонул в этих холодных водах, которым я был свидетелем или о которых мне рассказывали, были поразительно похожи. В то время, как человек в воде, кажется, находится в полном порядке и уверено плывет, вдруг, ни с того, ни с сего, наступает коллапс, и он камнем идет ко дну. Когда люди держатся за перевернутую лодку, они внезапно теряют сознание, и все же, если вода гладкая, заочневшими пальцами или руками они могут еще удерживаться, если же на море волнение, то их отрывает от борта, и это - конец. Причина внезапного коллапса, вероятно, в том что холод достигает сердца и парализует его деятельность вызывая потерю сознания.

Однажды у Итурупа, когда море было совершенно гладким, но с длинной зыбью, одна из трех лодок принадлежащих шхуне «Елена» перевернулась. Они шли параллельными курсами примерно в тысяче ярдов друг от друга, когда средняя лодка, которая была ясно видима для других каждый раз, когда поднималась на длинной волне, вдруг исчезла. Поиск с помощью бинокля помог отыскать перевернутую лодку на некотором расстоянии за кормой. Другие лодки сразу двинулись к ней, и по прибытии обнаружили четверых из ее команды без сознания, они, тем не менее, мертвой хваткой вцепились в борт, еще один человек, сумел сесть на киль, и поэтому частично был над водой, он колошматил себя, чтобы попытаться сохранить хоть немного тепла в теле. Они все поправились после того, как их раздели и растерли. В моем случае, после того как лодка перевернулась, я не пробыл в воде достаточно долго, чтобы впасть в коллапс, но, по-видимому, был от него недалеко, ибо, хотя я переоделся в теплую, сухую одежду и сел близко к жаркому огню, тепло не возвращалось в мое тело около двух часов.

Покинув остров Роббен, мы взяли курс на пролив между Кунаширом и Итурупом. Погода стояла хмурая, мы не могли взять высоты светила, а когда подходили к

проливу, надвигался шторм, и мне было очень нужно определить наше местоположение. Лечь в дрейф у подветренного берега было бы фатально при таком шторме. О 4,30 часов вечера разрыв в облаках, в течение минуты или двух, позволил мне увидеть высокий вулканический пик, в котором я узнал гору Атоса, и я понял, что мы идем почти нужным курсом. Барометр упал до 28,80 , и мы делали 9-10 узлов при самых малых парусах. Мое беспокойство не закончилось, так как от северо-западной оконечности Кунашира тянется длинный риф, и вполне возможно нас несло прямо на него. Видимость стала еще хуже, и совсем стемнело. Я послал помощника С., и двоих матросов на нос впередсмотрящими, но они могли видеть только на короткое расстояние. Вдруг С. крикнул: "Тяжелый прибой прямо по курсу, боже мой! Вот мы уже на нем!" И в следующую минуту, прежде чем что-либо могло быть сделано, мы оказались среди бурунов. Это был не риф, к счастью, а отбойное течение, которое идет от него прямо поперек пролива, валы зыби в нем бывают иногда огромными.

Тогда я понял, где я - между двумя островами, иду в Тихий океан. Берега с обеих сторон были по четыре или пять тысяч футов высотой, и ветер дул через пролив с ураганной силой, все паруса до последнего лоскутка должны были быть убраны. При голых мачтах, мы делали, судя по журналу 10 узлов, с семи до восьми часов вечера. Тяжелая черная масса, которую я посчитал юго-западной частью Итурупа, держалась слева на траверзе. Некоторое время я думал, что там должно быть очень сильное противное течение (оно иногда достигает скорости в 5 узлов в этих проливах), потому что мы, казалось, никак не можем ее пройти, но в девять часов утра я пришел к выводу, что мы уже далеко в океане, и то, что я принял за землю, было облако, так что поставил судно против ветра. На рассвете ветер немного успокоился, и мы вновь встали на курс. Шторм продолжался четыре дня, мы попеременно то шли, то дрейфовали, в зависимости от того, нарастал ветер или спадал. Как можно себе представить, износ парусов и снастей во время шестимесячного рейса в этой части мира очень значителен, двойной комплект парусов, и большое количество запасных снастей для ремонта и замены, являются необходимостью. И тем не менее, к концу сезона все ветшает, и мы вышли из шторма с порванными парусами, сломанным стаксель-гиком, оборванным бегучим такелажем, и прочее.

Понедельник, 28 ноября, застал нас в Иокогаме, последняя часть нашего путешествия оказалась полным провалом, и принесла чистый убыток.

ГЛАВА XII

ПОДЛЫЕ НАПАДЕНИЯ

1888 год был черным в моем календаре. Я оставил Иокогаму ради обычного охотничьего сезона 8 апреля. На следующий день мой вахтенный, в порту несколько пристрастный к выпивке, но в море достаточно воздержанный, начал страдать от своих береговых эксцессов – у него развилась белая горячка. Он был весьма расстроен довольно резким ударом землетрясения в Иокогаме, и это, судя по его бреду, отложилось в его сознании. Закрытый в своей каюте, он думал, что заключен в тюрьму на берегу, и что движение судна, это землетрясение, от которого в любую минуту здание упадет и раздавит его. Он выздоровел чрез неделю и вышел на дежурство.

16-го, в шторм, мы пытались войти в залив Анама, на Шикотане, но при этом у нас сорвало ветром стаксель и мы потеряли якорь. Однако на следующий день, мы туда вошли и немного поохотились, и половили рыбу, а также как следует заправились дровами и водой. У нас борту был водолазный насос, костюмы и снаряжение, и у меня родилось желание попробовать, каково это погружаться под воду, я надел скафандр, ботинки на свинцовой подошве, дополнительный балласт, и т.д., и опустил под днище судна. Не имея опыта, люди при насосе качали слишком энергично, и я всплыл в крайне малодостойном положении.

Чувство беспомощности, и борьба за сохранение вертикального положения при подъеме со дна из-за чрезмерного раздувания костюма были очень неприятны и утомительны, но я попробовал еще раз, и - с лучшими результатами. Я прихватил с собой вниз щетку, чтобы почистить медные части судна у киля и работал ею активно в течение нескольких минут, но вскоре стал задыхаться, у меня разболелась голова, и я сдался. Видимо, под водой необходимо работать медленно и методично. Я пришел к выводу, что водолазное дело не моя стихия.

Первая выдра сезона выпала нам на Уруппе 25 апреля. 1-го мая мы убили одну, а 2-го две. 4-го мая мы стояли в бухте Оттомай, в Малом Курильском проливе, ударил очень сильный штормовой восточный ветер, пошел густой снег, барометр упал до 28,45 дюйма . Мы были защищены от больших волн, но из-за мыса пришла высокая зыбь, и сила ветра была потрясающая. Дно, под нами было покрыто мелким песком, но не более чем на фут, под песком был гладкий, каменный субстрат, и якорь держался плохо, так что нас стало тащить к песчаному пляжу. Чтобы судно не ткнулось в берег носом, мы сильно вытравили цепь, обеспечив ему запас хода вверх. На следующий день ветер переменялся на северо-западный, но несколько не ослабел. Как только погода утихомирилась, мы выгрузили все из шхуны, спустили вниз стеньги и вывезли якоря, чтобы быть готовыми вытянуть шхуну в высшей точке сизигийного прилива, который должен был наступить примерно через неделю.

11-го я приказал своему помощнику С. взять пару лодок и поднять якоря, которые мы сбросили, когда нас выбросило на берег, но он заявил, что это невозможно. Он также отказался помочь поставить руль на место, и убедил второго помощника также отказаться исполнять долг. Они покинули шхуну, расположились на пляже, и не делали в дальнейшем никаких работ. 13-го мы починили руль и подняли якоря и цепи. При высокой воде судно вновь оказалось на плаву, ночью мы вернули на него часть балласта, и все цистерны и бочки были заполнены водой. Когда мы были готовы снова выйти в море, явились С. и второй помощник, желая попасть на борт, но я сказал им, что они ушли на берег, чтобы потрафить себе, теперь же они должны остаться там, чтобы угодить мне. После чего С. выхватил револьвер и выстрелил в меня, пуля прошла над моей головой. Я разозлился, и побежал вниз за винтовкой. К счастью, когда я вернулся на палубу, то обнаружил, что С. поднялся на борт, и укрылся на баке. Охладившись, я прошел туда и приказал его вывести и посадить в лодку с его вещами и вещами второго помощника. После чего я отправил им запас провизии, и боеприпасов (у них были свои винтовки и ружье), и сказал им, что я приду в эти места снова примерно через два месяца, и, если их еще не снимут другие суда, то отвезу их в Немуро. Это оставило меня без помощников капитана и без охотников, так как они выступали в обоих качествах. Теперь вахтенный оказался единственным кроме меня европейцем на борту, так что я

произвел двоих лучших рулевых со шлюпок в охотники. Не найдя выдры на северных Курильских островах и у побережья Камчатки, я решила идти до острова Медный и попытать счастья у рифа, на некотором расстоянии от его северо-западной оконечности, за пределами территориальных вод. 25 мая мы заштилевали между о-вами Беринга и Медным, нас постепенно сносило на северо-восток. На следующее утро около 7 часов, мы по-прежнему были в дрейфе, на севере показалась шхуна, она шла при легком, попутном ветре курсом на запад к острову Беринга, но, увидев нас, изменила курс и пошла к нам, при этом теряя ветер. Я спустил шлюпку, и, пройдя на веслах несколько миль, мы взошли на борт этой шхуны. Как я и думал, это была шхуна «Леон», принадлежавшая Аляскинской коммерческой компании, под командой капитана Блэра. Она только что пришла из Сан-Франциско, на Медном взяла на борт правительственного чиновника, который провел там зиму, и теперь направлялась на остров Беринга и в Петропавловский. Я провел несколько часов у них на борту, и среди прочего они дали мне несколько последних газет из Сан-Франциско и некоторое количество фруктов. Чиновник показал мне ряд акварелей, показывающих жизнь морского котика на лежбищах, он написал их сам и очень искусно. Я сказал ему, что собираюсь поискать калана на северо-западном рифе, посетить западные Алеутские острова, а затем вернуться на Курилы. Кроме того, я заметил, что его люди на берегу не подумают, что мы пришли за тюленем, так как для этого слишком рано, он же отвечал, что в ближайшие шесть недель, а то и более, там никого не будет. «Леон» снова поймал ветер, и продолжил свой курс на остров Беринга, мы же остались штилевать. Мы дрейфовали милях в двух-трех от северо-западной оконечности, и, не желая подходить ближе, бросили верп на 35 сажнях. Время тянулось тяжело, я решил к вечеру спустить лодки и поплавать вокруг, так как вода была совершенно гладкой. Мы оставались в лодках три часа и увидели трех каланов, одного из которых я убил. На рассвете был по-прежнему штиль при высокой зыби, поэтому я снова спустил лодки и пошел к югу, а затем по направлению к берегу, где мы увидели около сорока каланов - почти все они кинулись в тяжелый прибой среди скал и рифов, где невозможно было их достать. Тем не менее, я подбил четырех, и один из моих охотников взял одного. Это обещало хорошую охоту у рифа.

С берега пошел легкий бриз, я дал сигнал лодкам вернуться к шхуне, и мы двинулись в обратный путь. Я был в ближней к берегу лодке, две другие были в нескольких сотнях ярдов впереди меня. Я стоял на носу моей лодки, держал винтовку дулом вверх, поставив приклад на крохотную палубку перед собой. Вдруг послышались два выстрела, и две пули ударили по воде близко к лодке. Я поглядел в сторону моих других лодок, думая, что они оба стреляют по чему-то в направлении меня, и что выстрелы пришлись неприятно близко. В следующий момент раздался еще выстрел, и пуля рассекла мне кожу на ребре ладони рядом с мизинцем, расщепила цевье моей винтовки и расплющилась о ее тяжелый восьмигранный ствол. Полдьюма туда или полдьюма сюда, и эта пуля прошла бы мое тело. Теперь я понял, что стреляют с берега, но не мог определить, где нападавшие. Положив винтовку, я приказал быстро развернуть лодку и грести изо всех сил, чтобы уйти из-под обстрела. Тем временем началась уже настоящая канонада, пули сыпались на нас, как град. Сначала попали в одного матроса, потом в другого, в конце концов, в лодке нас осталось двое, кто был в состоянии что-либо сделать. Моему рулевому прострелили нижнюю часть позвоночника. Он вскрикнул «Итай! (Больно!)» - я обернулся к нему, а он уже выронил свое весло и упал замертво с посиневшими губами. Еще один матрос был ранен в ногу, потом в другую, но продолжал грести. После этого загребной гребец был ранен в икру ног, и упал с банки на дно лодки. Я думал, что он убит. Потом были ранены еще двое и я, и пули совершенно изрешетили лодку. Ближайший ко мне матрос и еще один рядом с ним были ранены в обе ноги, а затем пуля попала одному из них в предплечье, раздробив кость, при этом бедняга бросил весла и схватился за раненую руку, валясь ничком на планширь. В этот момент пуля попала ему в макушку, и вышла в задней части шеи. Я действительно видел, как пуля ударила в его голову - когда он вскрикнул, оттого что ему прострелили руку, я оторвался от гребли и, обернувшись, посмотрел на него, как раз, в этот момент. Матрос рядом с ним был тяжело ранен в ноги, и лежал, уронив подбородок на борт, тут пуля рикошетом от воды, вошла ему в лоб чуть выше носа, и, пробив череп, застряла под самой кожей макушки. Такая пуля, будучи почти на излете произвела эффект ушиба, потому что у него почернели оба глаза и лоб. Матрос ближний к загребному получил лишь незначительное ранение в мякоть икры. В меня попали в

пять раз, считая первую царапину. Три пули попали в левый бок, но только чиркнули под одеждой по груди и животу, еще одна вошла в толстую часть моего бедра, и вышла с внутренней стороны ноги возле бедренной артерии, но поскольку кость не была задета, мне было не больно. Просто я почувствовал, как будто что-то теплое протолкнули через мою ногу. Когда кровь побежала довольно свободно в сапоги, я начал бояться, что задета артерия, но вскоре кровотечение прекратилось, и я был доволен, что все в порядке, хотя в ноге чувствовалась ужасная слабость. Матросов выбивали из строя одного за другим, и вот уже только я с гребным веслом да еще один человек с рулевым были способны грести. Его весло было эффективнее моего, и мы с трудом держали лодку прямо. Когда отошли подальше, ветер посвежел, и мы поставили парус. Между тем, две внешних лодки уже вернулись к шхуне и сообщили, что происходит. Вахтенный немедленно обрезал трос, поднял парус, и пошел к нам, отправив перед собой одну из лодок нам на помощь. Мы уже тогда были вне досягаемости, но выстрелы до нас все еще доносились. Я различил с десятков клубов дыма позади нескольких крупных валунов на высоких скалах, из которых состоял мыс, мимо которого нам пришлось пройти по дороге обратно на судно.

Нас взяли на буксир, и вскоре доставили к шхуне. После того, как раненых доставили на борт, я спустился вниз и поспешно осмотрел и перевязал свою ногу. Всех матросов снесли в кормовую каюту, их раны промыли и наложили повязки. Рулевой, которому прострелили позвоночник, умер первым, через два часа после прибытия на борт. Он пролежал все это время без сознания. Следующим был один тот, кому прострелили макушку, он продержался до вечера. Третий человек скончался утром. Я вырезал пулю из-под кожи головы этого человека. Оба матроса с простреленными головами были в полубессознательном состоянии, потому что когда им накладывали повязки на руки и ноги они пытались ими двигать, чтобы помочь тем, кто их бинтует, но дыхание их было затрудненным и они не могли говорить. Мы похоронили этих бедолаг в море.

Когда мы подошли к судну, наша лодка представляла собой ужасное зрелище: четыре человека лежат замертво, изрешеченные пулями, а лодка наполовину заполнена кровавой юшкой, состоящей из морской воды, которая просочилась через пулевые отверстия, и крови раненных. Человек, которого я посчитал

убитым, очень мало пострадал. Одна лишь пуля попала ему в голень, но он подумал, что лучше лежать на дне лодки, прикинувшись мертвым. Потери составили 100 процентов - 50 процентов убитыми и 50 процентов ранеными, достаточно, как мне представляется, чтобы удовлетворить любого человека с воинственными вкусами.

Меня часто спрашивают, каковы были мои ощущения в тот момент. Я помню их отчетливо, так как они очень живо запечатлелись во мне. Не будучи натурой возбудимой или нервной, я принял это довольно хладнокровно. Помню, взвешивал, стоит ли выпрыгнуть за борт в воду и плыть рядом с лодкой, но решил, что вероятность утонуть не меньше, чем вероятность быть застреленным, так как никто не может выдержать долго в холодной воде. Большую часть времени, я энергично орудовал веслом на носу лодки, стоя лицом вперед, и подставлял врагу только край моего тела, с левой стороны. Вот потому-то все пули, попавшие в меня, пробиты одежду с левой стороны. Самая верхняя вошла под руку рядом с нагрудным карманом моей куртки, прошла через карман, обойдя грудь, и вышла на правой стороне. Следующая вошла на несколько сантиметров ниже, проделав такой же путь. Третья прошла поперек живота, пробив по ходу несколько отверстий. Четвертая попала в левое бедро, прошла через мякоть ноги за костью.

Я каждую минуту ждал, что мне прострелят корпус, и не мог не задаваться вопросом, какое ощущение это вызовет. Еще одно впечатление, которое запало мне в душу, - запах горячего свинца. Если бы кто-нибудь сказал мне до того, что можно было унюхать пули, которыми в вас стреляют, я непременно бы подумал, что это фантазия. Большинство людей знает запах расплавленного свинца. Люди, стрелявшие в нас, использовали скорострельные рычажные винтовки «винчестер», от быстрой стрельбы стволы винтовок скоро нагревались настолько, что их мягкие свинцовые пули частично оплавливались, проскальзывали и падали, вылетев из ствола. Я часто был тому свидетелем при охоте на «скачущую» выдру, когда приходилось вести непрерывную стрельбу. Полагаю, в нас произвели более 400 выстрелов, шестьдесят или более пришлось по нам и по лодке. В лодке насчитывалось тридцать четыре отверстия, и одиннадцать пуль ударили в наши весла. Остальные мы получили сами, так что мы побывали под настоящим градом пуль. Чтобы показать, что человек оказался в опасности быть подстреленным,

используют выражение «понюхать пороху», мой опыт говорит мне, что выражение «понюхать свинца» было бы более уместным. Те, кто на нас напал, понюхали пороху и не пострадали, в то время как мы понюхали свинца с катастрофическими результатами.

Что касается того, что я оказался заговоренным от ран, по возвращении в Йокогаму я рассказал об этом опыте моему другу, немцу, который побывал на франко-германской войне, и он спросил меня, было ли на мне вязаное шерстяное белье, так как, по его словам, он постоянно замечал, что во время боев, пули проходили через верхнюю одежду, не причиняя вреда, как в и моем случае, многим из тех, кто носил тяжелое трикотажное белье. Предполагалось, что вязанная одежда, при ударе под углом каким-то образом отклоняет пули. Верно это или нет, не знаю, но на мне под рубашкой, курткой и жилетом была шерстяная вязаная футбольная фуфайка.

Подкладка жилета был рассечена в нескольких местах тремя пулями, но только одна пуля пробила трикотаж, и как раз там где над животом была складка.

Несколько выстрелов досталось и лодке шедшей сразу впереди меня, одного матроса задело пулей – кость предплечья была слегка повреждена. Эта лодка, однако, быстро вышла из-под обстрела.

Мы оставили Берингово море и отправились обратно на Курильские острова, заглянув в Малый Курильский пролив забрать тех, кто там оставался. Мы обнаружили, что они уплыли, как я потом узнал, их взяла шхуна «Роуз», которая зашла в бухту Оттомай вскоре после того, как мы ушли. Тогда я взял курс на Немуро на восточном побережье Эдзо, поскольку это было ближайшее место, где можно было получить необходимую хирургическую помощь и где раненных можно было бы, в случае нужды, положить в госпиталь. По пути на юг, у острова Рашау, мы попали в серьезный шторм восточного направления, и потеряли лодку, которую смыло со шлюпбалок сильной волной, а с ней и одну из шлюпбалок. Во время этого шторма барометр упал до самого низкого уровня за весь мой опыт в море, 27, 80 дюйма, оставаясь на этом показателе в течение шести часов между полночью и 6 часами утра 5 июня.

По прибытии в Немуро я доложил властям о цели моего визита и том, что с нами случилось. Явилось несколько чиновников и врач, раненные были осмотрены, и им заново сделали перевязку. Врач сообщил, что раны были чистыми и их лечили

правильно, что люди были в состоянии оставаться на борту и идти на Иокогаму, но что позже может потребоваться удалить осколки кости из руки одного из раненных. На следующий день мы вышли в море, и прибыли в Иокогаму вечером 23 июня. На следующее утро я отправился в британское консульство, и представил там официальный журнал, содержащий сведения обо всей этой истории. Консул приказал созвать следственную комиссию, она заседала следующие два дня и пришла к выводу, что людям была причинена смерть в результате огнестрельных ран, нанесенных группой туземцев на острове Медный, что нападение на лодки было совершенно неспровоцировано и что для раненных было сделано все возможное в данных обстоятельствах.

Местные газеты были заполнены рассказами о деле, и чернил, было пролито не меньше чем крови в заметках, передовицах и письмах в различные редакции о том кто прав и кто виноват в деле. Были предприняты усилия, чтобы заставить британское и японское правительства обсудить этот вопрос от имени жертв, но как обычно "политические причины" этому помешали. Так закончился еще один плохой сезон.

1889 году оказался еще одним во всех отношениях недобрым. Я имел несчастье познакомиться с человеком, из породы «негодящих». Он принес рекомендательное письмо от моего друга в Китае, где командовал каботажным коммерческим пароходом. Был он человеком обходительным, представительной внешности, музыкальным, хорошо образованным, и говорил на английском, французском и итальянском языках. Он был итальянец по происхождению, его семья обосновалась в Англии, где у него было два брата, один врач, другой адвокат. Когда он пришел ко мне, то сказал, что очень хотел бы отправиться в путешествие на север, и, так как мне нужен был вахтенный, я предложил ему место. Поскольку он был профессиональным моряком, плавал капитаном и, насколько я мог судить, разумным и достойным человеком, я оказал ему любезность, предложив записать его вместо себя в судовой роли капитаном, но было понятно, что руководить должен был полностью я, так как он ничего не знал ни об охоте, ни о тех берегах, ни о положении вещей на севере. Как только договоренность, хотя и только на словах, была достигнута, началась подготовка к плаванию.

Японские власти выпустили правила и инструкции, которые сделали практически невозможным для японцев работать на любом охотничьем судне, кроме японских. Хотя это явно нарушало договор о правах иностранцев, о том, чтобы оспорить эти решения речи тогда быть не могло, ибо это грозило задержкой, поэтому я решил отвести шхуну в Шанхай, и взять там китайский экипаж. Я мог бы легко получить экипаж из японских моряков, которые имели опыт работы на охотничьих судах, не обращая внимания на правила, взяв его на борт за пределами порта; собственно немало из тех, кто был со мной прежде, предлагали сделать это. Они, естественно, стремились устроиться на работу, где зарплата была высокой, а питание такое, какого они больше нигде не видывали, да, кроме того, их влекла и сама такая авантюра. Тем не менее, я подумал, что лучше взять китайцев, чтобы показать японским властям ошибочный характер их политики, которая не мешает охотникам набирать экипажи, а вот заработанные деньги пойдут в другое место, а не в японский карман, как до сих пор.

Законтрактовав пятерых европейцев и кока, мы отправились в Шанхай, там взяли шестнадцать китайских матросов и помощника-иностранца, который должен был действовать и в качестве третьего охотника. Мы прибыли к местам промысла 5-го мая, и убили нашу первую выдру через восемь дней.

Истинный характер моего шкипера начал тут проявляться в обращении с китайскими моряками, его примеру следовал и помощник капитана, вспыльчивый ирландец. Я делал все возможное, чтобы предотвратить любые злоупотребления, но, к сожалению, я потерял всякую власть на борту, позволив С. подписать договор в качестве капитана судна, власть капитана в соответствии с британским законом превыше всего. Матросы наши были расторопными и послушными при нормальном к ним отношении, но С., похоже, доставляло удовольствие проявлять жестокость и избивать их по всякому поводу. Кульминация наступила в последний день мая, когда несколько матросов работали у брашпиля, помощник ударил одного из них, а тот в ответ пустил в ход абгалдырь. Помощник бросился на корму за винтовкой, матросы заперлись в трюме. Увидев, что помощник бежит на палубу с ружьем, я последовал за ним и обезоружил его. Позже вечером, услышав шум, я вышел на палубу, и нашел плотника-китайца, и несколько матросов, вооруженных железными прижимными шинами грузового люка и другими орудиями

сопротивления - они выступили против капитана, который приказывал им идти вниз, угрожая короткой деревянной дубинкой. Они отказывались, говоря, что хотели видеть меня. Услышав это, я сказал им, что лучше им идти, а я повидаюсь с ними утром, чтоб выяснить, что они хотят. Это их удовлетворило. Они отложили то, что взяли, чтобы защитить себя, и сошли вниз.

Подумав, что проблемы закончились, я отправился на корму и взял свинцовую чушку, чтобы проверить, не отдрейфовало ли стоящее на якоре судно, так как был очень сильный ветер дул с суши. В то время, как я этим занимался, капитан позвал снизу помощника, затем бросился за плотником, который шел на бак, и ударил его несколько раз по голове дубинкой. В этот момент помощник примчался с винтовкой и выстрелил, не с рук, в другого матроса который шел вниз. Тот уже был на полпути вниз по трапу, над люком виднелась половина его тела. Пуля прошла через крупные мышцы на внешней стороне его руки, прошла через щеку, ударила по верхнему и нижнему коренным зубам, выбила их, а затем поднялась вдоль скулы, и остановилась у носа. Все это произошло так внезапно, что не было никакой возможности вмешаться. Я велел отнести матроса на корму, и перевязать его раны, которые быстро зажили. В последствии, по возвращении в Иокогаму, я отправил его к хирургу, который вырезал пулю со стороны носа. Этот случай утихомирил страсти, но порой мне с большим трудом удавалось сохранить мир. Погода была неблагоприятной для охоты, и к концу июня мы добыли лишь пять выдр. Поскольку перспективы оправдать сезон охотой на каланов были очень неважные, я решил перейти к острову Роббен и попробовать поохотиться на тюленей. Мы пришли на островок 4 июля, и, не увидя там никого, перешли западную сторону, и бросили якорь под форштевнем - мы убрали только передние паруса, чтобы в случае необходимости быстро отойти. Так как никто не появился, я приказал спустить шлюпку и с четырьмя гребцами-китайцами, охотником и рулевым, отправился взглянуть на берег. Я нес с собой только сумку, которую при случае мог бы заполнить яйцами морских птиц. Когда мы подошли к берегу, я заметил небольшой кусок каната на вид нового, лежащий у перевернутой лодки, рядом с соляным складом. Это внушило мне подозрения, и я начал чуть поворачивать лодку своим веслом, держа направление на северную оконечность островка, таким образом, склад вскоре скрылся из виду. Тут появились с

полдюжины русских моряков вооруженных винтовками и заняли позицию за железными цистернами с водой. Их командир поприветствовал нас, и знаками показал, чтобы мы подошли к берегу, на это приглашение я вовсе не был склонен согласиться. Затем он что-то скомандовал, и моряки навели на нас винтовки. К этому времени лодка уже возвращалась к шхуне, Китайцы гребли изо всех сил, в то время как охотник и рулевой упали на дно лодки, и залегли под банками.

Когда винтовки были направлены на нас, я поднял в их направлении свою сумку, увидев, это командир отдал морякам приказ отставить. Но, так как мы все еще продолжали движение, они снова прицелились в нас, я же снова протянул в их сторону сумку. Винтовки еще раз опустились, на берегу последовал короткий совет. Винтовки снова навели на нас, но на это раз трюк с сумкой уже не сработал, и с полдюжины пуль пролетели над нашими головами. Через минуту шхуна уже оказалась между нами и пляжем, мы быстро подошли в ней и поднялись на борт ко всеобщему облегчению. У брашпиля уже стояли матросы и, пока мы поднимались, якорь уже пошел вверх. Русские спустили шлюпку и отошли от берега. Видя, что их не больше, чем мы могли одолеть, я приказал снова опустить якорь, и моряки поднялись на борт. При помощи нескольких слов на английском языке с их стороны, и несколько русских с нашей мы выяснили, что их старший офицер, с дюжиной или больше человек, ушел на их большой лодке на главный остров (Сахалин), и, должен вскоре вернуться. Затем они спросили, не нужны ли нам тюлени и нет ли у нас денег. Они сказали, что на залежке сейчас большое количество тюленей. В ответ на мой вопрос, почему они стреляли в нас, они сказали, что не намеревались попасть, а только хотели, чтобы мы подошли к берегу.

Обычно я брал с собой в рейс около сотни долларов, но на этот раз смог наскрести только восемь. В обмен на них, на серебряные часы, табак, ром и консервы мы получили полную лодку тюленьих шкур (двадцать штук) и отплыли на Курилы. Здесь, пробираясь через проливы между Онекотаном и Парамуширом в ночное время, мы едва не потеряли судно. Парамуширское побережье опасно из-за множества расположенных вдалеке от берега рифов и камней, которые не показаны на картах, а из всех находящихся на борту о них знал только я; я находился на палубе до полуночи, после чего вахту принимал помощник. Судно шло курсом на

юго-юго-юго-восток, этот курс вывел бы его в Тихий океан, за многие мили от всего, и от в частности от мыса Генри на Парамушире, низкого и трудноразличимого в ночное время, окруженного опасными рифами. Я сказал помощнику держать тот же курс до рассвета, предупредил его об опасностях у мыса Генри. Около 2 часов ночи я проснулся оттого, что шхуна напоролась на что-то, выбежал на палубу, и обнаружил, что мы на рифе. На мой вопрос помощнику, как мы здесь оказались, он отвечал, что капитан был на палубе и приказал ему поставить шхуну на другой галс, поскольку знал, что она должна быть достаточно далеко по проливу от мыса Генри. Приливы иногда нерегулярны у этих берегов, и, на этот раз это оказалось удачным обстоятельством – вода отошла на двенадцать часов, так что при отливе шхуна оказалась на суше. Такой чрезвычайно низкий отлив был находкой для нас, это позволило нам, выгрузить наш балласт, воду, и наиболее тяжелые вещи на пляж без помощи шлюпок. Прилив начался только в 6 на следующий вечер и оказался необычайно высоким. Судно вновь оказалось на плаву, мы подняли паруса и, задевая килем дно, провели его над плоским рифом на открытую воду, а на следующий день – погода стояла по-прежнему хорошая – вернули все на борт. Практически единственный ущерб, который мы понесли, была потеря фальшкиля.

23, 24 и 25 июля, мы охотились у берегов Камчатки, забили пять выдр и тюленей. Дважды высаживались на берег и застрелили трех больших медведей. На следующий день после ухода с острова Роббен один из китайских моряков умер от бери-бери. Так как его товарищи желали отвезти его останки обратно в Китай, я зашел на Рашау, чтобы дать им возможность кремировать тело. Они предприняли две попытки это сделать, но без успеха.

Примерно в середине августа, поскольку перспективы сезона не улучшились, а мои охотники, не имевшие до того никакого опыта, не показывали никакого прогресса ни в преследовании каланов, ни в стрельбе, и все, что мы добыли приходилось на мою винтовку, я решил вернуться в Йокогаму, и 30 числа того же месяца мы туда пришли.. По пути, тоже от бери-бери, внезапно умер еще один китайский моряк и был похоронен в море. После того, что случилось, я не был удивлен тем, что китайские моряки решил привлечь к уголовной ответственности капитана и помощника. Против первого они выдвинули обвинения в убийстве и нападении, а в

отношении помощника - в нападении. Матросы заявили, что смерть двух моряков была вызвана жестокостью капитана. Обвиняемые были арестованы и преданы суду. Обвинение в убийстве провалилось - матросы, несомненно, умерли от бери-бери - но возможно их смерть была ускорена жестоким обращением. Затем были заслушаны обвинения в нападении, разделавшись с двумя из них, судья отказался рассматривать остальные, тем более что один из обвиняемых уже рисковал быть наказанным за убийство. Капитан был приговорен к двум месяцам тюремного заключения, а помощник - к шести за то, что стрелял в моряка.

Когда С. впервые ко мне явился, я не дал себе труда сделать запросы о его прежней жизни, до того я никогда не слышал о нем или о его подвигах в Китае. Если бы я знал то, что обнаружилось потом, я никогда не стал иметь с ним дела. Чтобы проиллюстрировать, как женские инстинкты порой правы в оценке характера, могу сказать, что, незадолго до нашего отхода в Шанхай, С. пришел ко мне однажды, когда у меня гостила моя сестра. После того, как он ушел, она сказала: "Хэл, мне не нравится взгляд этого человека, я уверена, это плохой человек, и у тебя будут с ним проблемы". Конечно, я сказал ей, что это просто глупое предубеждение, которым столь часто и без причины подвержены женщины. Нет нужды говорить, что по возвращении, она встретила меня словами: "Я же тебе говорила".

С. ожидал жалкий конец, которого он и заслуживал. Покинув Японию, он отправился в Гонконг, где ходил помощником на пароходе, но имел неприятности в связи с тем, что напал на капитана. Затем он вынырнул в Голландской Ост-Индии, где как говорили, был приговорен к десяти годам каторжных работ за причинение смерти некому китайцу, но сбежал. Верно ли это, или нет, не могу сказать, во всяком случае, он пропал из виду на несколько лет, пока он не появился снова в Шанхае, где зарабатывал на жизнь, продавая китайцам некий всемогущий любовный эликсир. Потом и это предприятие провалилось, он опускался все ниже и ниже, и, наконец, умер в нужде. Как-то он командовал китайским транспортом, который перевозил войска во время франко-китайской войны. После одного или двух рейсов он сговорился с французским адмиралом, что передаст свой корабль и войска на борту в руки французов, за награду примерно в 25 000 долларов. Это было осуществлено, но он быстро спустил деньги в Шанхае. Человек от природы жестокий, он, казалось, наслаждался, наказывая и избивая подчиненных. Бывает,

что человек такого склада является трусом, но в случае с С. это было не так. Он был известен тем, что порой в одиночку бросался в толпу дерущихся китайских солдат на борту судна, заставлял их подчиниться себе, избивая их направо и налево всем, что попадалось под руку, а то и просто кулаками, если не попадалось ничего. Недавно я повстречал одного капитана парохода, который был стажером на большом парусном клипере, ходившем в Австралию, во времена, когда С. был там четвертым помощником. Он рассказал мне, как однажды своими глазами видел, что С. атаковал и согнал вниз целую вахту. У сменявшегося помощника возникли какие-то нелады с матросами его вахты, они обошлись с ним весьма сурово, и находились в более или менее мятежном настроении. С., увидев это, спросил помощника, имеет ли тот в виду тем и покончить дело, ибо сам он, в любом случае, этого так оставлять не намерен и, прихватив с собой драёк, он двинулся на толпу матросов, принялся сбивать их с ног одного за другим, и, наконец, загнал всех вниз.

Хотя сезон не удался, моя обычная «негативная» удача не покинула меня. Ведь я рисковал больше, чем мог догадываться. С. никогда открыто не пытался что-то затевать против меня, но после нашего возвращения в Иокогаму боцман-китаец сказал мне, что, когда мы были на охоте в лодках, С. пытался подбить его и тех кто, как правило, оставался на борту, угнать шхуну отвести ее а Южный Китай или на Филиппины и продать там, а выручку поделить. Шесть месяцев спустя, выйдя из заключения, помощник сообщил мне, что мне повезло, поскольку С. предлагал ему отравить меня и еще трех европейцев, и сбежать на шхуне к островам Южных морей.

Сезон охоты на калана теперь практически подошел к концу и оставшиеся шхуны переключили внимание на тюленей. Поскольку «Немо» была довольно велика, на нее можно было поставить вспомогательный паровой двигатель, что я и решил сделать, а затем попробовать сформировать компанию и оснастить судно для охоты на тюленей и китов. Китовый ус в то время стоил около 2000 фунтов за тонну. Компания была образована, и я сделал рейс, в результате добыча составила около 1600 тюленей, что принесло компании прибыль около 40 процентов на ее вложения. Последовали другие рейсы, в основном за тюленем, отчет о которых, я надеюсь представить в другой книге. Здесь я расскажу только о нескольких

инцидентах, которые произошли, год или два спустя, когда я зашел на Курильские острова, чтобы заправиться дровами и водой, и попытался заодно добыть нескольких выдр, прежде чем идти в Берингова море на вторую в сезоне морскую охоту на котиков. Мы бросили якорь в бухте Оттомай в Малом Курильском проливе. По дороге один из моих охотников сказал мне, что был там осенью прошлого года, и обнаружил японца, живущего в одиночку в юрте, которую он построил среди песчаных дюн, в верхней части пляжа. Прежде чем встать на якорь, мы увидели юрту, но никаких признаков человека не было заметно. Это было 25 июня, ближе к вечеру, и идти за водой и дровам было уже поздно, так что мы рано поужинали, а затем три охотника и я сошли на берег. Мы высадились возле юрты – она находилась всего на несколько ярдов выше верхней точки прилива. Жилище это было построено по обычной схеме, наполовину врытое в землю, с жилой комнатой и главной прихожей, как описано в первой части этой книги, но без ниш для спанья по бокам. Дверь, которая открывалась наружу из прихожей, были подперта, несколькими палками, очевидно, чтобы она не открылась и животные не забрались внутрь, хотя медведь, оказавшись он поблизости, живо бы справился бы с этими хлипкими запорами. Мы пришли к выводу, что хозяин отсутствует, и, вероятно, перебрался на соседний остров, где располагались лейтенант Гундзи и его партия.

Заглянув в жилище, мы рассмотрели его интерьер. В холле мы обнаружили, кадки с водой, рисом и другой японской снедью, посуду. В главную комнату из прихожей вел узкий проход. Здесь мы обнаружили, одежду, книги, японские тарелки и чашки, термометр, барометр, винтовку, боеприпасы и разные другие вещи. Было очень темно, свет попадал в помещение лишь через небольшое отверстие в конце крыши, и через отверстие, ведущее прихожую. Мы оставили все, как было, и вышли на улицу. Одному из моих охотников пришла мысль вернуться и осмотреться еще раз. Вдруг раздался его крик: "Ах, вот он! Он мертв!" Я вернулся внутрь и выяснил, что охотник, чиркнул спичкой, и обнаружил мертвого мужчину, лежащим под футоном (японским ватным тюфяком) в самом темном углу комнаты. Никаких признаков изменения цвета или разложения, и ни малейшего трупного запаха не было. Рассмотрев как следует с зажженной спичкой в руках лицо и лоб, я заметил что они покрыты легкой плесенью напоминающей налет на спелых свежих

фруктах... По на выходе из юрты, я увидел что к нам гребет рулевой-ирландец Рейли. Я велел охотникам, не говорить о том, что мы обнаружили - Рейли непременно захочет видеть, что там внутри, а мы пождем развития событий. Конечно, первым делом Рейли вошел в юрту, а мы оставались снаружи и прислушивались. Он имел привычку говорить сам с собой, и мы слышали, как он сказал: "Ишь ты, славная, черт возьми, винтовка. Попрошу "Старика", чтобы он мне позволил ее взять. И чертовски хорошая пара резиновых сапог!" Вслед за тем он появился с ними на свет и спросил меня, может ли он взять их на борт. Я отказал, и велел ему, оставить все, как было. Он отнес их обратно, и мы слышали, как он сказал: "Книги и бутылки, и хорошая пара красных одеял". Затем раздался его крик, и он пулей вылетел оттуда, волосы дыбом, вопя: "Святой Иисусе! Там в постели мертвец!" Мы не могли не расхохотаться – до того комическое зрелище он собой являл. Оказывается, двигаясь наощупь в темном углу, он положил руки на ноги покойника. Ничто не могло заставить Рейли войти в юрту снова. Полагая, что лейтенант Гундзи и его люди, по-прежнему на соседнем острове, на Шумшире, я решил на следующее утро, заправившись водой и дровами, отправиться к их поселению и сообщить, что мы нашли. Мы закончили работы рано, позавтракали, после чего я поднялся на палубу, чтобы взять лодку и плыть до поселка на другом острове, около трех или четырех миль. Но, поглядев в этом направлении, я увидел лодку, идущую к нам. Когда она поравнялась с нами, меня окликнули по-английски – это был сам Гундзи. Пригласив его на борт, и предложив ему поесть, выпить, и покурить, я сообщил ему о нашем открытии. Он сказал, что он узнал об этом, побывав здесь в начале марта, когда они нашли мертвое тело. Они не похоронили его, потому что японские правила и обычаи, связанные с такими вопросами были очень строгими. Этот человек был в некотором роде его противник - он выступал за возвращение Курильских айнов на прежнее место жительства, и стремился найти лучшие места для них, изучая флору и фауну, геологию и метеорологию островов. Гундзи был против его плана, и предназначал острова для заселения самими японцами. Он сказал, что они побывали у покойного осенью, и пригласили его провести зиму в их поселении, но он отказался, предпочтя остаться в одиночестве. Он принадлежал к христианам греческого толка, и знал русский язык, будучи воспитан священниками Русской Православной Церкви в Японии. Гундзи

сказал, что казенный пароход ожидается из Немуро примерно через месяц, на его борту будут сотрудники полиции, который расследуют дело и похоронят этого человека. Он объяснил чрезвычайную сохранность тела прохладой и чистотой воздуха.

К этому время Гундзи и его партия провели около пятнадцати месяцев на островах. В то время, как его лодка была рядом с нами, его люди забрасывали лески, хотя никакой рыбы там не могло быть. У нас на борту было много трески и палтуса, которых мы поймали как раз на выходе из пролива накануне. Видя это, Гундзи спросил, где мы поймали рыбу, он сказал, что провиант у его людей заканчивается, а рыбы они наловить не могут. Это удивило меня, как проявление крайнего недостатка энергии и предприимчивости с их стороны, ибо воды вокруг их острова буквально кишели рыбой, в особенности, треской и палтусом. Необходимо было только выйти в зимние и весенние месяцы на более глубокие воды. Я указал ему места, и, презентовав ему два-три десятка рыбин трески и кое-какие припасы, распрощался с ним. После чего мы ушли. С тех пор, я полагаю, промысел трески стал одним из главных занятий его поселенцев. В 1896 году я был на том же месте, по тому же поводу и в то же время, а именно 25 и 26 июня, - все следы юрты исчезли, было много снега, и место, казалось, пустынным и бесплодным, как никогда. Три лодки отправились в небольшой ручей, впадающий в бухту, чтобы набрать воды. В партии пошли три мои охотника, намереваясь поохотиться в сопках и взяв с собой собаку, кокер-спаниеля. Они прошли вдоль берега туда, где первоначально стояла юрта, примерно в полумиле от места их высадки, и остановились за пару сотен ярдов, где начинался высокий холм, образующий нижнюю часть склона гор уходящих дальше в глубь острова. Собака все время держалась поблизости от них.

Подумав, что смогу подстрелить какую-нибудь куропатку, я взял ружье, подошел на веслах к берегу и высадился рядом с местом, где стояла когда-то юрта. Вытащив лодку, я обернулся и увидел, что моя собака со всех ног несется в мою сторону. Она стрелой промчалась мимо, не обращая внимания на меня, хотя я звал ее и свистел. Поджав хвост, выпучив глаза, мотая головой из стороны в сторону, она словно спасалась бегством от некоего ужаса, который может настичь ее в любой миг, и являла собой воплощение страха. Она пробежала прямо по пляжу

туда, где лодки набирали воду, а затем бросилась в море и поплыла к судну. Опасаясь, что у нее могут случиться судороги, и она утонет, я снова столкнул лодку в воду и последовал за ней, мне удалось вытащить ее из воды после того, как она проплыла уже около четверти мили. Когда я посадил ее в лодку, она съежилась у моих ног, сильно дрожа, и по временам издавала короткий лай больше похожий на хрип, и выражение сильнейшего испуга не оставляло ее. Я поднял ее на шхуну, принес в каюту, и, как мог, пытался утешить бедное животное, но это не произвело большого эффекта: тень, промелькнувшая в фонаре, снова пробуждала все страхи. Пытаясь объяснить это, я подумал, что кто-то, может быть, избил ее, или, прижег ее спичкой или что-то в этом роде, поэтому, снова сойдя на берег, я спросил охотников, что они сделали, что собака так перепугалась. Они были столь же удивлены и растеряны, как и я. "Она все время была рядом с нами, - только и могли они сказать, - или поблизости, а когда мы остановились, была между нами, и тут-то, похоже, и увидела что-то от чего испугалась так сильно, что стремглав бросилась прочь по пляжу, как если бы за ней гнался дьявол."

Я выбросил это дело из головы, пошел в горы, настрелял птиц, и вернулся на борт. Собака была все в том же нервическом состоянии страха. К полудню запасы воды и дров были пополнены, и все снова были на борту. Примерно через час я был на палубе, и увидел европейца, в сопровождении собаки размером где-то с пойнтера – он спустился с высокого холма на пляж и скрылся в дюнах. Три часа или чуть позже, когда он снова появился на пляже и помахал нам, я направил к берегу лодку и доставил его на борт. Это оказался охотник-американец, со шхуны, что стояла в небольшой бухте милях в трех вверх по проливу, он вышел на возвышенность, пытаясь добраться до болота на южной стороне нашей бухты, в надежде подстрелить там диких уток. После обычного угощения и обмена новостями, он уже собирался уйти и попросил меня доставить его на берег на северной стороне бухты, ибо это срезало ему часть пути. Когда собирался сесть в лодку, он заметил: "Я потерял свою собаку, и если вы увидите ее на пляже, я хочу, чтобы вы взяли его на борт, чтобы когда мы встретимся в Беринговом море, я смог получить ее обратно». Я спросил его, как и где он потерял пса. Он сказал: "Да уж, это крайне любопытно Видите ли, когда я спустился в дюны там", - указывая на то место, где испугалась моя собака, - "чертова псина, которая трусила спокойно рядом со мной,

вдруг увидела что-то, от чего взвилась, как ошпаренная, и задала стрекача, как если бы 40 000 чертей гнались за ней по пятам. Я свистнул, кинулся за ней бегом, но она не останавливалась, бежала и бежала - да сейчас еще бежит поди, так уж она припустила - и с тех пор я ее не видел." Тогда я рассказал ему, что произошло с моей собакой, но никакой правдоподобной разгадки этой тайны он предложить не смог. Мы оставались на стоянке до следующего утра, но не увидели никаких признаков его собаки.

Причина этого сильнейшего страха до сих пор остается загадкой. Я рассказал эту историю нескольким людям и некоторые «умники», конечно, сразу же все разрешили, заявив, что «собаки увидели или учуяли медведя», или «съели что-то не то», или «их кто-то ужалил». Там, однако, не было ничего, что можно было бы съесть, и никого, кто мог бы их ужалить, и, будь в этом месте, где спрятаться медведю, я уверен, что это не повлияло бы так на мою собаку, потому что она бывала со мной, когда я охотился на медведей, и не показывала такого страха. Так или иначе, место было открытое и голое, и все просматривалось далеко вокруг, так что и лиса не осталась бы незамеченной. Если бы речь шла только о моей собственной собаке, я бы выбросил это из головы, решив, что просто что-то произошло с ней, хотя она до сих пор всегда была здорова. Она не избавилась от нервозности в течение нескольких дней, и никогда не стала такой же, как раньше. Она в конечном итоге умерла от эпилептического припадка по моему возвращению в Иокогаму. Этот случай может представлять интерес для м-ра Стида и других лиц, участвующим в психологических исследованиях, которые возможно были бы склонны связать его с человеком, что умер и пролежал там так долго без погребения. Я часто задавался вопросом, из-за чрезвычайной сохранности тела, не погрузился ли он в состояние транса.

В охоте на морских выдр, как и во всех других подобных занятиях, иногда случаются из ряда вон выходящие происшествия, которые стоят того, чтобы их записать. Мне сейчас приходят на память несколько таких. Однажды, во время охоты у камчатских берегов, я убил выдру по-настоящему чудесным выстрелом. День был идеальный для охоты, стоял штиль, море было гладкое, как мельничный пруд, и молочно-белое из-за высокого тумана, что позволяет охотнику увидеть черный объект на воде с очень большого расстояния. Более чем за тысячу ярдов

перед моей лодкой я увидел небольшой черный предмет, в котором мой наметанный глаз узнал калана. Бинокль подтвердил это, и с его помощью я различил, что калан "стоит", этот термин означает, что он высунулся из воды, насколько возможно и глядит в сторону моей лодки. Понимая, что он начеку, я решил выстрелить в его сторону, полагая, что он может попытаться любимую уловку – нырнет в сторону приближающейся лодки, пытаясь пройти под ней и вынырнуть далеко за кормой, но, неверно оценив расстояние, выйдет на поверхность где-то рядом со мной. Остановив лодку, я тщательно прицелился, чтобы правильно определить линию огня, - я навел винтовку так, чтобы, как я думал, пуля пришлась где-то перед каланом или сразу позади него, нажал на курок, и ожидал увидеть всплеск от пули. Не увидев его, я решил что взял слишком высоко. Калан не нырнул, а остался лежать на воде. Лодка пошла к нему, я держал свое ружье наготове, на случай, если он снова "встанет". Несмотря на то лодка шла в хорошем темпе, казалось, прошло бесконечно долгое время, прежде чем мы смогли его как следует рассмотреть. Тут я заметил, что он "загнулся" то есть из воды виднеется его спина, эта поза всегда предполагает, что калан оглушен или мертв, и подойдя ближе, я увидел, что вода окрашена кровью. Затаскивая его в лодку, я обнаружил, что моя пуля вошла ему в горло и перебила хребет.

В другой раз мы «загоняли» калана у побережья Итурупа, в миле или больше от нас другая группа лодок "загоняла" другую выдру. Наш калан был любителем занырнуть надолго, и, судя по времени, которое прошло между выстрелами, таким же был калан соседей. Через некоторое время те другие лодки прекратили стрельбу, и я заметил, что они расходятся по более широкой площади, видимо, упустив след своего зверя. Вдруг калан вырвался из воды с глубоким вздохом в десятке ярдов от меня, и прежде чем он смог осознать опасность, я послал пулю ему в голову. В тот миг я подумал, что это калан, которого мы преследовали, но, пробыв под водой значительно дольше, чем обычно, тот показался на поверхности в противоположной стороне, вне треугольника наших лодок. Ближайший к нему охотник выстрелил дважды или трижды, но не попал, а затем, заметив, что он "загибается" поплыл к нему и нашел его мертвым. Он не был ранен, но его долгое пребывание под водой и постоянные напряженные усилия вызвали разрыв кровеносного сосуда, снимая шкуру, мы увидели, что вены как будто

расположены и все тело под кожей плавает в крови. Выдра, что я подбил, без сомнения, была той, за которой гонялись другие лодки, бедное животное после такой борьбы, проплыв около мили под водой, чтобы спастись от врага, встретило свой конец от руки другого.

Обычно калана нужно убить, прежде чем он может быть поднят в лодку, но как-то утром, когда мы гонялись за одним каланом у северо-восточной оконечности Урупа, произошел следующий несколько комичный случай: вода была как зеркало, ни ветерка; но далеко на северо-западе виднелась линия "барашков», что свидетельствует о приближении ветра. Мне очень хотелось, захватить нашу добычу, прежде чем налетит ветер, и, к счастью, один из моих охотников ранил животное, когда оно вынырнуло из воды близко к лодке. Как только добычу вытащили на борт, я дал сигнал вернуться к шхуне, так как ветер теперь уже дошел до нас. Мы проплыли совсем немного когда, мое внимание привлекла возня в кормовой части лодки, где лежала выдра - я увидел, как ноги загребного взлетели в воздух, как он упал навзничь, а потом что-то закутанное в плащ (рулевой набросил свое непромокаемое пальто на калана) встало на дыбы и сигануло за борт.

Конечно, я понял, что это калан, и что, вероятно, только что от нас улизнуло 20 или 30 фунтов. Мои чувства можно себе представить. Тем не менее, я просигналил лодкам рассредоточиться, мы очень быстро заняли позиции, и к счастью, несмотря на волнение, нам удалось отслеживать направление, в котором пытался скрыться наш беглец, пока он не попал под выстрел моей винтовки. При осмотре я обнаружил, что первый выстрел только проник под кожу, и пуля уперлась в лопатку. Видимо, прежде чем пуля, ранила выдру, она ударилась о воду и оглушила животное, но на то, чтобы причинить больший урон, в ней не осталось больше энергии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИТОГИ МОРАЛЬНЫЕ И КОММЕРЧЕСКИЕ

Для строгого моралиста некоторые эпизоды, изложенные здесь, могут несколько отдавать пиратщиной, особенно в свете того, что было написано в последние годы

теми, кто ради подавления конкуренции, заинтересован в том, чтобы избавиться от морских охотников. Как только ни называли охотников на калана и тюленя эти люди – «браконьеры», «флибустьеры», «пираты», и даже хуже. Однако, морской охотник отнюдь не так страшен, как его малюют эти недобросовестные клеветники. Единственный элемент правды в этих обвинениях - охота в запретных водах, а это, в конце концов, можно рассматривать как очень простительное преступление, которое, к тому же, влечет за собой суровое наказание в виде конфискации судна, задержанного в территориальных водах.

Хорошо известно, что морские охотники на тюленя посещали лежбища, расположенные на островах постоянно населенных и сданных в аренду определенным компаниям; как и те, что располагались на островках, которые, хотя и не находятся в территориальных водах, но некоторое время охранялись, а затем были покинуты; а также и другие - на скалах и островках непригодных для проживания, никогда не входивших в территориальные воды, где никогда не было никакой охраны. Когда они посещали охраняемые места это почти всегда происходило при попустительстве, по приглашению или с согласия местных жителей.

Ни разу за мою практику не было случая – а я уверен, что обязательно услышал бы, случись подобное – чтобы хоть один охотник на калана или на тюленя украл шкуру, пошел на грабеж, применил физическое насилие или напал на туземцев, или на кого-либо еще, в любом из мест, где охотился. С другой стороны, немало тех, кто, занимался промыслом недалеко от берега, было подстрелено или убито, при этом ни единого выстрела не прозвучало в ответ. Иногда жертвы оказывались там по недосмотру, из-за малой видимости, в туман, а в других случаях сознательно шли на риск.

Местные жители сами не будут стрелять в тех, кто отважился приблизиться к берегу, так как знают, что довольно было бы и менее решительных мер, чтобы их отвадить; но к этому их обязывают и подталкивают их работодатели, которые вооружают их скорострельными винтовками, и выплачивают награду, если им удастся кого-то убить, и эти же самые работодатели, обычно, не обремененные ни риском по снаряжению разведочной экспедиции, ни риском личного в ней участия, пожинают плоды всякого понесенного риска и всех пережитых тягот, а равно и

всех открытий, сделанных охотниками на каланов и тюленей. Они похожи на чайку-пирата, на поморника, среди моёвок, который, вместо того, чтобы самому искать себе пищу, следит, как другая птица ловит рыбу, а затем налетает на нее, заставляет бросить эту рыбу, и проглатывает ее. Так было всегда. Кто-то, ощущающий в себе жажду странствий, пускается в экспедицию в более-менее малоисследованные или неизвестные уголки мира в надежде, что найдет там что-нибудь. Это может быть торговля, тюлени, каланы, или рыба, или золото, или гуано, или, как это чаще бывает, нечто не имеющее никакой ценности, и в награду ему достаются только трудности. Время от времени кто-то из этих странников находит что-то ценное, и, как только об этом становится известно, является чиновник и предъявляет претензии на то, что найдено. Затем некий трест или компания, или отдельное лицо, у которого есть «лапа», приобретают право (?) на то, чтобы это эксплуатировать, а первооткрыватель нередко остается с носом. За тот период, который охватывает мой рассказ, около пятидесяти иностранных судов в разное время занимались охотой на морских выдр в северной части Тихого океана в районе Курильских островов. Наибольшее их количество за год достигало пятнадцати, три из них, впрочем, погибли, прежде чем добрались до мест промысла. Несколько судов охотились несколько сезонов; другие - только три или четыре года; иные - только один или два; хотя иные пришли к печальному концу, прежде чем закончили один сезон, в среднем суда оставались на промысле около трех сезонов. Ниже приведен список - полный или почти полный - этих судов, с указанием, какая их постигла судьба

«Сигнет» - затонул со всем экипажем на севере Тихого океана

«Суоллоу» - оставлена и разбилась на восточном берегу Эдзо.

«Роско» - неизвестно.

«Каролина I» - неизвестно.

«Оцего» - погибла со всем экипажем на северо-восточной оконечности Итурупа.

«Сэнборн» - погиб со всем экипажем во время охотничьего рейса к мысу Горн

«Уайт Фэлкон» - погиб у Итурупа

«Сноудроп» - погибла у Итурупа

«Буфандо» - погиб у Итурупа

«Флаинг Мист» - объявлен погибшим со всем экипажем на Севере тихого Океана
«Лотти» - брошена на Шикотане
«Лизи» - неизвестно
«Фанни» - неизвестно
«Юпитер» - продан для использования в другой отрасли
«Миртл» - погибла на Алеутских о-вах
«Флаинг Игл» - погиб на Алеутских о-вах
«Дельфин» - погиб у берегов Японии
«Ундина» - погибла совсем экипажем
«Кайшо» - погибла у Итурупа
«Сноуфлэйк» - погибла у Эдзо
«Си Лайон» - погиб со всем экипажем. Север Тихого океана
«Каролина II» - погибла со всем экипажем и 190 каланьими шкурами
«Оотосэи» - продан японцам и погиб в следующую навигацию
«Элиза» - погибла на Итурупе
«Тори» - продан для использования в другой отрасли
«Александр» - объявлен погибшим со всем экипажем на Севере тихого Океана
«Беатриса» - переключилась на охоту за тюленем
«Бэннер» - погиб у Итурупа
«Отомэ» - захвачена русскими
«Дидона» - погибла у Итурупа
«Сара-Луиза» - затонула со всем экипажем на севере Тихого океана
«Мэтини» - погиб на Алеутских о-вах
«Эм Си Бон» - продан
«Хелена» - захвачена русскими
«Стела» («Адель») – объявлена утонувшей со всем экипажем, Берингово море
«Элиза» - захвачена русскими
«Диана» - потоплена русским пароходом в Охотском море в 1904
«Ада» - перешла на охоту на тюленей
«Оттер» - объявлен погибшим со всем экипажем
«Хива Элизабет» - затонула
«А. Кэшмен» («Феликс») - погиб со всем экипажем. Охотское море

«Охеде» («Роуз») – захвачена русскими, погибла со всем экипажем

«Пенелопа» - погибла в бухте Клаллан

«Сахалин» - погиб у берегов Японии

«Немо» - затонул у острова Шантарского в Охотском море

«Фиарлесс» - неизвестно

«Арктик» («Пойнтер») – затонул на Шикотане

«Бентен» - погиб на Парамушире

«Мистери» - захвачена русскими и погибла

«Ретривер» - продан

В ходе этого погибло от 250 до 300 человек, включая тех, кто умер от переохлаждения, при крушениях, тех, кто упал за борт, и тех, кто утонул, когда опрокинулась лодка.

Из сорока с лишним белых, которые в разное время плавали со мной на охоту за каланом, капитанов, вахтенных, охотников, или помощников капитана, я знаю только восьмерых, кто дожил до наших дней, и еще четверых я потерял из виду. Девятеро умерли в своей постели, а остальные двадцать погибли до срока - утонули, застрелены, покончили с собой. Из членов команды - около 150, в основном, японцев - за тот же период, большинство сгинули в промысловых районах северо-западной части Тихого океана. Эти голые факты никогда не представляли передо мной в истинном свете, пока я не решил собрать и записать их на бумаге. В дальнейшем будет показано, что охота на калана занятие очень ненадежное, предполагаемая прибыль - совершенно недостаточная компенсация за претерпеваемый риск. Как и во всех делах подобного рода, на слуху только успешные предприятия - о неудачных никогда ничего не слышно - а доходы от первых быстро поглощаются потерями от последних.

Всю прибыль, которую принесла эта отрасль, получили те, кто строил суда и поставлял снаряжение, те, через чьи руки проходили шкуры, прежде чем попасть к конечному покупателю, а также те, среди кого матросы и охотники – народ, как правило, беспечный, - тратили свои деньги между сезонами.

Большой шум был в свое время в Японии, главным образом, благодаря иностранной субсидируемой газете, выходящей в Йокогаме, по поводу беззаконий

творимых чужеземными охотничьими суда в этих так называемых японских водах. Не прояви же иностранцы предприимчивости в исследовании этих малоизвестных и заброшенных мест, включая необитаемые острова и скалы, об этой части мира, практически ничего бы, наверное, не было известно и по сей день, и многие выгоды, полученные японцами от этих знаний, были бы потеряны для них. Мало того, что японцы получили выгоду от того, что расходуется на строительство, оснащение и ремонт охотничьих судов, от жалования и долей в промысловых предприятиях, от процента, выплачиваемого японскими экипажам и охотникам – а почти все это тратилось в Японии - но, что, гораздо более значимо, несколько сотен японских моряков получили основательную подготовку на судах с косым парусным вооружением именно в то время, когда японцы отказывались на каботажных рейсах от своих джонок в пользу шхун, построенных на иностранный манер. Это обучение было чрезвычайно ценно для них, и многие, в конце концов, стали капитанами, помощниками и боцманами, на борту собственных судов с косым парусным вооружением, которых скоро стали десятки, а еще недолге и - сотни, а нынче уже, вероятно, тысячи, так как их можно встретить во всех портах страны.

Преимущества на этом не заканчивались. Я, заявляю не колеблясь, что дух приключений и предприимчивости, овладевший в настоящее время японцами - в частности, проявляющийся в том, что они оснащают шхуны для рыболовства, охоты, и разведки, по всей северной части Тихого океана, в Охотское и Берингово моря - во многом, если не полностью, родился из опыта, полученного от иностранных охотников на калана и тюленя – тех, кого в свое время они так безжалостно клеймили. В настоящее время множество японских судов снаряжаются для, как это у них называется, «глубоководного рыбного промысла». Они поддерживаются и поощряются правительством, которое платит им ежегодно субсидию в 10 иен за регистровую тонну. Они ходят в Японское, Охотское и Берингово моря за тюленем, каланом, лососем, китом, а также к островам центральной части Тихого Океана за перьями морских птиц, черепаховыми панцирями, перламутром, кораллами, фосфатами, гуано и всем, что только возможно. Из-за этих экспедиций они вступили в конфликт с русскими у сибирских берегов Охотского моря, на Камчатке и на Командорских островах, с

американцами на побережье Аляски, на островах Прибылова и Алеутских островах, и на одном или двух небольших островах Океании; с корейцами в Японском море и с китайцами в Желтом море, а, совсем недавно, на острове Пратас, лежащем на полпути между побережьем Китая, Филиппинских островов и Формозы.

Погибло немало судов и немало этих японских рыцарей наживы сложило свои головы, но очень редко детальные отчеты об этом попадают в газеты. Тем, кого это интересует хорошо известно, что десятки японских судов потоплены на русском побережье Охотского и Берингова морей (как утверждается, тридцать за период около четырех лет, и 300 человек погибших), несколько - на побережье Аляски и у Алеутских островов, и некоторое число на Курильских островах. Количество погибших при этом было исключительно велико, так как все суда были с большими командами. Немало тех, кто рискнул посетить небольшие острова, разбросанные по Тихому океану между 15 ° и 35 ° северной широты, сгинули без вести, но время от времени какой-нибудь корабль, проходя мимо этих затерянных мест, видит реющий в воздухе сигнал бедствия, который, как оказывается, подают эти потерпевшие крушение японцы. И все-таки они продолжают выходить в море, вдохновляемые примером тех немногих, кто добился успеха. Благодаря правительственным субсидиям, небольшой стоимости своих судов, дешевому провианту и низким жалованиям японцы часто могут получить прибыль там, где иностранец несет чистый убыток. Японец подобно англосаксу обожает приключения; жизнь на борту судна ему по душе, элемент азарта в предприятии, новые и неизведанные места влекут его. Периоды тяжелого труда чередуются с часами беспечности и вдобавок к этому – так дело обстоит в таких рейсах почти всегда – он получает вдоволь хорошей еды, а также и возможность ею насладиться, благодаря здоровой жизни на свежем воздухе, которую он ведет.

Да это восхитительная жизнь, и я жалею, что мне пришлось отказаться от нее. Я обнаружил, что жизнь стоит того, чтобы жить, в те двадцать с лишком лет, что провел на промысле, и что бы другие люди ни сказали о моральной стороне этого занятия, оно куда как достойнее, чем тратить жизнь на то, чтобы обжуживать соседа или пробавляться другой подобной же коммерческой деятельностью столь популярной в наши дни.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

КАЛАН

В нижеследующем отчете о морской выдре, я широко использовал «Исследования морского котика», 1896-97, «Русские острова морского котика» доктора Леонарда Штейнегера, 1896, и «Доклад об Аляске» Ивана Петрова, 1882 (все опубликованные правительством Соединенных Штатов), исправив, сообразуясь с собственным опытом, несколько ошибок, не особенно важных, но тем не менее.

Калан - *Enhydra lutris*, *Enihydra marina*, *Lutra marina*, а позднее *Latax lutris*, как его, на разный манер, именовали ученые мужи - был обнаружен русскими на побережье Камчатки к концу семнадцатого века. Из-за его красивого меха, за который платили очень высокие цены на меховых рынках России и Китая, на него так упорно охотились, что в течение следующих пятидесяти лет он стал очень редок, собственно, как сообщается, он практически был выбит у берегов Камчатки.

Предприимчивые охотники в поисках других мест обитания этого ценного животного обнаружили его на Алеутских островах. Атту, самый западный остров архипелага, был обнаружен Михалом Новодисковым в 1745 году, и с каждым годом русские охотники распространяли свои исследования дальше на восток, пока все острова не были посещены; Кадьяк открыли в 1763 году, а полуостров Аляска в 1768. Отсюда вдоль северо-западного побережья Америки спускались до Британской Колумбии. На всех этих берегах морская выдра встречалась в изобилии, и были добыты, выменяны или иными способами получены у местных туземцев десятки тысяч шкур.

Очевидно, что в то время, калан был распространен от островов Санта-Барбара, штат Калифорния, вдоль по побережью Орегона, Вашингтона, Британской Колумбии, Аляски (юг Берингова моря), Алеутских островов, через Командорские острова и вверх к побережью Камчатки, на 56 ° северной широты, затем на юго-запад до берега полуострова и вдоль Курильских островов до Эдзо, на расстояние около 5000 миль, с самым большим разрывом в 180 миль между Атту и о. Медным.

Мех калана пользовался столь большим спросом, что на зверей охотились неустанно и беспорядочно, и во многих районах полностью их уничтожили. Так было, в первую очередь, на Камчатском побережье. Затем, были найдены новые места, и их постигла та же участь, и, наконец, только в самых труднодоступных местах калан еще мог устоять перед натиском своего двуногого врага. Даже и там трудности охоты были со временем преодолены, и выдры были так основательно повыбиты, что в настоящий момент добыча со всех мест промысла в Северной части Тихого океана от Японии до Британской Колумбии не превышает 200 голов, за единственным исключением, остров Медный - каланы там усердно сберегаются и ревниво охраняются, и за сезон разрешается добывать только около 200 шкур. Размер самого крупного взрослого калана от носа до кончика хвоста, от 4 футов до 4 футов 6 дюймов и весит такой до 80 фунтов. Шкура «сидит» на теле удивительно свободно и, после «вытяжки» на рамке самая большая будет до 90 дюймов от носа до кончика хвоста, и 36 дюймов в ширину. В шкуре такого размера будет около 15 квадратных футов (5 на 3 фута) кожи, не считая головы, шеи, лап, ласт и хвоста. Мех калана очень тонкий, густой, мягкий и шелковистый, от 1 дюйма до 1 1/2 дюйма в длину, имеется определенный процент более длинных волосков, которые грубее и жестче.

У корней мех имеет блестящий жемчужно-беловатый цвет, темнеет к внешней стороне - до черноты у лучших шкур, а у прочих - до различных оттенков коричневого цвета, от темного, «печеночного», цвета до более светлых оттенков. Самые лучшие шкуры - черные, с равномерно распределенными по всей площади примерно на расстоянии дюйма друг от друга серебристо-белыми волосками. Когда такая шкура имеет полный размер, хороший равный пуховой и остевой мех, и однородную окраску (за исключением головы, которая часто бывает белой), он считается шкурой 1-го номера, и получает высокую цену на рынке. Следующая градация - не такая темная, но вполне возможно не уступающая по качеству пуха и ости. Затем идут шкуры темно-коричневого цвета, за ними - более светлые, на которых могут присутствовать, а могут и не присутствовать серебристые остевые волоски; затем идут ржаво-бурые шкуры, и, наконец, "ватные" шкуры, с короткой шерстью на которых мало или совсем нет длинных волосков, они иногда бывают пепельно-серые или мышинового цвета, и выглядят так, будто мех был пострижен

ножницами. Все эти сорта имеют различные степени качества. Размер, безупречность меха, и равномерность окраса и распределения остевых волосков – первые критерии. Некоторые шкуры крупные, с хорошим пухом, ровные по цвету, но остевые волоски на них распределяются очень неравномерно, в некоторых местах, возможно, их вовсе нет, или может быть "ватный" участок (часто в середине спины), который портит красоту, в остальном отличной шкуры. Другие могут быть красивыми черными, с равномерным пухом и остью от плеч до кончика хвоста, но с белыми или почти белыми головой и животом. На некоторых шкурах ость немного скручена, имеет припаленный вид, а на других, у нее как будто обломаны кончики. Небезупречные шкуры почти всегда у взрослых животных. Не взрослые каланы гораздо ровнее по цвету и качеству меха, но серебристые остевые волоски у них, как правило, растут слишком густо и близко друг к другу. На многих шкурах длинные волоски не серебристые, а черные или коричневые по цвету.

Голова округлая, с маленькими ушами; глаза черные, бусинками; усы, белые, несколько напоминающие кошачьи, но грубее и жестче. Зубы приспособлены для поедания практически чего угодно. Имеются исключительно крепкие коренные, так что у калана не возникает трудностей с пережевыванием хорошего размера крабов, которые, судя по содержимому многих желудков, вскрытых и изученных мною, похоже, являются его главной пищей. Передние лапы короткие и толстые, пальцы на них не перепончатые, с короткими когтями и голыми, черными, зернисто-шершавыми, покрытыми кожей ладонями. Задние конечности значительно длиннее и похожи на лапы по форме; ступня несколько напоминает человеческую руку по размеру и форме. Пальцы на нижних конечностях, самый длинный из которых находится с наружной стороны, примерно равны по длине пальцам на передних лапах, и соединены тонкой кожистой перепонкой, покрытой мехом как сверху, так и снизу, за исключением пяти круглых голых участков около дюйма в диаметре, соответствующих подушечкам на кончиках пальцев. Кожа на этих участках черная и зернистая, как и на ладонях передних лап.

Каланы очень ловко орудуют передними лапы, используя их почти как руки – для того, чтобы нянчить детенышей, хватать и удерживать пищу при еде, играть с подрастающим поколением или с товарищами, боксируя с ними, как играющие

кошки, и для иных нужд. Однако, использование задних конечностей очень ограничено, пальцам по всей видимости, не хватает мышечной силы, и выдра не может все ступней стать на землю, когда она пытается ходить, пальцы поджимаются к подошве. Выбираясь на камень или на пляж, выдра, когда ее не тревожат, переставляет ноги поочередно, но при попытке двигаться быстро, подтягивает обе свои задние конечности под его тело одновременно, и перемещается серией быстрых прыжков, так она преодолевает участок суши в хорошем темпе, однако при этом обычно повреждает ласты.

Однажды я застал врасплох и загнал в угол небольшую «стайку» каланов, расположившихся на скалистом выступе на острове Шиашикотан. В тот раз удалось добыть девять зверей, и я имел прекрасную возможность наблюдать их движения. Ласты всех их были в ссадинах и кровоточили от прыжков по камням, и я доволен, что морские выдры никогда не путешествует добровольно на сколько-нибудь значительное расстояние по берегу, но довольствуются тем, что вылезают на сушу совсем близко к воде.

Более длинные задние конечности и поджатые пальцы на них под подошвой из них имеют влияние на значительное повышение задние части тела, когда он пытается идти или бежать на берег или на лед, и придать ему совершенно другой вид от обычно изображается.

Хвост морской выдры не цилиндрической, как его описывает большинство авторов, но плосковатый, около 2 1/2 дюйма в ширину и менее 1 дюйма толщиной. Он жесткий и не способен значительно сгибаться. Он двигается у корня, где соединяется с телом, и имеет определенную свободу хода в сторону, и несколько большую - вверх-вниз. От корня почти до конца его ширина почти не меняется, он сходится в туповатый кончик. Хвост почти всегда покрыт очень хорошим мехом, часто черным с серебристыми остевыми волосками, тогда как на теле мех может быть очень неравноценным. Ширина и длина хвоста варьирует у различных животных, причем у некоторых из них он гораздо шире, чем у других. Кожа на хвосте, в отличие от тела, прилегает плотно и не может быть намного растянута. Бока хвоста, которые тоньше, чем центр, заполнены слоем хрящеватого жира, и перед тем, как вывесить шкуру на растяжку, его нужно вырезать, иначе хвост нельзя раскрыть и развернуть. Хвост используется в качестве руля. Однажды я

убил калана, который вел себя очень своеобразно – он нырял и оставался под водой обычное время, но далеко никуда не уходил, и всегда всплывал в самых неожиданных местах. Когда его подбили, его беспорядочные движения объяснились – у него не было хвоста, по-видимому, его откусил какой-то враг, вероятно, акула.

У самки калана только два соска и, как правило, она рождает за один раз не более одного детеныша. Иногда однако рождается двойня. Я видел двух детенышей с матерью, и вынул два плода из чрева выдры, которую убил. Установленного сезона размножения у калана нет, детеныши всех возрастов встречаются круглый год. Я считаю, что калан становится вполне взрослым примерно на четвертый год. Самка калана очень нежная и преданная родительница, и печется о своем потомстве с большой заботой. Редко она покидает "щенка", когда их преследуют, и только если он захлебнулся из-за ее постоянных нырков, или она сама была ранена. Мать-выдра плавает на спине, и держит "щенка" на груди прижимая его передними лапами. Когда ее преследуют она ныряет со "щенком", прихватив его зубами за шкуру, как кошка котенка. Когда она ныряет за кормом, "щенок" остается на поверхности воды, лежа на спине.

Крик морской выдры похож на кошачий, но несколько грубее. Когда идет охота на выдру со «щенком», положение матери выдает непрерывное мяуканье детеныша, когда они выныривают на поверхность, чтобы подышать после погружения. У меня в распоряжении было много «щенков» в разное время, и часто я содержал их живыми на борту шхуны в течение недели или более, кормя их стуженным молоком. Конец был всегда один и тот же, они настолько донимали своим непрерывным мяуканьем день и ночь, что ради того, чтобы получить немного покоя, их приходилось убивать. Ползая по палубе, "щенки" поджимали пальцы задних конечностей под стопы, когда подтягивали ласты под корпус, продвинувшись вперед - это полностью соответствовало движениям взрослого животного. Каланы очень пугливы и чувствительным, и в настоящее время редко выходят на берег, хотя, судя по отчетам Стеллера и других, ранее они имели обыкновение выползать на камни и пляжи в больших количествах. Лежа на камнях, калан, как правило, вытягивается во всю длину, если не спит, а если спит в очень холодную погоду, сворачивается клубком и прикрывает нос передними лапами. Морские выдры

очень чистые животные, в частности, я не нашел на них ни одного известного паразита. Они не драчливы, и хотя я видал "стаи" более чем в 100 животных, я никогда не наблюдал никаких признаков борьбы между ними (играли они часто), и ни на одной добытой выдре не замечал ран или шрамов, которые можно было бы приписать драке. Раненых выдр я подбивал несколько раз, но мне известно, что они были укушены акулами, так как я обнаружил несколько акульих зубов в ранах. Возможно, здесь представляется шанс исправить некоторые заблуждения, которые все еще в ходу относительно физических характеристик и повадок морской выдры. За многие из них ответственен Стеллер, если, конечно, как я предложил в главе III, его взгляды не были искажены, или же привычки морской выдры не изменилось, с тех пор как он писал о них. Так, он говорит, что морские львы и морские медведи (котики) пожирают морских выдр и причиняют им всевозможный ущерб, так что последние очень боятся морских львов и морских котиков, и избегают мест их скопления. Я много раз видел морских выдр с десятками морских львов и морских котиков вокруг них – каланы при этом возлежали на водорослевых полях с видом полного безразличия. Морской лев не сможет сожрать калана, даже если бы и захотел - его зубы, как и зубы котика, приспособлены только для захвата его добычи (рыбы, кальмара и т.д.), которую он заглатывает, не пережевывая. Стеллер, говоря о мясе калана, описывает его как "аппетитное и вкусное". О вкусах, конечно, не спорят. Я пробовал его много раз приготовленное по-разному, но ничего более неприятного на вкус и вонючего я с тех пор не нашел. Не проходило ни одного охотничьего сезона без того, чтобы его кто-нибудь не попробовал. Моряки, как китайцы, так и японцы, которых я нанимал в разное время, ели ворон, бакланов, чаек, лисиц, китов, и, конечно же, тюленей, морских котиков и морских львов, но мясу калана они всегда давали «отставку». У курильских айнов, однако, как указано в главе III, калан – излюбленное кушанье. Могу кстати заметить, что мясо морского льва превосходно, и даже его жир, тогда как, при том, что мясо морского котика столь же вкусно, но каждая частица жира должна быть тщательно срезана перед приготовлением, иначе она испортит блюдо. Отчет Стеллера гласит: "Четыре клыка меньших, чем обычно, как это наблюдается у морских медведей, тюленей и морских львов". Это, несомненно, является ошибкой, достаточно одного взгляда на рисунки черепа и зубов этих животных,

чтобы понять – дело обстоит как раз наоборот. По зубному ряду калан полностью отличается от морского котика и морского льва, (которые практически одинаковы). У каланов имеются резцы и клыки, а также исключительно крепкие моляры - ими он сокрушает оболочки крабов и ракообразных, которыми питается.

Что касается пищи калана, я исследовал содержимое желудков сотен зверей. Ни разу я не обнаружил ни следа водорослей, и лишь очень редко попадалась обычная рыба, кости которой, конечно, сразу бы доказали ее присутствие. Утверждение Стеллера, что калан ищет свою пищу во время отлива на «мелких скалистых рифах, поросших водорослями и т.д.» или является ошибочным, или калан изменил свои повадки. Единственная пища, которую он мог бы найти на камнях, обнажившихся во время отлива, это водоросли мидии, морские блюдечки и морские ежи. Я не заметил никаких следов раковин гребешков, мидий или блюдечек в желудках, которые я осматривал, но, как правило, находил останки крабов, морских ежей, асцидий, и что-то вроде рыбьей икры. Крабов и других ракообразных они пережевывают и проглатывают вместе с панцирем. Однажды я обнаружил, что живот калана, убитого мной милях в восьми или десяти от берега, заполнен остатками некоторого количества небольшой рыбы, и ни следа ракообразных, шкура этого зверя была очень низкого качества, мышинового цвета, с коротким мехом и почти без длинных волосков. Калан ныряет за пищей, и поднимается на поверхность, чтобы ее съесть, удерживая корм между передних лап. Я много раз наблюдал, как они кормятся с берега, когда они в бурную погоду искали убежища в водорослевых полях.

К сожалению, ошибки встречаются не только у старых авторов. В журнале «Сайентифик Америкэн Сапплмент» от 12 мая 1906 г., утверждается, что "выдающийся зоолог Пешнель-Лёше подтверждает игривость морской выдры, говоря, что они резвятся, как дельфины, и, похоже, особое удовольствие для них очень высоко подпрыгивать, и падать в воду с громким всплеском ". За все двадцать с лишним лет моего опыта я ни разу не видел чтобы калан выпрыгнул из воды описанным образом. Он выпрыгивает из воды только, когда «скачет», как это называют охотники, будучи жестоко преследуем. Замечания Пешнеля-Лёше вероятно относятся к морскому коту, а не к калану.

Даже м-р Р. Лайдеккер в своей последней публикации о морской выдре, делает несколько ошибок, которые я позволю себе исправить. Он представляет животное как питающееся моллюсками гребешками помимо прочего. Возможно, морские выдры и ели гребешков, но судя по моему опыту, излюбленные места каланов не подходят для гребешков, кроме того, моллюски зарываются в ил или песок, и калан не может их выкопать. Он любит камни и каменистое дно, а мест, где много песка или грязи, калан избегает. М-р Лайдеккер говорит: "В прежние времена морские выдры имели привычку выходить на берег, как для того, чтобы полакомиться морскими ежами и моллюсками, выброшенными приливом, так и для отдыха и размножения». Что они выходили на берег, чтобы кормиться я очень сомневаюсь, за весь мой опыт, я никогда не видел достаточно морских ежей и моллюсков, выброшенных приливом, чтобы прокормить детеныша калана хотя бы один день, в то время как мириады их лежат на каменистом дне, где растут водоросли, в 10- 25 саженях от поверхности воды. Калан похоже, предпочитает, добывать корм на этих глубинах. Я никогда не видел, чтобы они ныряли за кормом на 4 или 5 саженях, хотя порой они, вероятно, это делают.

Что касается критики м-ра Лайдеккера относительно отстрела каланов как «бесхозяйственного метода промысла» я позволю себе не согласиться.

Используется винтовка, а не ружье и за долгие годы моего участия в промысле застрелив более 1000 каланов утонули только три – которые были подстрелены в процессе ныряния после того, как их мех от долгой погони промок насквозь. В отличие от тюленей убитые каланы не тонут. Мой опыт не подтверждает того, что говорит м-р Лайдеккер о шкуре мертвых каланов, что якобы она портится, если останется несколько часов в воде, благодаря "мириадам мелких ракообразных, которые кишмя кишат в Северном Ледовитом океане". По крайней мере полдюжины или больше раз я брал каланов, которые были мертвы, я уверен, в течение нескольких дней, и плавали в воде, в этих случаях чистые раны, нанесенные клювами альбатросов и других морских птиц, которые пытались поживиться трупами, были единственными повреждениями. Без сомнения, если мертвого калана вынесет на берег, шкура придет в негодность довольно быстро. Ловля сетью якобы представляет собой, еще более расточительный метод чем отстрел, ибо шкуры "безвозвратно портятся, если оставить их на сколько-нибудь

длительное время в воде», но если бы это было так, я сомневаюсь, что русские власти позволили бы сети на острове Медный, где такой способ является единственным разрешенным.

Однако, довольно исправлять ошибки в публикациях о калане - эта задача может легко разрастись в отдельный том.

"Белые охотники" свежую каланов, рассекая их с конца хвоста по животу до нижней губы, затем от середины груди вниз к каждой передней лапе, и от ануса по внутреннему краю каждого заднего плавника. Это позволяет растянуть кожу плоско и симметрично, как показано на илл. на стр. 50. На охотничьих судах, имеются доски около 6 футов в длину, шириной в 1 фут и толщиной 1 дюйм, чтобы изготавливать рамки для растягивания шкур. Охотясь в полосе прибой или из лодок с берега, потрошат каланов таким же образом чтобы растянуть их на земле, используя деревянные колышки.

Охотники- туземцы всегда свежую калана "на выворот" - то есть, делается надрез вдоль внутреннего края ласты через анус и вниз, хвост, а кожа снимается выворачиванием внутрь через голову. Ее растягивают на кусках доски, которые ставятся внутрь и плотно расклиниваются, подкожный жир и т.д., затем срезается, шкуру скребут и сушат, после выворачивают мехом наружу. Шкура взрослого животного обработанная таким образом, имеет размер от 6 футов 6 дюймов до 7 футов от носа до кончика хвоста, ширину от 20 до 22 дюймов в плечах, и от 28 до 30 дюймов в нижней четверти. Хвост - примерно 12 на 4 дюйма.

Распарывание, свежевание и растягивание шкуры калана на раме, как это практикуется у "белых охотников" – это целое искусство. На борту охотничьего судна, капитан которого хочет гордиться тем, что его шкуры отменно выглядят, «потрошением» как это называется, занимается один человек. Это гарантирует, что все шкуры будут растянуты по одной и той же форме. После того как надрезы сделаны, шкура снимается с тела, через глазные отверстия пропускается лить, шкура окунается в забортную воду и выполаскивается вся кровь до последней капли. Затем из досок изготавливается рамка соответствующего размера.

До растяжки шкуры голову и хвост «подрезают» – с головы и хвоста срезается весь подкожный жир и т.д. вплоть до самой кожи. Делается это перед растяжкой потому, что «подрезаемая» область настолько мала, что она ее нельзя будет

правильно очистить после того, как будут вбиты растяжечные гвозди. Для этого используются «французские» гвозди длиной 2 1/2 дюйма. Первые гвозди вбиваются в нос и под нижнюю губу, потом идут хвостовые. Затем прибиваются «углы», особенно следят за тем, чтобы бока растягивались в прямую линию. Передние лапы и задние лапы прибиваются почти в последнюю очередь, кроме двух гвоздей по бокам шеи. И вот кожа туго натянута, и начинается процесс «подрезки». Это делается следующим образом:

Проводится прямой надрез острым "подрезным ножом" от шеи до хвоста до середины спины, как раз на такой глубине, чтобы срезать жирные части, которые пристают к коже, когда ее снимают с животного – делается это аккуратно, так чтобы не задеть кожную ткань, к которой крепится мех. Как правило, над одной шкурой работают два человека. Рама находится на удобной высоте, и по одному человеку с каждой стороны «подрезают» плотные ткани на шкуре. Хорошие «подрезчики» делают это в один присест, срезая все дочиста, но не разрезая настоящей кожи. После того как «подрезка» закончена, если есть пулевые отверстия в коже, их аккуратно зашивают, а затем гвоздики по бокам перебиваются, и кожа натягивается туго, как барабан. Затем ее выносят на солнце и сушат. Когда она сохнет, жир или сало в ней выступает на поверхность, и его соскабливают тупым ножом. В хорошую погоду, примерно чрез три-четыре дня шкура готова и ее можно снимать с рамы - чистую, белую и сухую, из которой вышло почти все сало благодаря постоянному скоблению. Затем мех как следует выбивают и шкуру убирают. Через определенные промежутки времени "в солнечную погоду эти шкуры снова проветривают, пока, наконец, они не будут упакованы для отправки в Лондон. ПРИЛОЖЕНИЕ II

ИСТОРИЯ ПРОМЫСЛА КАЛАНА НА КУРИЛАХ

Из старинных японских записей, очевидно, что каланы в свое время водились на восточном побережье Эдзо, хотя там их уже давно истребили. Вероятно, животные отступили отсюда к пустынным водам у берегов Курильских островов, когда японцы пришли и основали вдоль побережья свои базы для рыболовного промысла и сбора морских водорослей. Как уже говорилось ранее, русские открыли морских

выдр на побережье Камчатки к концу семнадцатого века, но существуют японские данные, показывающие, что айны с Эдзо охотились на каланов более чем на столетие раньше. М-р Дж. Кэрри Холл, британский консул в Хакодате в 1892 году, приводит интересные сведения по этому вопросу в своем отчете за тот год - результат его исследований старых японских письменных источников, а также некоторые данные относительно охоты вплоть до недавнего времени. Я взял на себя смелость воспользоваться его информацией, а также исправить несколько ошибок, касающихся промысла в начале семидесятых годов, когда до японских властей впервые дошла мысль о значении этого бизнеса. Г-н Холл говорит: "Охота на морских выдр у Эдзо и на Курилах продолжается уже по меньшей мере три столетия. Самые ранние упоминания об этом я смог найти в японских документах этого времени, когда ленный барон Мацумае, Какидзаки Ёсито преподнес три шкуры великому Тайко Сама. Опять же, в 1615 году предводитель айнов восточного Эдзо прибыл в замок Мацумае и принес три белых шкуры калана для Даймё. На следующий год этот дворянин представил две шкуры длиной по 7 футов для правящего сёгуна, Токугава Хидэтада. После этого шкуры часто преподносились правящему сёгуну владельцами Мацумае.

С Эдзо операции вскоре передвинулись на соседние Курильские острова. В 1633 году четыре или пять семей айнов из Аккиси переехали в Сибеторо на Итурупе, и занялись охотой на морских выдр, медведей и орлов, чьи шкурки они привозили ежегодно в Аккиси для обмена на рис, рисовое пиво и т.д.

С того момента эмиграции айнов на Курильские острова продолжала расти, на крупных южных островах группы сформировались небольшие населенные пункты, в основном для охоты на выдру и других морских животных. В 1765 году эти айны с Итурупа, во время охоты у Хоромушири, Ниишири и Урупа, и в других местах в море, впервые столкнулись с русскими. После боя, который тогда произошел, русские не появлялись в течение десяти лет. В 1778 году айны Итурупа помешали русским охотиться, как они того хотели, на Урупе и в других местах рядом. Однако русские, использовали ружья не только для охоты, но и для боя, в то время как у айнов были только луки и копья. Позже русские пришли в большом количестве, и стали охотиться в свое удовольствие. Вскоре после того, айны были вынуждены совсем покинуть Итуруп и все Курилы стали практически территорией России.

"В 1796 году тридцать русских мужчин и женщин, пришли и поселились на Уруп, имея с собой сети, они изловили большое количество кланов, которые водились у этого острова в гораздо большем числе, чем у любого другого из Курильских островов. Вторым по охоте местом был Итуруп, и в 1800 году айнами, под предводительством японского купца из Хиого, была предпринята решительная попытка восстановить прежнее положение на нем. Айнам были предложены более высокие цены (в рисе) на шкуры, и через несколько лет они восстановили свои охотничьи базы по всему острову, и русские им больше не досаждали, однако они и не выпустили из своих рук соседний остров Уруп, на котором, в конце 1866 года они поселили в качестве охотников несколько выходцев с Аляски

"Все это время торговля шкурами, которые добывали айны был монополией даймё Мацумае. Смерть или изгнание было наказанием тому, кто продал бы их третьим лицам. Шкуры направлялись из Мацумае в Нагасаки, и там продавались фактором дайме китайским купцам. Спрос на высококлассные меха в Северном Китае является неизменным.

"После 1869 года, когда феодальная система рухнула, и правительственная власть вернулась в руки государя, права и привилегии баронов Мацумае перешли к новому правительству, в их числе и монополия на охоту и торговлю пушниной.

"В 1869 году была создана Специальная комиссия по колонизации (Кайтакуси) в целях заселения и развития этих отдаленных зависимых территорий, и её филиал был учрежден на Итурупе для регулирования и управления промыслом калана, и защиты от иностранных браконьеров. Поначалу изменений в старой системе не было, шкуры брали у охотников-айнов по обычному прейскуранту, то есть, около 8 бушелей нерушенного риса за шкуру первоклассного качества, 6 бушелей за среднюю, и 4 бушеля за рядовую, что по тем ставкам примерно равнялось 24, 16 и 12 шиллингам соответственно.

В 1870 году произошли перемены, айны Итурупа были наняты на службу в контору по Колонизации, и все промысловые перешли под официальный надзор. Но этот эксперимент не показал удовлетворительных результатов, и в 1874 году вернулись к прежней системе. В этом году в первый раз, две японских канонерских лодки были направлены для патрулирования побережья южных Курил и отпугивания иностранных браконьеров, с тех пор эта практика стала постоянной. В

то же время две базы-филиала Кайтакуси были учреждены на Итурупе - а именно, Ноцука и Тосиури - и в то время как айнам была выдана генеральная лицензия на охоту, продажа шкур кому-либо кроме правительства была строго запрещена, официальная цена шкуры составила 5, 4 и 3 иен (около 20., 16 и 12 шиллингов) в зависимости от качества.

Айны охотились на калана следующими способами, летом - лежа на камнях, стреляли в него стрелами из лука, а зимой, били зверя на льду дубинками.

Чиновники из Кайтакуси вскоре скопировали и ввели иностранный способ охоты с лодок из огнестрельного оружия. В 1877 году число охотничьих баз Итурупе выросло до четырех, а в следующем году появилось еще несколько контор и охотничьих баз на других островах, теперь перешедших к Японии от России в обмен на Южный Сахалин. В 1880 году объем правительственных средств отпущенных на промысел на Курилах составил около 2 000 фунтов. В 1882 году Колонизационная комиссия была упразднена, и Хоккайдо (или «Округ Северного моря»), как теперь назывались Эдзо и Курилы, перешел под контроль Государственного департамента сельского хозяйства и торговли, но эта перемена вряд ли изменила что-то в части охоты и системы торговли пушниной.

Представление о масштабах этих официальных операций можно получить из следующих данных, извлеченных из официальных статистических публикаций:

Итоги промысла калана за 9 лет под управлением Комиссии по Колонизации

год количество шкур

1873 299

1874 78

1875 250

1876 285

1877 342

1878 270

1879 211

1880 137

1881 77

Из этого можно сделать вывод, что в самом удачном 1877 году доходы правительства от пушной торговли составили около 4000 фунтов стерлингов, при себестоимости около одной четверти.

Итоги промысла за пять лет, что он находился под управлением Департамента сельского хозяйства и торговли показывают значительное падение:

год количество шкур

1882 82

1883 3

1884 53

1885 31

1886 99

М-р Холл не приводит данных за 1887 и 1888 гг., но в 1889 г. была создана компания под названием «Тейкоку Суисан Кайся» (Компания Имперские Морские Продукты) с капиталом в 750 тыс иен. Этой компании была отдана монополия на промысел калана и тюленей в японских водах на пять лет. Добыча шкур там по данным м-ра Холла составила:

1889 53 калана 33 морских котика

1890 47 - - - 40 - - -

1891 57 - - - 40 - - -

1892 54 - - - 3 - - -

Разрыв в данных на период 1887 и 1888 гг., полагаю, я смогу объяснить. Таблица должна начаться не с 1873, а с 1875 года, это был первый год, когда правительство получило добытого на Итурупе калана. Эти 299 шкур были привезены в Хакодате в мае 1875 года, «Карафутто Мару» («Капрон Мару»). Меня попросили проверить, рассортировать и оценить их, что я и сделал 30 мая того же года, и поэтому мне лично известны эти обстоятельства. Более того, я охотился на Итурупе в 1873 году, и знаю, что охотников, работавших на правительство, там не было. Несколько шкур добытых айнами в этом году были проданы иностранным охотничьим судам. Охотничьи базы были основаны не ранее осени 1874 года. Потерпев крушение в

декабре того же года, я оставался в течение трех недель на одной из этих баз, но за это время не было добыто ни одной выдры. Позже, в феврале, когда установился лед на побережье, айны сделали хороший улов, добыв около 300 шкур.

В вышеприведенном отчете говорится, что филиал Кайтакуси был учрежден в 1869 г. «для регулирования и управления промыслом калана, и защиты от иностранных браконьеров». Осмеливаюсь думать, что это не так, вот по какой причине: Филиал Кайтакуси действительно была создан на Итурупе, но задача его была не та, что названа м-ром Холлом – он скорее занимался вопросами лова у острова лосося и симы, промысла, который имел большое значение. Промысел калана, как и любой другой, несомненно, входил в сферу Кайтакуси, но тогда о морской выдре никто не задумывался и никто ею не занимался. Постоянных охотничьих баз на острове, и никакие иностранные охотничьи суда не посещали эти воды. Поселения на Кунашире и Итурупе были созданы не с целью охоты на морских выдр на этих островах, но и для освоения их рыбных богатств. Все населенные пункты на этих островах расположены на северо-западном или охотоморском побережье, где калана нет (морские выдры водятся почти исключительно на юго-восточном или тихоокеанском побережье островов), но где протекают главные реки и ручьи, куда идет на нерест лосось и сима. Побывав на острове Итуруп в 1873 году, и побеседовав как с айнами, так и с японцами об этом вопросе, я знаю, что к тому времени уже за много лет никто не обращал никакого или почти никакого внимания на калана.

Длительный отдых от посягательств человека привел к тому, что к 1872 г каланы чрезвычайно расплодились, и стали столь непугаными что, когда там появились первые охотники-иностранцы, вместо того, чтобы испугаться приближения лодки, они частенько - видимо, из любопытства - плыли к ней, и оказывались легкой добычей. Эта доверчивость, однако, не продлилась долго. Они быстро осознали опасность. Количество морских выдр, добываемых айнами в прежние времена, было, как я склонен думать, сравнительно небольшим. Забивать зверя в количествах больших чем те, что были необходимы для подношения вождям и для пропитания, не было никакой корысти. Зверя было в избытке, и можно было без труда добыть большое число в конце зимы, когда лед устанавливался на побережьях. Количество шкур, которые попадали в Нагасаки, не могло быть

большим, иначе бы калан фигурировал в качестве важного пункта в торговле города.

Лишь когда иностранцы начали охотиться на морских выдр у Итурупа, японские власти осенила идея о том, какая это важная и значительная отрасль. Об этом свидетельствует отчет г-на Холла, ибо в нем нет статистики по калану, добытому айнами для Кайтакуси до "1873" (1875 г.?). Как объясняется в главе IV, первым иностранным судном, пришедшим охотиться в водах, прилегающих к Итурупу была американская шхуна «Сигнет» из Санта-Барбары, под командой капитана Кимберли, летом 1872 года. Она была единственным судном в тот сезон, и в очень короткий промежуток времени добыла около 300 шкур – звери были очень многочисленны и доверчивы. Об ее успехе вскоре стало известно, и это подвигло других пойти на промысел. Когда в следующем сезоне (1873), я снарядил шхуну из Иокогамы, и прибыл к местам промысла, я обнаружил там еще шесть судов, которые занимались охотой на калана. Все они пришли из Калифорнии. Их общая добыча за сезон составила около 1200 шкур, больших и малых. В течение этого сезона местные айны не охотились на калана, разве что между делом, и, в основном, ради пропитания. Они понятия не имели о ценности шкуры и легко расставались с ними ради нескольких поношенных вещей, табака, мыла и т.д. Две или три иностранных шхуны получили от них таким манером около дюжины, а то и больше, шкур.

Только начиная с 1874, что японские власти стали предпринимать какие-то действия по развитию этой отрасли, но и тогда действовали столь неуклюже и непрактично, что мало чего достигли. В 1874 году у Итурупа было двенадцать иностранных охотничьих судов, девять из них пришли из Японии. Японцы послали пару судов - канонерскую лодку «Осака Канн» и пароход Кайтакуси «Капрон Мару» - попытаться отогнать этих иностранных охотников, но не слишком преуспели в этом, частично из-за дипломатических трудностей, и отчасти потому, что промысел, в основном, проходил за пределами территориальных вод (три мили). Замечу, что калан, когда его потревожат у берега, идет в сторону моря на пять-шесть миль, а то и больше, в течение дня он лежит в море, по ночам и в штормовую погоду заходит к берегу, чтобы покормиться. Неоднократно в период с 1873 по 1878 год у берегов Итурупа я видел «стада» каланов численностью от

десяток до более чем ста животных. Некоторые из иностранных судов, не обращали внимания на предупреждения и угрозы Японии, и продолжали охоту на протяжении всего сезона, а другие, после того, как их несколько раз взяли на abordаж и предупредили, уходили с промысла раньше, чем планировали. Общая добыча этих двенадцати иностранных судов в течение сезона составила около 1350 шкур. Две маленьких шхуны и шлюп погибли в 1874 г. по дороге к местам промысла – «Унди́на» в открытом море со всей командой, «Кайсё» на Итурупе и шлюп «Сноуфлэйк» на Эдзо – утонул его капитан. В декабре этого же года шхуна «Сноудроп», принадлежавшая мне, погибла на Итурупе, вернувшись, чтобы попробовать поохотиться в зимние месяцы, после успешного летнего сезона. Большие ледяные поля закрыли северо-западное побережье Итурупа в феврале 1875 года. После того, как эти льды ушли через проливы в Тихий океан, ветры юго-восточных направлений прибили их к на юго-восточному побережью острова, заставив каланов, которых гнали перед собой дрейфующие льдины, выйти на лед. Воспользовавшись этим, японцы сумели добыть около 300 зверей, забивая их дубинками на льду. Японские официальные данные, приведенные м-ром Холлом, гласят, что в 1875 г. Добыто 250 шкур, но я сам проверил 292 шкуры в мае 1875 года в Хакодате, в основном, добытые, когда пришел лед. Эти шкуры были погружены на «Капрон Мару», судно на котором я возвращался в Хакодате с Итурупа, проведя там шесть месяцев после крушения «Сноудроп» в декабре 1874 года. После этого иностранными охотничьими судами больше не предпринималось попыток зимовать на Итурупe. Японцы, после того как «Осака Канн» лишилась мачт в августе 1874 года, а канонерка «Табо Канн» погибла в следующем сезоне на юго-западной части Итурупа, практически отказались от попыток отвадить иностранных охотников, суда которых с тех пор промышляли калана без помех. Пересмотренный отчет о количестве шкур, добытых с 1872 по 1881 год, следовательно, должен выглядеть так:

год	добыча		добыча
1872 .. одно иностранное судно	300	японцы	0
1873 .. семь иностранных судов	1196	- -	0
1874 .. двенадцать - -	1353	- -	0

1875 .. семь - -	1250	--	299
1876 .. восемь - -	1150	--	78
1877 .. девять - -	1083	--	292
1878 .. девять - -	818	--	285
1879 .. семь - -	375	--	342
1880 .. восемь - -	450	--	270
1881 .. одиннадцать - -	350	--	211

Итого: 10 102 за десять лет

С 1872 по 1878 морских выдр охота иностранных судов у Курильских островов практически ограничивается районом Итурупа, вдоль юго-восточной или тихоокеанской стороны, и на небольшом расстоянии вокруг каждой оконечности, и с одного этого острова было добыто более 8000 шкур в течение этих семи лет. В 1878 году, из-за того, что калана было немного, я на шхуне «Отومه» оставил Итуруп, чтобы попытать счастья у островов дальше на севере. Немалое количество клана было замечено по всей гряде вплоть до Камчатки. Две других шхуны, «Сигнет» и «Александр», также охотились на северных островах, и взяли неплохую добычу. После этого все другие охотничьи суда последовали этому примеру, и охотились по всей Курильской гряде.

В течение следующих десяти лет (с 1882 по 1891 г.) иностранные шхуны добыли 656 шкур, японцы добыли примерно 545 – итого в общем за десятилетие - 1201. С 1892 по 1901 год было добыто всего 800 - и японцами, и иностранцами. С 1902 по текущий год (1909) добыто около 350.

С 1879, когда один из охотников на каланов добыл некоторое количество морских котиков, все больше и больше внимания уделялось промыслу котика, и все меньше промыслу калана, покуда последний не был практически полностью оставлен.

Старая шхуна «Диана» была последней, кто оставался в этом деле. Она продержалась до 1893 года, и тоже сдалась, потому что предприятие совершенно перестало окупаться. Ее добыча за последние четыре года составила пятьдесят три, тридцать пять, сорок шесть, и пятьдесят шкур. После этого суда время от времени

заходили на острова по пути к тюленьим лежбищам Берингова моря, и добывали по несколько шкур, также несколько шкур в год добывали и японцы.

Несколько десятков шкур, которые фигурируют в приведенных выше данных о добыче последних лет, были добыты к северу от Курильских островов, у берегов Камчатки.

Вскоре после того, как иностранные суда начали охоту в окрестностях Курильских островов, внимание чиновников Кайтакуси на значимость и возможности этой отрасли обратили иностранцы, которые знали этот бизнес и готовы были, в сотрудничестве с японскими торговцами, вкладывать в него деньги и щедро платить за эту привилегию, при условии поддержки со стороны правительства в упорядочении, сохранении и защите промысла. Их предложения были отвергнуты, и результаты этого слишком хорошо известно, чтобы их называть. Хотя число выдр добытых охотниками Кайтакуси с 1873 по 1880 кажется довольно значительным, будь приняты надлежащие меры, легко можно было бы обеспечить и вдвое большую добычу. На деле же иностранные охотничьи суда собрали все сливки и, как следствие, сегодня этот ценный промысловый зверь, которого можно было взять под защиту и сохранять бесконечно долго, практически истреблен. Политика японских властей в этих вопросах всегда была непоследовательной. В случае с охотой на калана, они ничего не знали о ее ценности, размахе и возможностях, пока иностранцы не взялись за нее, а когда они обо всем этом узнали, вместо того чтобы действовать в деловой манере при помощи иностранцев, и пожинать плоды их опыта, они попытались работать сами, направив на место чиновников, которые не могли отличить калана от слона. Кроме того, они сделали промысел монополией Кайтакуси, и воспрепятствовали участию в нем собственных соотечественников. Эта политика продолжалась до 1889 года, когда была создана «Тейкоку Суйсан Кайся» (Компания «Имперские Морские Продукты»), и были обнаружены лежбища котика (также иностранцами), на необитаемых островах и скалах средних и северных Курил. Проводилась эта политика, несмотря на то, что к властям вновь обратились иностранцы с выгодными предложениями. Это закончилось тем, что иностранные суда снимали пенки, пока ничего или почти ничего не осталось, и тут вдруг японцы повернулись на 180 градусов и стали всячески поощрять своих людей снаряжать суда и вступать

в этот бизнес, субсидируя их размере 10 иен за тонну в год. Это продолжается до сих пор и сегодня более тридцати японских судов, ведут свои операции - в основном по промыслу котика – вплоть до островов Прибылова в Беринговом море.